

Мириам Гамбурд

ГАРГУЛЬЯ

Журнал «Звезда»
Санкт-Петербург
2020

ЭТЮД

Искусствоведу и другу Якову Бруку посвящаю

Вся ты прекрасна, подруга моя,
и нет в тебе изъяна.

Песнь Песней Соломона

Этюдом на отделении скульптуры в «Штиглице» называлась не работа над пейзажем на пленэре — на этюды мы не ходили и этюдов не писали, мы их лепили. Многочасовая лепка обнаженной модели в натуральную величину или в полнатуры — это и был этюд.

Модель устанавливалась в классической позе с упором на одну ногу на проворачивающемся вокруг своей оси подиуме так, что количество точек обзора оказывалось максимальным. Большим оно могло бы быть, если подвесить модель, но и конструктивной поликлетовской позы достаточно — все недочеты студенческих этюдов прекрасно видны. Нет никаких мягких сидений, срезающих половину бедра, драпировок, скрывающих узловые моменты коленей или плечевого пояса, лежанок, расплющивающих полных натурщиц и проглатывающих тощих. Поликлетовский хиазм выстраивается переносом центра тяжести стоящей на двух ногах фигуры на одну, опорную. Таз будто подчиняется армейскому окрику «Вольно» и ломает секунду назад в струнку вытянувшиеся, смиренно стоящие оси движения. Сейчас они — колчан переломанных стрел. Грудная клетка и плечевой пояс под одним углом, таз — под другим. Этот разницей и есть основа нового порядка. Хаос? Ничуть не бывало,

Гамбурд М.
М?? Гаргуля. — СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2020. — 288 с.
ISBN ???????

ББК 84.Р7

ISBN ??????????

© Мириам Гамбурд, 2020
© ООО «Журнал «Звезда», 2020

напротив, математически выверенная гармония. Вереvoчный отвес прочертит перпендикулярную плоскости станка линию от ярeмной ямки — мы называли ее «душка» — к лодыжке опорной ноги, иначе скульптура завалится и стоять не будет. Классический канон точен и взыскателен. Не натура обнажена, ты сам наг, ничего не скрыть. Что умеешь — имеешь, то и видно.

На старших курсах меня преследовала навязчивая фантазия: я сама из глины стою на подиуме с упором, разумеется, на одну ногу. Галатея и Пигмалион в одном лице. Несколько точных прикосновений к влажному податливому материалу — и я исправляю все недостатки своей фигуры. Первым делом убираю лишнее с полных щиколоток и делаю их стройнее. Теперь четко просматривается внутренняя косточка лодыжки. Затем утончаю талию. Торс моей Галатеи вполне соответствует канону античной красоты: плавный переход от бедер к грудной клетке, талия не акцентирована. Передо мной девичье тело почти мальчишеских пропорций. Это впечатление создают широковатые, но легкие плечи и маленькие далеко стоящие одна от другой грудки. «Этот стан твой пальме финиковой подобен, и груди твои — гроздьям». Половинкам дикого апельсина подобны груди твои. Сбоку же картина другая — плечевой пояс хрупок без худобы и лишен объема, будто вырезан из листа картона. Плечи отведены назад, ключицы энергично прочерчены, лопатки утопают в плоскости спины. Узкая талия, широкие бедра — это иной тип женской красоты, прославленный индийской скульптурой, и я вовсе не собираюсь ему следовать, но античности надобно поубавить. Соскребаю обеими руками круговым движением глину в области талии со спины и с боков, потом большой деревянной стекой уточняю форму. Лишний материал сминаю в комок, он мне еще пригодится. Живот плоский и мускулистый очень хорош и превосходно держит всю фигуру. Его не трогать!

Он вольготно и изящно расположился меж чуть выступающих гребней тазовой кости внизу и аркой грудной клетки наверху. «Пупок твой — круглая чаша, не скудеет вино пряное...» Нет, не годится. Какая там чаша? Ни капли вина такой пупок не вместит, она скатится к аккуратному, чуть выступающему лобку. Тогда может быть «Живот твой — сноп пшеницы, окаймленный лилиями» или «живот его/ее полированная слоновая кость»? Шикарно! Жаль только, что это относится к мужскому животу. Но не время любоваться и жонглировать цитатами, торопись же! Белая ночь вот-вот пойдет на убыль. С перекрестка Литейного и Пестеля уже доносится дребезжание трамвая. В мастерской полумрак, вокруг на станках стоят спеленатые во влажные тряпки и клеенки учебные работы моих однокурсников. Из ящика с глиной тянет болотной гнильцой.

Разворачиваю фигуру на подиуме спиной. Выпуклые ягодички, казавшиеся раньше вполне соразмерными, сейчас выглядят крупными. Да, конечно, иначе и быть не может, ведь я сузила талию. Не стану их трогать. Позвоночный столб — да какой же он столб, куда больше похож на змею — в моем случае в районе спины оправдывает свое название, но на подходах к затылку в нем просыпается змея. Она выносит глиняную голову фигуры вперед под углом, который надо немного успокоить. Это не простая задача — придется гнуть и выпрямлять металлический каркас, опутанный проволокой, держащий фигуру, и я отказываюсь от затеи. Попробую решить задачу не так радикально и агрессивно, но мирным способом. Просто подниму немного затылок, уплотню шею в основании черепа, уберу лишний материал спереди... Не годится. Подбородок и плоскость лица по-прежнему вынесены вперед так, что, если воспользоваться веревочным отвесом, перпендикулярная линия прочертит-соединит (взгляд сбоку) кончик подбородка с серединой стопы, минуя соски. Оставляю

плоскость лица как есть. Не увлекайся! Не нарушай общую гармонию! Поди выстрой ее потом заново... Плоскость лица, точнее клин лица, чуть завалена назад. Скульптор во мне не позволяет исправить/испортить орлиный нос и придать ему банальную форму. Состояния пластические хирурги сколачивают на подобных операциях. Нос зрительно уравновешен пышной копной волос на затылке. Да-да, знаю, все это остро и выразительно, но так хочется хоть немного успокоить эту дерзкую горбинку! Из-за нее меня считают за-нос-чивой, и вообще нос цепляется за все углы. Еще бы не цепляться, когда он «башня Ливанская, обращенная к Дамаску». Не трогай имперский ахматовский нос! Неси по жизни свой нос-ношу — и будешь ты царицей, Мира. Выпуклые глазные яблоки посажены в просторные глазницы, и брови прочерчены высоко над ними, разрез глаз продолговатый. И если по примеру древних раскрасить статую, то глаза так и останутся цвета маслянистой пулковской глины, из которой сработан этюд. Нижняя часть лица овальна и чуть тяжеловата. Ее можно облегчить, соскоблив немного глины с нижней челюсти и подбородка. Угол шеи этим не уменьшить, но она станет длиннее. Небольшой рот тонкой лепки красив. Нижняя часть лица как у японок на гравюрах. Японцы видят себя совсем не так, как мы их видим: никаких широких выпирающих скул, лица вытянутые, продолговатые и чуть тяжеловатые в нижней овальной части. Уши Галатеи посажены вполне удачно, немного смещены к затылку и открывают боковые плоскости лица, но крупноваты. Их надо бы чуть уменьшить, чтобы не торчали, как у породистого щенка.

Теперь отойди на несколько шагов назад, резко развернись и глянь на исправленную скульптуру. Надо же, ведь я не укорачивала ноги... Но ты удлинена шею. Фигура помещена на глиняном пьедестале высотой в несколько сантиметров. Обрезаю его вокруг левой, затем вокруг правой стопы. Сейчас глиняная

я стоит как бы на котурнах. Срезаю котурны, тяну вниз стопы, опускаю их на деревянную плоскость станка и освежаю лепку. Форма стоп и пальцев ног немного смялась в процессе исправлений, и на обеих голенях образовались широкие трещины, открывающие каркас. Заделываю их глиной. Н-да... Вроде бы не собиралась увеличивать рост, ведь я и так выше и крупнее большинства окружающих меня мужчин. Я родилась через два года после окончания войны, а тем немногочисленным мальчикам, которые старше меня, выпало голодное детство, да и матери вынашивали их на скудном тыловом рационе.

Ноги получились слишком длинными и плотными, и теперь верхняя часть фигуры смотрится совсем легкой и как бы вознесенной на тяжеловатом для нее пьедестале. Вот ведь нарушишь гармонию и сотворишь прекрасного монстра. «Голени его/ее — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях». Проверь, не выглядят ли при этих столбах руки короткими? Нет, нисколько. Ведь не кажутся короткорукими женщины на высоких каблуках. Кисти рук... Не пристало скульптору иметь такие холеные кисти с удлинненными пухлыми пальцами, как на придворных портретах.

Все отчетливее слышно, как уборщицы сердито переговариваются, орудуя швабрами. Приоткрываю высокую дверь, успеваю на ходу нагнуться и оттяпать по половине фаланги на больших пальцах ног моей Галатеи — ее удлинненные стопы красивы, но великоваты. «Как прекрасны ноги твои в сандалиях (на размер меньше), дочь именитая!» Выскальзываю в полнящийся светом коридор, но возвращаюсь, чтобы еще раз оглядеть свое творение. Здорово! Bravo! Справилась.

Пол меняй!!! Хватит канючить, мол, осознание себя девочкой — твое первое в жизни тяжелое знание. И перестань ссы-

латься на Фрейда, да, верно, это он сказал, что девочки прекрасно понимают, что пениса у них нет и не предвидится, и это их очень огорчает.

Комка глины, который ты мнешь в руке — ладонь горячая от волнения, и глина начинает подсыхать, — вполне достаточно, чтобы это изменить. Ну же, лепи пенис и яички и приделай их к своему изящному лобку, заверши им превосходной лепки, плоский мускулистый мальчишеский живот.

Меняй пол! Вот-вот прокричит петух, торопись!

Да откуда взяться петуху в центре Ленинграда?!

Меняй, говорят тебе!

Но почему сейчас?! Когда мое глиняное тело — само совершенство.

Не медли, черт побери!

Только не сейчас!

Случай не повторится! Меняй пол!

Но я всего лишь раз надела новое французское платье!

Выскакиваю из скульптурки, несусь к входной двери — заперта. Взлетаю по сильно стертým ступеням мраморной лестницы и утыкаюсь в стоящую по центру, гипсовую, тонированную под светлую бронзу фигуру Ленина работы одного из моих педагогов. Сворачиваю направо и крадусь по галерее, кажется, она называется Папской, но никто этим именем не пользуется. Высокая резная дверь в мой любимый Актовый зал приоткрыта: стены забраны резными панелями, над ними — два старинных французских гобелена со сценами охоты. Останавливаюсь, залюбовавшись, но спохватываюсь. Молодежный зал под огромным и прекрасным стеклянным куполом. По привычке скольжу взглядом по заново отреставрированному, рухнувшему во время блокадной бомбежки сегменту купола. Только на одной его ленте сохранился витражный орнамент. Значит ли это, что

оригинальный купол был орнаментирован весь и его не удалось восстановить в первоначальном виде? Уже день, но в нишах нижнего яруса галереи еще длится белая ночь. Нет превосходно размещившегося по периметру верхнего яруса много лет спустя фриза Пергамского алтаря и мраморного барона Штиглица, отца-основателя, тоже нет, но здесь витает дух Веры Игнатьевны Мухиной. Несколько студентов с планшетами спускаются по Итальянской лестнице в котловину зала — значит, входная дверь уже открыта. Размеренным шагом возвращаюсь через знакомую анфиладу и, оказавшись в Соляном переулке, спохватываюсь: вот ведь досада, уши забыла исправить!

Мое новое тело досталось не мне, но дочери Юдит, родившейся десять лет спустя под другим небом. Юной девушкой она объездила полмира как топ-модель. У нее царственная осанка при длиннющих ногах и полное равнодушие к собственной красоте. Волосы азиатской густоты не расчешешь, а горб на носу подевался куда-то в процессе перевоплощений. Не замечала, чтобы дочь кручинилась по поводу того, что ей выпал не тот пол. Как-то в детстве, глянув в старое, с пятнами стертой амальгамы зеркало, которое я приволокла со свалки в свою мастерскую в Яффе, она бросила: «Надо же, Бог совсем неплохо меня вылепил!» Бог, согласно учению иудаизма, создает душу, и она принадлежит Ему до последнего вздоха. Над телом приходится покорпеть родителям.

МЕНЯЛЫ ДЛЯ ПРЕКРАСНОЙ ЛАЛЫ

Стадо беглых египетских рабов, сколоченное в народ Синайским откровением, голубоглазым быть не могло. Скорее оливковый колер подходит для жителей тех широт, оливковый, как переспелые маслины сорта «сури», которые не годятся для отжима на масло — только для засолки. Неплох для пустынников карий или пегий в крапинку цвет глаз, как оперение перепелов, спускавшихся на стан израилюв по вечерам. Перепела съедались без соли и без лука, ведь лук репчатый и лук-порей, горшки с мясом и хлеб досыта остались в светлом рабском прошлом. А как насчет черного, как африканская ночь? — тоже годится. Но голубой — нет. Тогда откуда у евреев голубые глаза? Подходящим может быть еще желтый цвет нильской воды в дни праздника полноводья, когда все ушли на праздник, а жена Потифара осталась, заболела якобы. Вместе с ней в огромном пустом хозяйском доме остался управляющий именем молодой раб Иосиф, тот самый, которого православная традиция зовет Прекрасным, а еврейская — Праведником. Хозяйка влюблена в своего раба, но он отказывает ей во взаимности. Остался он в доме, чтобы исполнить свои обязанности — привести в порядок счета хозяина. Остался исполнить супружеские обязанности хозяина! — считают авторитеты Талмуда. Так о чем это я? Да, о голубом цвете глаз. Об этом существует легенда — и нет, как известно, ничего достоверной легенды — о казаках Богдана Хмельницкого, промышлявших продажей девушек, выкраденных в украинских, тогда еще польских, еврейских местечках, богатой и процветающей еврейской общине Стамбула. Выкуп пленных — важная

заповедь и дело богоугодное, и община регулярно выкупала несчастных пленниц, которые после нескольких дней пребывания на казачьем судне частенько прибывали на турецкий берег беременными. Их дети, появившиеся на свет, по законам Галахи считались евреями. Казаки умыкали только молодых и красивых, таких можно было продать и в гарем, тем самым создавая здоровую конкуренцию между гаремом и еврейской общиной. Цены на пленниц диктовал огромный невольничий рынок, расположенный рядом с портом. Сюда в XVII веке переместился багдадский женский рынок, столетием раньше бывший самым большим на Востоке. Молодые женщины шли по тысяче курушей за особь, мужчины — за восемьсот, пожилые женщины — за двести, старики спросом не пользовались, поскольку товарной ценности не представляли. Лошадь, к примеру, стоила пять тысяч курушей. Закупщики из гарема платили за красавиц чуть дороже рыночной цены, представители общины накидывали еще несколько монет за каждую девушку. Торг шел яростный. Евреи должны были незамедлительно выкупить пленниц и таким образом соблюсти заповедь, волокита приравнивалась к кровопролитию, но, согласно предписаниям Талмуда, им запрещалось переплачивать, чтобы тем самым не возбуждать алчность продавцов и не провоцировать новые похищения. Галаха предписывала выкупать сначала мужчин и только потом — женщин, потому что проституция — удел женщины, но не мужчины. То, что пленники обоих полов подвергнутся насилию, у законников не вызывало сомнения. Казаки мужчин не крали, может, не были сведущи в еврейских законах, но, скорее всего, мужчины-евреи не представляли для них никакого сексуального интереса. Другое дело, перепуганные девушки, оказавшиеся против своей воли на казачьем фрегате в открытом море. Угроза бросить непокладистую пленницу за борт в набежавшую волну обычно сми-

ряла сопротивление даже самых строптивых. Растерянные заплаканные девушки сходили на берег, стараясь ничем не выдать своей постыдной тайны, увы, заранее известной встречающим. Представители еврейской общины отсчитывали надлежащую сумму и уводили только что выкупленных молодых польских евреек навстречу новой жизни, а казаки грузили на свое судно дорогое инкрустированное турецкое оружие, конскую упряжь работы искусных ремесленников Османской Порты, штуки парчи, бархата и атласа, сафьяновую обувь, керамические расписные изразцы и пахлаву. Отлаженный эксклюзивный промысел процветал не один год, но иногда случались сбои.

Старшая дочь вдовца, резника Шломы, пропала год назад, поговаривали, что ее утащили казаки. Это случилось в Судный день, когда малочисленные мужчины местечка на голодный желудок молились в синагоге, и кто-то из женщин видел, как двое евреев-выкрестов, из тех, что ушли жить в Сечь к казакам, приторочили ее к седлу и как совсем мальчишка казачок Микита вскочил на коня и конь понес его с поклажей прочь. Через год Микита привез несчастному отцу письмо от дочери. Заслышав о письме, Шлома, как был — с ножом в одной руке и только что зарезанной курицей в другой — выскочил из резницы, приветствуя казака снопом перьев и брызгами куриной крови. Дочь писала о том, что живет она в Хаскойе, еврейском квартале Стамбула, что замужем, что в месяце таммузе у нее родился сын и мальчик, как положено, был обрезан на восьмой день жизни, что муж у нее инвалид, но добрый, и что она никак не может привыкнуть к здешней еде и готовит на субботу цимес, такой, как готовила дорогая покойная мама, да будет ее душа вплетена в связку жизни, а муж ее за это ругает. Резник бросился целовать гостью руки, на столе тотчас появились горилка, казанок с тушеным мясом и черносливом и хала, оставшаяся от субботы.

Дочь писала правду: община заботилась о сватовстве и замужестве выкупленных пленниц и снабжала их хоть и скромным, но все-таки приданым. Рассчитывать на хорошую партию ни они, ни их потомки в нескольких последующих поколениях не могли. Никому бы не пришло в голову сватать их за сыновей уважаемых семейств, но на обочине жизни богатой стамбульской общины водилось много нежелательного люда: новообращенных, бывших преступников, калек, умственно отсталых и просто бедняков, за которых никто не хотел идти. Их-то и получали в мужья беременные от казаков польские еврейки.

В семье резника подрастала младшая дочь Ривка. В ее пятнадцать у нее уже три года как были месячные, и в эти дни цветы никли в ее присутствии и соленья скисали. Когда Микита впервые увидел ее девичье перепуганное лицо с широко открытыми голубыми (!) глазами и яркими веснушками, то испытал с трудом преодоленное желание заключить в объятия младшую, а не старшую сестру, которой тоже всего-то минуло шестнадцать и чей день свадьбы был назначен сразу после праздника Суккот. В засаде их ждали два перехрыста, и молодой казак не решился своевольно нарушить уговор, но теперь он зачастил в гости к резнику. Когда Шлома заметил щербинку на переднем зубе младшей дочери (не успела созреть, подумал, а уже вянет) и решил не тянуть и подыскать ей жениха, дочь уже была крещена в православную веру, обвенчана с Микитой и беременна. Молодые вынашивали план: Ривку похитят, продадут стамбульской общине, Микита получит свою долю, и они славно заживут. Где? Найдется для них место под солнцем. Друзки уважили просьбу Микиты и во время плавания не покусились на его дивчину: ее рвало от морской болезни, и аппетита она ни у кого не вызывала. На борту среди девушек была пленница куда как интересней. Лея — красавица-еврейка с польским гонором. Перехрысты за-

манили ее на судно обманом, посулив девушке встречу с якобы оставшейся в живых матерью, в действительности зарубленной во время погрома, — и Лея поверила. За услугу они взяли всего ничего — только колечко с брильянтом. Перехрыстами звались евреи-выкресты, которые с семьями уходили жить в Запорожскую Сечь. Спасаясь от погромов, шли к погромщикам, похоронив убитых, шли к убийцам, чтобы выжить самим. Так они кончали с непосильной, унижительной, жестокой еврейской судьбой. В Сечи занятий для них хватало: от врачевания и торговли до всех видов посредничества, и некоторые быстро обучались непривычному делу — владению оружием. «*Чем человек виноват?* — сказал жид Янкель из повести «Тарас Бульба». — *Там ему лучше, туда и перешел*». Неполных три века спустя евреи из тех же мест шли в революцию, и это было легче — не требовалось креститься и порывать с еврейством. Евреи из черты оседлости уходили в революцию от унижительной судьбы, от невыносимой затхлости местечковой жизни, от уродливой нищеты, от гнетущей безнадежности, от накопившейся веками обиды, от беспомощности и страха. Да и как было устоять перед великим соблазном променять все это на власть? Тем более что идеи равенства и демократии не чужды иудаизму, и ребенок выносил их из хедера вместе с навыками диалектического мышления, словесной эквилибристики и вшами.

Лея, с детства ее звали Лалой за звонкий голос, была из богатой семьи, разоренной и уничтоженной погромами. Ее отец начинал управляющим, со временем стал арендатором поместья и сельскохозяйственных угодий крупного шляхтича и поселился с семьей в господском доме. Хозяин жил в Варшаве, и отец с любимой дочкой несколько раз в году ездили к нему отчитываться в делах. Арендатор сам собирал подати с крестьян, и во

время погрома крестьяне голыми руками разорвали его на части. Старший брат Лалы изучал медицину в Падуе. За год до своей гибели отец возил ее туда навестить брата и показать Италию. Она, конечно, не зашла в собор, еврейка ногой не ступит в христианский языческий храм, да и что там, кроме голого распятого, можно увидеть? Хлеб итальянцы выпекают на свином масле — от одного запаха тошнота подступает к горлу. Ткани у них, правда, красоты сказочной, но сплошной шаатнез: кайма на шерстяном отрезе из хлопка, безобразие. Тамошние евреи не говорят ни на польском, ни на идише, бедняги. Незнание этих двух языков не помешало сыну местного торговца корабельным лесом посвататься к видной польской еврейке и получить отказ. Лала развернула вправо свою красивую голову с туго заплетенной косой так, что подбородок коснулся ключицы, и выбросила голову влево вверх, как будто наотмашь сказала «нет». Коса, хлестнув по спине, смирно улеглась меж ее лопаток. Это было не первое отвергнутое сватовство. Маринуй, маринуй свое лакомое блюдо, как бы, смотри, оно не скисло — судачили злые языки. Два других (тоже старших) брата учились в иешивах, один в Люблине, другой в Кракове. Оба погибли от казачьих сабель.

Перехрысты нашли Лалу слонявшейся, как сомнамбула, по разграбленному и наполовину выгоревшему барскому, для нее родному, дому. Девушка представляла собой легкую добычу для мародеров-убийц, в изобилии шнырявших после погромов по местечкам и латифундиям, арендованным евреями. «Есть там кто при ней?» — «Никого, господи казаки. Слуги-евреи все перебиты, христиан она нанять не может — закон не велит. На ней норковая шубка и кое-что из украшений, подаренных молодым паном. Он с детства влюблен в нее». — «Так что, гарна жидовочка скоро станет католичкой и женой шляхтича?» — «Вертит хвостом, требует от пана принять иудейскую веру, если уж он ее

так любит». — «Так что, паньч, выходит, обрежется?» Хохот, грянувший после этих слов, прекрасно изобразил Илья Ефимович Репин на своей знаменитой картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». «Ой, мы избавим паньча от обреза́ния, — стонали казаки, — и от меховой свитки мы избавим дивчину, и еще от кое-чего мы ее избавим». Было уж как соблазнительно насолить пану и отведать яство с его стола.

«Письмо турецкому султану» являет собой образчик сочной и вдохновенной нецензурной ругани. Так, к примеру, респонденты обращаются к султану: «Самого гаспида (черта) внук и нашего х.. крюк...» и далее: «Чорт высирае, а твоэ вйско пожираэ». Происхождение этого уникального документа туманно — подлинника не сохранилось, есть только копия, да и та поздняя. Кто писал письмо и писал ли его кто-то вообще? Было ли оно отправлено адресату? Сложные и, прямо скажем, неоднозначные отношения были у малоросского гетмана с турецким султаном. Репина можно обвинить в исторической недостоверности, но патриотическая ориентация художника безупречна. Османская Порта всегда оставалась опасным и враждебным южным соседом России, и даже в мирные годы крымские ханы из рода Гиреев, вассалы Турции, совершали жестокие набеги на русские земли и угоняли в ясырь целые деревни.

Лала на казацком судне, и за ней глаз да глаз нужен, того и гляди, бросится за борт. Казаки сдергивают с нее батистовую шемизетку с расшитым лифом, обнажив маленькие круглые груди с острыми сосками, и связывают блузкой девушке руки за спиной. Голый по пояс, рыхлый, неатлетического вида, крупный чубатый казачина с жирным загривком — он сидит на картине Репина слева вполоборота к зрителю — намотал Лалину косу на ладонь и сжал ее в кулаке, как возница вожжу. На картине рядом с ним на столе лежит колода карт. Казаки во время игры

снимали рубахи — в рукава ловкие шулера умели припрятать картишку.

Не в картах дело, художнику писать обнаженное выразительное тело интересней чем одетое, и голый персонаж легко становится композиционной доминантой. Судно сильно качает, и Лале не удастся сохранить равновесие. Казак вертит ее головой, прикованной к его ручище, и девушка задыхается. Пытку ужесточает застоявшийся запах конского пота и водочного перегара. «Не желала любовно, а сейчас ты нас желаешь?» Укротитель несколько раз толкнул ее голову вперед так, что получилось «да, да, да». А вот и «нет» — ему понравилась забава, и он принялся мотать голову жертвы из стороны в сторону. «Кончай балаган, панночка заждалась своего жениха. Вот мы устроим ей брачную ночь!» Отрывистый смех пробежался по кольцу плотно обступивших Лалу и сменился нервной тишиной. Державший жертву на привязи всем своим видом вопрошал: ну, что дальше? Тишина тотчас наполнилась хриплым боевым кличем, как будто звал храбрых хлопцев в атаку на ляхов центральный персонаж репинского полотна. Вот он, чуть правее центра картины нависает над писарем, немолодой матерый вояка с внешностью кошевого атамана. «*Жидовки шьют себе юбки из поповских риз <...> Зашумели запорожцы и почуяли свои силы*». Атаман делает шаг к жертве и, рванув на себя ее пояс, турецким обоюдоострым ханджаром рассекает плотную ткань верхней и тонкую нижней юбок. Казаки отпрянули, и кто-то даже осенил себя крестным знаменем. Свят-свят... нечиста сила. Русалка-оборотень, змея подколодная... Лала стиснула бедра и сплела колени и голени, тонкие напряженные пальцы ног усилили сходство нижней части ее тела с рыбьим хвостом. Она превратилась не то в русалку, не то в крупную змею, которой наступили на голову и она всем телом пытается высвободиться.

Замужние женщины в ашкеназских общинах брили головы и носили парики, чтобы в момент опасности изнасилования сдернуть парик с головы. Лысая женщина представляла в те времена непривычное зрелище. Уродливая, больная, оборотень? Наивный защитный маневр охлаждал, бывало, похотливый порыв.

Лала движением таза привела в действие «хвост» и хлестнула им стоявшего ближе других второстепенного персонажа репинской вакханалии, смуглого, в красной папахе, задиристого на вид казака. Для этого ей пришлось спиной тесно прижаться к полуголому палачу, и тот с готовностью обхватил ее тонкую талию свободной рукой и, постанывая, принялся тереться брюхом о ее тело. Смуглый хватил девушку по щиколотке, она вскрикнула, отдернула ногу, «хвост» распался, и русалка исчезла. Хохот облегчения, качка и выпитое для храбрости свалили вояк на палубу. Хлопцы и тот, что держал жертву на привязи, попадали, держась за животы от смеха. Самый молодой, он стоит на картине слева, как бы в стороне от происходящего, — ему очень нравится своевольная *цурка*, но страх сплеховать перед дружками и оказаться *мазунчиком* сильнее — он тоже валится на пол, подползает к Лале и затыкает ее крик поцелуем. Поцелуй получается долгим и страстным. Девушка обхватывает его губы своими и видно, как она ласкает его язык своим, ее горло ходит ходуном, как будто она жадно пьет воду. Улюлюканье, хлопки в ладоши, эй, мы тоже хотим, горяча жидовочка, оставь и нам, Андрий! Не отрываясь от Лалы, молодец пытается стащить с себя шаровары, он возьмет Лалу первый! Мешают сабля и колесцовый мушкет, бренчит притороченная к поясу фляжка, стесняет большой кожаный кошель, а поцелуй затягивается, и парень первым начинает проявлять признаки беспокойства. Он мычит все громче и громче, и это жуткое *ячанье* совсем не похоже на

стон наслаждения. Судно качнуло, казак отпрянул с прокушенным языком, и девушка выплескивает ему в лицо полный рот крови и ругательства: «*Свиняча морда, кобиляча срака, різницюка собака, нехрещенный лоб, мать твою вйоб*». Лала цитирует здесь знаменитое письмо, хотя несчастная сего письма и в глаза не видала. Так украинские крестьяне провожали ее отца, когда он сдирал с них *пошлину с дыма*. Молодой казак, как пес в жару, вываливает распухший язык и, согнувшись вперед, со спущенными портками, корчится и отплевывается кровью. Подельники, протрезвев, с лязгом выхватывают сабли. Толстый седоусый казачище, Репин одел его в красный кафтан и белую папаху, замахивается, и девушка сама бросается на острие сабли — и перерубила бы себе шею, не отдерни возница ее голову в сторону и не разверни казак в красном саблю тупым ребром к ней. Удар пришелся по ключице и перешиб плечо. Боль, яркая, как беспощадный слепящий яркий свет, вытеснила собой все вокруг. Жертва больше не сопротивлялась. «Рыбам ее теперь скормить, что ли? Совсем потеряла товарный вид». Молодцы подтягивали шаровары и завязывали шнуры-очкуры. «Скормить жидовку рыбам мы всегда успеем, — точно, как в „Тарасе Бульбе“: „Жида будет всегда время повесить, когда будет нужно“, окончательно решает Лалину участь хмурый среди общего репинского веселья казак в черной кушме. — Пусть еврейская община выкупит». Знатоки репинского творчества утверждают, что для шедевра художнику позировали его друзья: академики, музыканты, журналисты, коллекционеры-меценаты. Как же вам не стыдно так себя вести, интеллигентные люди все-таки?

Циля, единственная из девушек, радовалась своему пребыванию на казачьем судне, она сама разыскала перехрыста и попросила устроить так, чтобы казаки ее украли. «А не боишься, что тебя продадут в гарем?» — «Что такое гарем?» — «У сул-

тана несколько сотен жен — это и есть гарем». — «Гарем мне и нужен». — «Ну, раз ты хочешь в гарем, то это будет стоить дороже». — «Я отдала вам все, что у меня было». — «А в кармане юбки, что ты там припрятала? Я так и знал — еще один золотый. Некрасиво лгать, твоим покойным родителям было бы за тебя стыдно. Я их близко знал. Какое горе, какое горе! А почему ты хочешь в гарем?» — «Если у султана столько жен, то он приходит к каждой только раз в несколько лет», — был ответ. Замужество виделось ей адом — это, как ее мать, постоянно рожать. Трудное, отвратительно ритмичное пыхтение по ночам за перегородкой, мать выбивается из ритма, детский плач ей мешает. Роды: крики за перегородкой, крики, предвещающие смерть, а не начало новой жизни. Кыш, кыш, детей выгоняют во двор, но роды длятся часами, и дети возвращаются домой, едят и играют под страшные крики, и стоят и смотрят на перегородку. Отец бормочет молитвы. Крик новорожденного. Отец молится с новой силой и благодарит Всевышнего. Однажды Циля видела, как отец спрашивал о чем-то у раввина. Ни в коем случае, ответил раввин, *зера ле-батала* (разбазаривать семя впустую) — большой грех, ты делай свое дело, а Бог, благословенно Его имя, сделает свое. Бог сделал свое дело — всех порубили казаки.

При подходе к турецкому берегу, запорожцы почували удачу. Обрывки разговоров в таможне, о смысле которых они догадывались, уважительные взгляды и почтение к своим персонам, которое они с удовольствием отметили, — все говорило о том, что пробил их звездный час. Они привезли ценный дефицитный товар. На невольничьем рынке сложилась как нельзя более благоприятная для них ситуация. Ряды, обычно заполненные белокожими рабынями, были почти пусты, и цены на белый товар подпрыгнули до небес, тогда как негры, мужчины и женщины,

не переставали прибывать. Негров вывозили в Турцию из Центральной и Восточной Африки через Красное море. Голландия, Франция, и Англия основали компании по торговле живым товаром, вывозившие рабов из Западной Африки. Пираты отбивали черных рабов у их «законных» владельцев — Вест-Индской компании — и продавали их в Малой Азии. Испания объявила торговлю неграми королевской монополией как самый прибыльный торговый промысел.

Среди торговцев белым товаром нарастало недовольство. Обычно ногайцы, потомки племен Золотой Орды, и татары привозили ясак — большие партии русских, но сейчас русским удалось выкупить всех своих пленных еще до того, как они попали на рынок. Правда, посредники обещают скорое прибытие нового груза, он, дескать, уже в пути, но разве можно положиться на их обещания? Пусто, нечем торговать, а ведь еще недавно здесь продавались валахи, а вон там поляки вместе со своими евреями. Как они потешно ссорились, не хотели стоять рядом с жидами. Казаки, украинцы, болгары, шведы, литовцы, западные славяне, черкесы — и на каждый товар свой покупатель! И кому это мешало? Англичане год назад пригнали сюда целую флотилию кораблей с ирландцами, целый народ. Тридцатилетняя война в Европе, какие поставки! Тридцать лет воевали, что же вам мешает — воюйте себе дальше. После каждой битвы рынок ломился от нового товара. Разве это плохо, продавать пленных в рабство? Убивать их, что ли, лучше? Ваш Освенцим, что ли, лучше? Вот казаки Хмельницкого расточительно порубили и изничтожили своих евреев, а крымский хан, с которым гетман расплатился польскими землями, продал сорок тысяч украинских евреев, и их всех выкупили еврейские общины Стамбула, Салоник и Измира. Евреи Венеции, Рима и Амстердама тоже внесли деньги на выкуп своих братьев. Сколько было радости!

А потом они все перессорились, одни, видите ли, — сефарды, а другие — ашкеназы, и даже браки между ними сегодня редкость. Пришлось, конечно, уступить в цене, сделка-то оптовая. Сейчас этот самый гетман, ходят слухи, заключил союз с русским царем, они больше не воюют друг с другом — вот и пусто на рынке. Но долго казаки без войны не могут, мир они ненавидят, и правильно, что в нем хорошего? — одни убытки. Здесь их покупают обычно в султанскую янычарскую гвардию; не так давно мы целый казачий курень распродали в янычары.

Представители еврейской общины Стамбула — банкир, держатель крупного пакета акций Вест-Индской компании; оружейник, поставщик булатных клинков европейским армиям (секрет литья булатной стали хранился на Востоке, а европейские мастера изготовляли лишь рукояти); таможенник, чья семья придержала потомственные грамоты — бераты — на откуп морских и наземных таможенных пошлин; общинный казначей и главный раввин стамбульской общины — все они встречали прибывших в порту. Солидные, бородатые, вальяжного вида господа, они выглядели как челеби, зажиточные турки, только халаты подлиннее и черные островерхие, испанского фасона шляпы — отличительный знак евреев Османской Порты, заменивший желтый тюрбан, на головах. Все как один безоружные. Немного поодаль от них новой партии товара ждала закупочная комиссия от гарема — двое черных евнухов из службы безопасности гарема, рыжий вертлявый еврей ашкеназской наружности и двое янычар, вооруженных болтавшимися у самой земли мамлюкскими секирами с полукруглыми лезвиями. Янычары стояли, широко расставив ноги, и спали на ходу от скуки. Увидев девушек, они оживились, но ненадолго. Лала почти ничего не видела из-за разъевших глаза слез, но ей показалось, что в рыжем еврее она

узнала своего дядю, отплывшего в Турцию по торговым делам, когда она была еще ребенком, и не вернувшегося назад.

Респектабельные господа держались уверенно, стараясь ничем не обнаружить того, что покупательная способность общины сильно подорвана последними политическими событиями. Венецианский флот держит блокаду Стамбула, морской кордон выставлен при входе в город, враг у ворот, и община, как всегда, несет бремя военных расходов Турции плюс налог на блокаду в дополнение к постоянным налогам; еще и баш харадж — ежегодную подушную подать, рав акчесы — налог на право иметь своего раввина, и еще многое другое. Выкуп пленных — важная заповедь, и для ее исполнения можно потратить деньги, скопленные на строительство новой синагоги, можно даже продать камни и балки, заблаговременно приобретенные для строительства. Но синагога уже возведена и недавно освящена внесением Торы в ее пределы, а вот кредиты на строительство не погашены и обрастают процентами. Ссуды хоть и получены от своих банкиров, но отдавать-то их все равно надо, а просрочишь, мало не покажется. Нынче евреи потеряли свои привилегии почти во всех ремеслах, турки научились не хуже них чеканить монеты и гранить драгоценные камни. Только в книгопечатании и во врачебном и аптекарском делах им все еще нет равных. Искусство врачевания — коварная вещь, чуть что не так, сразу — убийцы в белых халатах! Нищает община, еврейки уже не разгуливают по Стамбулу увешанные драгоценностями, в панбархате и парче средь бела дня, навлекая на себя зависть и на свой народ — гнев. А ведь однажды евреи Османской Порты чуть не погибли из-за их кокетства, но разве с женщинами поспоришь? А тут еще объявился мессия Саббатай Цви, как всегда не вовремя, и провозгласил погромы Хмельницкого родовыми муками мессианской эры.

Казначей еврейской общины обращается через переводчика к запорожцам:

«*Уважьте нас, достопочтенные казаки*, мы же ваши постоянные клиенты, а постоянными клиентами надо дорожить, завтра вы снова привезете товар, кто знает, как сложится ситуация, в следующий раз мы пойдем вам навстречу».

«Никак *не можно*. Вон те (жест в сторону закупщиков из гарема) — плотют».

«Побойтесь Бога, *помилосердствуйте, панове* казаки, в два, в три раза, но не в пять же раз дороже за каждую девушку? Где это видано, чтобы *цурка* стоила так дорого, как лошадь?! Что в них хорошего, в этих девицах? Посмотрите, какие они замухрышки, заплаканные и перепуганные, худые, кому они вообще, кроме нас, нужны?»

«Те говорят, худые — не страшно, мясо нарастет».

«Но они же не всех купят, вы же их знаете, отберут себе нескольких...»

Вперед выступает рыжий еврей, уполномоченный из гарема:

«Мы берем всех, кроме вон той (жест в сторону Лалы): она на ногах не держится, почему опирается на костыль, у нее изуродована голень, что у нее с плечом? Нам калеки не нужны. Мы — сераль, а не благотворительное общество, вы, — тычет указательным пальцем в лицо казначею, — известны своей благотворительностью, вот вы ее и покупайте».

Казаки: «Всех или никого. Мы продаем штучный товар, но оптом. Девушки в цене нонче».

Закупщик: «Калеку мы не покупаем, не навязывайте ее нам, за остальных платим полную цену».

Казак в овчинном тулупе: «Калеку уступим за полцены».

Казак в красном халате: «Да она же красавица!»

Закупщик, паясничая, декламирует на древнееврейском: «О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая». Переходит на украинский: «Она длинноногая, это некрасиво, к тому же сильно хромает. Кажется, одну ногу ей придется укоротить. И живот совершенно плоский, голодом вы ее морите? С товаром надо обращаться бережно».

«На них провианта не напасешься».

Раввин: «Девочки, наверняка, ничего не ели, боялись нарушить кашрут, только овощи и фрукты...»

«А фрукты-то нонче дороги».

Раввин обращается к закупщику на джудесмо, языке турецких евреев: «Беньямин, послушай, ты же хороший еврей, несмотря на то что поляк, нельзя продать девушек в гарем, подумай сам, там же их обратят в ислам».

Закупщик: «Зато там хорошо кормят. Белокожие, блондиночки, рыженькие. Велено за ценой не стоять — брать товар. Сказали, ничего, султан обложит общину налогом на гарем. Ха-ха, скоро у вас будет новый налог!»

Оружейник и таможенник в один голос: «Почему у вас — у нас! Ты же один из нас».

Закупщик поворачивается и кричит казакам на украинском: «Вы только на них посмотрите, это я один из них?! Я приехал сюда нищим эмигрантом без кола и без двора, а они с меня во какие проценты за ссуду на дом выжимают! Это я один из них?! Это у меня, выходит, наследственные привилегии на откуп таможенных пошлин, на торговлю оружием, на черт знает что еще?! Хмельницкого на них нет! — Переходит на турецкий: — А сейчас эти богачи хотят лишить меня честного заработка! — Обращается к банкиру: — Вот ты, заплати за несчастных пленниц, тебе же это раз плюнуть, для тебя же это гроши, выкупи их за свои кровные, подари им свободу, они так надеются, ну!»

Банкир: «Да как можно? Я сейчас при исполнении общественного поручения, на меня возложена ответственная миссия, я стою на страже общинных интересов, при чем здесь мои личные капиталы? Это не этично смешивать общественное и личное. И вообще, все мои деньги в обороте. На мелкие расходы нет наличных, только векселя. Жена месяцами не платит жалованье прислуге — в доме совершенно нет денег».

Раввин: «Закон Торы не разрешает переплачивать за пленных, это можно только когда их жизни угрожает опасность. В трактате Гиттин Вавилонского Талмуда сказано...»

Закупщик: «Так измените закон. Что, кишка тонка? Вот идет на вас мессия, он изменит. — К казакам через толмача: — Ну как, по рукам, господа казаки?»

Раввин: «Хотя в другом месте того же трактата высказывается совершенно противоположное мнение по этому поводу, любопытно, что Шульхан Арух...»

Как только завязался торг, Микита начал сильно нервничать, а теперь и вовсе распоясался, схватил гаремного закупщика за грудки, кричал ему в лицо: «*Рассобачий жид*, твое счастье, что ты здесь, в Турции, под защитой закона, а не то я тебя прибил бы, как собаку, да я таких, как ты... там... убирайся, *недоверок*, не для твоего гарема наши честные еврейки!»

Микиту оторвали от рыжего и отправили следить по накладным за погрузкой товара. Потев, с трясущимися руками, сходя с ума от волнения за Ривку, полуграмотный, он с трудом продирался сквозь кириллицу и арабскую вязь. Пять рулонов рытого бархата, десять штук *альтабаса*, що це таке, а, вот, стриженный бархат, *оксамит* — это тоже бархат, восемь рулонов золотого бархата, нет, пять — золотого, откуда мне знать, какой из них рытый? Могила я бы тебе вырыл, *нехристь* жидовская, ишь чего

задумал, гарем! Порт погрузки, здесь написано Царьград, а здесь Станбул — опять путаница.

Казаки с поклоном извинились перед закупщиком: мол, простите великодушно, многоуважаемый *пане жид*, молодо-зелено.

Через почти равные промежутки времени торг прорезал крик. Это Лала, наступив на искалеченную ногу, издавала звонкое девичье «ой-ой-ой», звук густел и переходил в тоскливый и страшный густой низкий рык раненого зверя. «Обопрись на меня, подруга, я маленькая, тебе будет легче», — предложила ей Циля на идише. «Ты мне не подруга», — отрезала Лала по-польски и развернула голову своим привычным движением, означавшем чеканное «нет», но вскрикнула от боли в перебитой ключице.

Торжище гудело так, что посторонний мог бы подумать, что это митингует большая толпа. Турецкие евреи переговаривались между собой на *ладино* и *джудесмо*, гаремщики говорили по-турецки, и те и другие через толмача с казаками — на украинском, девушки между собой — на идише, казаки — по-украински: гомон прорезали реплики на польском, русском и арабском, древнееврейском, арамейском и испанском языках. К казакам подошел евнух и о чем-то тихо спросил. «Все девственницы, — был ответ, — под гарантию».

Лала оставалась камнем преткновения. Седоусому в красном халате вздумалось полезть к ней в рот, чтобы показать покупателям ее здоровые зубы. Это было обычной процедурой при покупке рабыни, но он судорожно отдернул руку, вспомнил увечье, причиненное его подельнику.

«Не пытайтесь нам всучить калеку. Бракованный товар не для нас. Вот та, маленькая, с красными пухлыми губками, или вот эта, с грудью прямо под подбородком и усиками над верхней губой, — в самый раз. И та худенькая, в гареме ты быстро

подернешься розовым жирком, как тебя зовут, Циля? „Стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные гроздьа“, — приплясывает, подняв руки над головой. — У нас ты сразу перейдешь в ислам и получишь новое имя, и эта, с ягодицами, как полные луны. „Округление бедер твоих, как ожерелье, дело рук искусного мастера“. Хорош товар. А хромая нам не нужна. Что это у нее за борозды через все лицо, слезы прожгли?»

Раввин: «Не округление, Беньямин, а округлость. Мы читаем Песнь Песней по субботам, но вы, ашкеназы, только и знаете, что коверкать священные тексты».

Закупщик продолжает плясать: «Глаза твои голубые».

Раввин: «Не голубые, Беньямин, голубиные. Песнь Песней, глава *далет*, строфа *алеф*».

Казак: «Да она краше всех, а мы отдаем за гроши».

Закупщик: «„Что лилия меж колючек, то возлюбленная моя меж дев“. Какая там строфа?»

Раввин: «Ее кровь, что ли, краснее?»

Казак, смывавший с палубных досок кровавые плевки и девственную кровь: «А откуда нам знать, какого цвета ее кровь?»

Раввин употребил широко известное талмудическое выражение, у всех, мол, кровь красная, все равны.

Девушки, в сопровождении эскорта из евнухов под охраной янычар, затерялись в толпе, какое-то время широкие затылки янычар еще были видны, но потом и они исчезли. Все еврейки, кроме Лалы, были проданы в гарем. Запорожцы и рыжий закупщик, довольные сделкой, обменивались рукопожатиями и подписывали бумаги.

«Дядя Беньямин, — Лала обратилась на идише к закупщику, — ты меня не узнаешь?»

«Кто такая? С трудом от тебя отвязался!»

«Я — Лея, дочь твоей сестры, Ципоры».

«Сестра жива?»

«Нет, все погибли, только Моше с семьей живы, они остались в Италии».

«Так я и думал. Видишь, как я тебе помог, благодаря мне ты на свободе. Не будь здесь меня, ты бы отправилась в гарем, а так община тебя выкупила. Потому что все евреи — одна большая семья, и мы должны помогать друг другу, и Бог нам поможет. Почему ты не вышла замуж, тебе ведь уже должно быть лет восемнадцать? Вот и доигралась. Но я тебя не оставляю, сиротиношка — пойду завтра в синагогу и буду за тебя молиться. А дом, вы жили в роскошном доме, кому он достался?»

«Не знаю, дом был арендованным».

«Жаль, что не собственным, очень жаль. Твой отец был недальновидным человеком, я предупреждал Ципору...»

Микита вернулся, когда девушек и след простыл. Друзья тянули его к кадушке, смотри, твоя доля, никогда столько не было. Они с удовольствием жменями пересыпали монеты, ворошили звонкое месиво из цехинов, дукатов, реалов и золотых. Микита не слушал, где она? Смотри, дружок, твоя доля! Где она? Куда увели? Дворец Топкапы, сераль, где это?! Он побежал, плутая, продираясь сквозь толпу, ошибаясь дорогой, сабля мешала, била по ногам, — где? куда? — поскользнулся, упал, люди добрые, помогите, вскочил, потерял направление — и опоздал. Девушки вошли в Ворота Счастья, выход из которых был заказан, и ворота уже закрылись на засов. Микита колотил в ворота, жинка моя, жинка моя, *коханка*, жинка, выхватил саблю и стал рубить ею по воротам, но даже не поцарапал их. Он опустился на землю и заплакал. Там и остался. Он и сегодня сидит, прижавшись к воротам, дряхлый старик, его показывают американским и японским туристам. Они заходят внутрь, а его не пускают — у него нет билета. «Ривку, Ривку вы видели там?» — спрашивает он выхо-

дящих. «О, йес, Ребекка, конечно, видели». И он счастлив и его лицо озаряют благодарность и умиление. Туристы бросают ему мелкие монеты, но старик не берет их. «Он не притрагивается к деньгам. Когда-то, очень давно, он потерял любимую из-за денег», — поясняет гид. И туристы понимающе кивают головами.

Сделка была совершена, и участники еще не успели разойтись, как началась высадка взятых татарами в полон русских женщин и на пристани стало тесно. Татары пришвартовали щебеку, судно средней величины, и молодые русые женщины, востребованный товар, сходили на пристань. Перед ними бегал низкорослый, как карлик, кривоногий и большеголовый татарин, играя длинным плетеным хлыстом. Он, как цирковой дрессировщик, то выписывал хлыстом в воздухе замысловатые фигуры, то волочил его за собой по грязной к вечеру мостовой стамбульского порта. К его плоскому лицу была припечатана гримаса радостного смеха, а изо рта, как частые залпы короткой ружейной стрельбы, вылетало «ха, ха, ха, ха, ха». Женщин разлучили с семьями, оторвали от них грудных детей, рассортировали по возрасту и перед высадкой на берег, как скот, окатили водой для придания товарного вида. У нескольких в дороге случился выкидыш, заболевших и оказывавших сопротивление просто выбросили за борт — неизбежные производственные издержки. Некоторые были нагие, другие — в разодранной одежде. Слезы и крики первых дней плена сменились воем, который стоял над ними плотным столпом до небес. Их разместили в женских рядах невольничьего рынка, и к утру цены на белокожих рабынь поползли вниз.

Запорожцы все как один, набычив шеи и насупив брови, исподлобья наблюдали позорный парад славянок. Они цедили сквозь зубы проклятия и угрозы и сжимали рукоятки сабель. *Татарва*, погань бусурманская.

«Достопочтенные господа казаки, — обратился к ним толмач, — челеби банкир хочет познакомить вас с последним еврейским изобретением — страховкой кораблей и грузов на случай пиратского захвата или кораблекрушения».

«А що це таке, страховка, это что, когда страх?»

«Что вы, *панове* казаки, это без страховки страшно, с ней-то как раз и не страшно. Вот вы везете ценный груз и солидную сумму наличными. В цивилизованных странах не принято возить деньги в бочонке, это неудобно, и вас могут легко ограбить. Если вас возьмут на абордаж пираты...»

«Это ты брось, у нас *семипядные* пушки-пищали, мы сами кого хошь ограбим».

«В этом мы не сомневаемся. Но не исключена возможность кораблекрушения. Черное море очень коварно».

«Наша Христова вера нам помогает. *Верно я говорю, братове?*»

«В том-то и дело, что на Бога надейся, а сам не плошай. Мы предлагаем вам, дорогие *паньы*, возмещение убытков в случае кораблекрушения и даже, не приведи господи, вашей гибели. Ваши семьи получают полную стоимость груза».

«Это ты брось. Как же мы это проверим, коли нас не буде? *Вы, жиды... хоть черта проведете*».

«А как насчет векселя? Вы можете вложить ваши деньги в наш банк, а когда вы, даст Бог, приплывете в следующий раз, то получите по векселю все ваши деньги плюс двадцать процентов годовых — кругленькую сумму! Не прилагая никаких усилий, вы заработаете много денег. Примите наши гарантии, с этого момента вы становитесь нашими партнерами. Ну как мы можем вас обмануть?! Это все равно что обмануть самих себя, мы же с вами партнеры».

Казачи между собой: «Ну, что я вам говорил, евреи делают деньги из воздуха! *Жидовское племя* мошенников. Ну и хорошо, что делают, це наши деньги! А как обманут? Шеи свернем. Шибко большой навар получается. *Не можно* отказаться. *Никак не можно*. А как обманут? Не обманут, мы же снова с товаром приплывем. *Не можно* отказаться».

«Ну, *добре*. *Клянемся крестом святым*, обманите — шеи свернем».

Циля после обращения в ислам стала Наджлей («широкоглазой»). В гареме ее обучили турецкому и арабскому языкам, Корану, каллиграфии, рисованию, томным танцам и хорошим манерам. Сераля выгодно отличался от института благородных девиц уроками изощренных любовных игр и невыгодно — жестокими казнями тех его обитательниц, кому этот земной рай был не по душе. В интригах Наджля не принимала никакого участия и не объедалась сладостями, как ее товарки. Скука, бич гаремной жизни, ее не коснулась, она была всегда занята: Циля-Наджля часами сидела без движения, сложив ноги по-турецки, с широко открытыми голубыми (и эта — голубоглазая!) глазами и смотрела ей одной видимый, всегда один и тот же фильм.

Только однажды ей выпало счастье стать *гезде* — удостоившейся взгляда султана, и черный евнух торжественно уведомил ее об этом. Наджлю отвели в хамам и искупали в розовой воде, натерли ее тело благовониями, вплели в волосы нити жемчуга и закапали в глаза капли, расширяющие зрачки. Но султана отвлекла неудачная попытка турецких военных кораблей прорвать надолго затянувшуюся морскую блокаду Стамбула и Салоник. Венецианцы нагнали с каждым днем и нанесли уже изрядный ущерб экономике и престижу Османской империи. Они препятствовали заходу в порт иностранных кораблей, и ни одному

казачьему судну больше не удавалось пришвартоваться к стамбульской набережной. Правитель был так огорчен, что позабыл о Наджле, и ему не решились напомнить, а та, не подавая виду, в душе порадовалась такому повороту событий. Теперь она могла снова вернуться к просмотру любимого фильма.

Это был день стирки, Циля собрала белье по домам и ушла на реку с рассветом. Когда полоскали белье, она поймала на себе очень странный взгляд прачек-хохлушек и услышала шепот «бацько... мамо», но они замолчали, когда она подошла к ним, чтобы узнать что случилось. Вечер, она идет домой по проселочной дороге, попевает за своей длинной тенью, спине тепло от солнечных лучей, а грудь холодит прохлада. Натруженные руки гудят, но это ничего, она заработала немного, и можно будет купить мяса на субботу. Она любит оттенки осенних кленовых листьев, от бледно-оранжевого до ярко-красного. Издали девушка замечает, что дверь их мазанки открыта. Из дома выскакивает собака с большим куском мяса в зубах. Почему это мать уже купила мясо, ведь до субботы еще далеко? Собака смотрит на нее совершенно так же, как прачки на реке. Циля заходит в дом и видит всех порубанными. Весь тяжкий труд, боль, крики, субботние молитвы — все порубано саблями. Голова матери валяется в изголовье сестренки, так что получается очень смешно, будто у сестренки огромная голова. Ноги отца, одна брошена на порог, другая закинута на печь, как будто отец шагает семимильными шагами. Маленькие тельца накрошены, как для жаркого, и разбросаны по полу, а какие-то куски тел плавают в казане. На лежанке для пыхтения — гора рук, маленьких и больших. Циля слышит писк и замечает шевеление. Вздутый живот мертвой матери, почему-то зашитый нитками, шевелится. Быстрее, быстрее, девушка хватает кухонный нож, разрезает

нитки, быстрее, ребенок еще жив — и вытаскивает из материнской утробы мокрую от крови, издыхающую кошку.

В хранилище Национальной библиотеки Турции обнаружена уникальная рукопись XVII века. Она написана женщиной по имени Циля-Наджля, прожившей большую часть жизни в султанском гареме и по достижении тридцати лет, то есть пожилого возраста, выданной замуж за имперского сановника. Новобрачный был немало удивлен, обнаружив, что его новая жена — девственница. Специалисты считают, что перед нами первый в истории сценарий. Он написан по-турецки, витиеватым слогом, какому обучали в гареме. Текст в мельчайших подробностях живописует один день из жизни героини. На полях рукописи размещено несколько сотен рисунков, которые иначе как раскадровкой не назовешь, и она начинается словами: «Это был день стирки» — и заканчивается припиской на идише: «Если Бог так жесток, то его нет. Аллах ко мне добрей».

И пока Израиль, Польша и Украина оспаривают у Турции право владеть бесценным документом, в печать просочились слухи о том, что в Голливуде начались съемки фильма по сценарию Наджли.

Через девять месяцев после того, как община выкупила ее, Лала родила сына, отказалась его кормить и ни разу не повернула головы посмотреть на ребенка. Мальчика отдали кормилице. На восьмой день жизни он был обрезан и наречен красивым еврейским именем Эльнатан — «Богом данный», то есть Богдан. (А глаза, какого цвета были глаза у Леино сына? Пойди разбери, какого цвета вообще глаза у младенцев. Кстати, иудаизм не придает никакого значения цвету глаз и чистоте крови.) Ребенка усыновила богатая бездетная семья, и прожил бы он счастливую жизнь, купаясь в любви и деньгах, если бы приемные родители не поверили лжемессии Саббатаю Цви и не пустили бы все свое

состояние по ветру, уповая на то, что их ждут куда большие радости. Еврейские священные книги не сохранили ни имен разорившихся, ни имен богачей — только имена духовных лидеров.

Известны две концовки Леиной истории. Первая: ее жизнь обрывается на трагической ноте — Лея умирает после родов от родильной горячки. Вторая полна горького сарказма: кривая из-за плохо сросшейся ключицы, тощая и хромая на правую ногу, она гоняется за своим мужем, хромым на левую ногу, угрожая ему костылем и осыпая смачной казацкой руганью, а уличные мальчишки потешаются над ними.

Обе версии, разумеется, абсолютно исторически достоверны и подтверждены документально.

А как же легенда? Она, выходит, никак не объясняет, какое отношение имеют казаки к еврейским голубым глазам. Ну, это потому, что до казаков были крестоносцы, а еще раньше — греки: погромы на Рейне и многие другие погромы тоже внесли свой немалый генетический вклад в состав колера еврейских глаз. Воины-победители получали покоренный город на разграбление и насилие в качестве премии за боевые заслуги и тяготы ратного дела. Погром — это премия за подвиги без особых тягот, и крестоносцы, как известно, перед тем как отплыть освобождать Святую землю от неверных, жестоко громили еврейские общины у себя дома. О крестоносцах существует легенда, и нет, как известно, ничего достоверней легенды...

Некоторые слова и выражения, приведенные в тексте курсивом, позаимствованы из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

ТРОФЕЙНЫЙ БУДДА

Полихромная скульптурка Будды выточена из легчайшего дерева и покрыта матовым лаком, сваренным из натуральных смол. Статуэтка принадлежала подполковнику медицинской службы нейрохирургу Инне Ефимовне Хейфец, крупной властной блондинке армейской выправки, близкой подруге моей покойной матери. Инна Ефимовна решила удочерить меня после смерти моих родителей.

Помните ставшую хрестоматийной сцену из фильма «Сладкая жизнь» Феллини? Роскошная пышногрудая Анита Эксберг взмывает ввысь на крепких руках низкорослого лицедея, и он кружит ее над головой, массивную и легкую. Совершенно очевидно, что и без его участия актриса могла бы зависнуть в воздухе, распластав для равновесия руки, держась лишь на ошеломительной волне собственной дивной энергии.

Дорисуем портрет Инны Хейфец, упомянем о ее удивительной манере хохотать, запрокинув голову далеко назад, да так раскати-сто, что стены дрожали, и заменим цвет крашенных волос Аниты Эксберг на натуральный русый Иннушки. Мое с ней знакомство предварил чей-то восторженный рассказ: Иннушка оперировала раненых без передышки, и иногда ей не удавалось выкроить минутку, чтобы выйти в туалет, — тогда она мочилась прямо под себя, стоя за операционным столом и продолжая работу.

Эта картина потрясла мое детское воображение: именно так должен выглядеть военный врач-герой.

Еще один примечательный эпизод, связанный с Инной Хейфец, обсуждался в моем присутствии. В 1948 году она, под-

полковник медслужбы положила на стол свой партбилет и попросила у властей разрешения репатрироваться в Израиль: «Я военный врач, я там нужна». «Мы помогаем молодому еврейскому государству, — гласил доброжелательный отказ, — но не живой силой».

Впервые я увидела ее, приехавшую погостить в Кишинев, одетой в узкую юбку цвета хаки и ладно подогнанный по фигуре армейский китель с погонами. Форма выглядела на ней элегантно костюмом. Я влюбленно не отходила от гостыни ни на шаг. Мы вышли вместе прогуляться, я крепко сжимала ее горячую руку. «У тебя очень холодные руки, девочка, — результат замедленного кровообращения. Немудрено, что ты так часто простуживаешься».

Мы повстречали старушку, тихо заговорившую с Иннушкой на идише, вкрадчиво, опасливо и забавно озираясь. Она все пятилась к обочине тротуара — подальше от чужих ушей и глаз. Инна ответила ей на немецком, вызывающе громко, держа голову выше обычного, не выходя из центра людского потока.

«Господи, шпионка, принявшая облик советского военного хирурга! Да нет же, наша советская разведчица, владеющая немецким и посвященная в тайны врага. Немецкая подлая наша доблестная разведчица!»

Какая досада, что человечество задолго до меня успело изобрести и расплодить двойных агентов!..

Язык, на котором заговорила Иннушка, не был немецким — это был идиш, звучавший несколько непривычно. Семья доктора Хейфеца, отца Инны, переселилась в южно-бессарабский городок Аккерман из Литвы. Военные четкие нотки, характерные для речи Инны, придали идишу сходство с немецким, знакомым мне только из военных фильмов тех лет.

Весть об аннексии Бессарабии Советским Союзом, или об освобождении Бессарабии от румыно-боярского ига в 1940 году

(читатель выберет формулировку, соответствующую его политическим воззрениям) застала Иннушку, только что окончившую хирургическое отделение медицинского института, в Бухаресте. Бессарабским евреям не пришлось долго раздумывать, пакуя чемоданы, — путь на столь любимый ими Запад был невозможен: уже шла война. Рискую оказаться отрезанными от родителей границей, многие поспешили вернуться в Кишинев. В свои неполные 24 года Инна очутилась на фронте. Она прошла всю войну и закончила ее главным нейрохирургом Манчжурского фронта.

Дальний Восток очаровал Инну Хейфец ландшафтом, образом жизни, искусством. Статуэтка Будды, другие скульптурки, посуда, разнообразные поделки, акварели, одежда, покрывала, привезенные оттуда, сопровождали ее затем всю жизнь. Дома она носила удивительно шедшее ей кимоно из натурального плотного шелка и с удовольствием демонстрировала желающим всю свою коллекцию кимоно, расписанных и сшитых вручную.

«Девочка, неужели ты не видишь как это великолепно? Что значит «да»? Как в семье художника могла вырасти дочь, столь глухая к красоте?!»

«Я не советую тебе заниматься искусством: генетические коды не включают талант. Надеюсь, тебе это известно».

«Прими от меня в подарок антологию английской поэзии — ты совершенно девственна в английской литературе, мне бы пришлось по душе, если бы ты потеряла эту, а не ту девственность, которую ты так торопишься потерять!»

Переехав жить в Молдавию с целью усыновления ребенка, Инна Ефимовна пошла на большую жертву: ведь она вернулась туда, где во время оккупации погибли все ее близкие. Жертва, как и положено, оказалась напрасной. Мы не поладили и рас-

стались злыми врагами — «Твоим родителям, Мира, было бы за тебя стыдно...». Но через восемь лет мы снова встретились и стали добрыми подругами.

Раньше Инна, увидев меня в дверях своей квартиры, выхватывала кусок ваты и, смочив его в спирте, набрасывалась на меня и энергично протирала мне шею, нисколько не смущаясь присутствием посторонних. Вата, признаюсь, стерильной никогда не оставалась. В полном молчании Инна демонстрировала присутствующим позорное доказательство моей злостной, конечно же, и моральной, нечистоплотности. Затем ловким профессиональным жестом она отправляла клочок ваты в мусорную корзину.

Теперь ее приветствие было иным:

— Садись, — предложила она мне, когда я пришла навестить ее, приехав из Ленинграда домой на студенческие каникулы, — ты, конечно, уже слышала, у них снова большие потери на сирийской границе. Я — военный врач, я там нужна.

Она, казалось, совсем не постарела. Волосы, поседев (они и раньше были очень светлыми), не изменили тоновых соотношений в ее облике. Горечь и тень беды, которые с генетическим упорством проступали на лицах знакомых мне еврейских женщин и которые с ранней молодости я безуспешно пыталась стереть с собственного лица, ее не коснулись. Она всегда казалась мне сделанной из лучшего, чем я, материала: Инна Ефимовна могла работать ночами, нисколько не уставая, а затем бодрствовать весь день. Для меня же простая встреча Нового года превращалась в пытку.

В нее влюблялись врачи-коллеги, пациенты, молодые, пожилые, холостяки и мужья подруг. Не припоминаю, чтобы она ответила кому-нибудь взаимностью, хотя поклонением наслаждалась и считала его естественным.

У меня хватило глупости пригласить ее, когда она приехала в командировку в Ленинград, на вечеринку. В тот вечер все девушки остались без партнеров. Я кипела от досады, почти физически ощущая волны обаяния, исходившие от нее. И добро бы она покорила мужчин вдвое младше себя силой зрелого ума или (это было бы всего простительней) своим героическим прошлым. Ничуть не бывало! «Боже, какое ароматное дыхание у Инны Ефимовны! Вот это женщина — не то что вы, пигалицы!» — такое признание услышала я на следующий день от своего друга.

Иннушка все еще переживала свою большую неудачную по-слеармейскую любовь, случившуюся, когда она приехала в Ленинград прямо с фронта; он же, «презренный тыловик», бахвалился броней по состоянию здоровья. «У него были трофические язвы на ногах, что, якобы, и послужило причиной желанного освобождения от воинской повинности. Наверняка он был никудышным в постели! Карьерист, правда, талантлив, да, он был талантлив, этот официальный скульптор, сталинский выкормыш. Еврейский юноша-переросток, он жил вместе с мамой. Дома у него не было ни единой скульптурки, ни единого эскиза — все в мастерской. Я спрашиваю тебя, Мирка, разве мог этот человек любить искусство? Оно было для него работой — и только. Я подарила ему статуэтку Будды. Он, скульптор, отказался... Представляешь, он сказал, что это — культовая религиозная вещица, и он не заинтересован хранить ее у себя. Осторожность — вот что обеспечило его карьеру! Он сказал еще, что не станет прикасаться к награбленному. Каково, а?! Тыловая крыса, дрожащая за свою шкуру всю войну... Он посмел сказать это мне!» Презрение было так велико, что Инне не оставалось ничего иного, кроме как жестоко влюбиться.

Она добивалась взаимности несколько лет с жаром страстной женщины и трезвостью военного стратега. Но напрасно...

«Я позвонила ему в 6 утра, это после вечера, проведенного с ним у него в мастерской. Я ушла от него рано, он и не задерживал меня, и потребовала ответа: хочет он, чтобы я стала его женой? «Я должен ответить «нет». Господи, что он имел ввиду под этим «должен»?» Поражение было полным. Кампанию пришлось бесславно свернуть.

Будучи студенткой скульптурного факультета, я была с ним знакома. Народный художник, профессор, маститый скульптор. Выглядел он вальяжно — высокий пожилой господин с продолговатым, в меру семитским лицом и ровным глубоким доброжелательным голосом.

Набравшись смелости, я как-то заговорила с ним об Инне. Он вспомнил ее с большим трудом. Называл какие-то другие имена, ошибался, и, наконец: «Да, да, конечно же, она привезла трофейные скульптурки из Японии и очень ими восхищалась. Я никогда не увлекался японщиной. А вам, Мириам, этот вид пластики разве близок?» Он поинтересовался, не знаю ли я, почему она оставила Ленинград. Я знала: Инна Хейфец была уволена в связи с «делом врачей» и переехала в Новгород, где ей посчастливилось быть принятой на должность нейрохирурга (учлись фронтовые заслуги).

«Я — военный врач...» Все остальное стало фоном, только в этой фразе сконцентрировалась надежда. В 60-е годы уехать по вызову было невозможно — массовый выезд начался позднее. Инна Ефимовна готовилась к побегу. Каждый год она проводила свой отпуск в какой-нибудь социалистической стране и, довольная, возвращалась.

Однажды, бросив в чемодан кое-что из одежды, фотографии близких и любимую статуэтку Будды, благо та ничего не весила, все же остальное с легкостью оставив, дабы не вызвать подозрений властей, врач Хейфец уехала в составе туристической груп-

ФИГАРО

пы в Париж. Там она зашла в израильское посольство, и через несколько дней приземлилась в Лоде.

По Кишиневу долго ходила байка о том, что в Париже Инна Ефимовна встретила известного израильского археолога, недавно овдовевшего, свою старинную девичью любовь, и он увез ее с собой в Хайфу. Это была неправда: мы вместе с Иннушкой разработали эту «дезу».

Возможно, именно таким ей и хотелось видеть свое будущее.

Стать израильским военным врачом ей не пришлось: не тот возраст, не та школа. Она работала в поликлинике врачом-геронтологом: занималась стариками (пригодилось знание идиша), что не так уж и плохо... но, конечно, было не то.

Через два года после приезда Инна Ефимовна Хейфец покончила с собой, перерезав себе вены.

Она завещала свое тело мединституту. Статуэтку Будды мне передал кто-то из общих знакомых.

Будда не перестает удивлять меня контрастом между превосходно уравновешенными визуально тяжелыми объемами и его реальной физической легкостью. Этот парадокс заставляет меня сомневаться в рукотворной природе японской трофейной статуэттки.

«Фигаро был моим другом, он любил меня, он шутил и балагурил со мной, он был всегда верен мне. Если бы я встретила такого на двух ногах, я не была бы лесбиянкой. А вот теперь он умирает».

Угасающий пес левретка — филигранной готической работы скелет, обтянутый прохудившейся на ребрах от долгой болезни ветхой обивкой — тонул меж двух свежайших подушек цвета чайной розы. Острые лопатки торчали крыльями химеры, рискуя продрать нежную собачью шкуру. Вокруг него валялись катышки испражнений. Майя собрала их без брезгливости. «Потерпи, милый, они скоро приедут». Фигаро приподнял голову и, ныряя носом, принялся прокладывать дорогу к ласковой хозяйской ладошке.

Грузная высокая женщина ветеринар в сопровождении подруги ростом поменьше прибыла обследовать больного и отобедать. Высокая, владелица питомника левреток и арбитр на собачьи смотрах и конкурсах красоты, была одета в светло-песочного цвета тренировочный костюм. Вся объемная и круглая, как критский расширенный книзу кувшин светлой глины с узким длинным горлом. На спине у нее черным по песочному был оттиснут изящный силуэт левретки: хвост закорючкой адреса электронной почты, спинка колесом, длинные ноги и маленькая головка — птички. Вторая гостья критским изыском отмечена не была. Гончар выкрутил ее равнобедренные формы из грубой глины и горлышко отсек низко у самого туловища. Ноги в мужских штиблетах она ставила по-чаплински и в руке как веник головой вниз держала яркий букет.

Ветеринар и Майя уходят к больному псу.

В духовке с прозрачной дверцей, вращаясь, поджаривалась баранья нога — великолепный кусок незамутненного жиром мяса с костью, нашпигованный крупными чесночинами. На столе стояла глубокая фаянсовая миска зеленого салата, заправленного оливковым маслом и лимоном. Круглый яблочный tarte разделен на четыре сегмента-куска по числу присутствующих. В центре стола — несколько бутылок бордо. Гостья откупорила одну из них.

— Рекомендую Вам бордо двухтысячного года, тогда было достаточно солнца и не слишком много дождей. Моя Эвелин — красавица, правда? Она не только удивительно хороша собой, но и одарена деловыми качествами, Вы, я полагаю, знаете, что она держит собачий питомник. Своих собак Майя приобрела у нее. Нет, Вы ошибаетесь, дорогая, дело не прибыльное. Почему? «Всех аристократов мы повесим! Всех аристократов — на фонарь!» Эдит Пиаф, небось, любите? Ну вот. Левретка была некогда любимой породой французского двора, но потом произошла Великая буржуазная революция и все такое... Моя Эвелин, она — знаток и арбитр, и когда ее приглашают судить, я ее сопровождаю как секретарша, чтобы помочь ей и быть с ней. Иногда с ней едет старшая дочь. У нее трое детей. Нет, когда мы познакомились, она была уже разведена. Бросила мужа из-за меня?! Как Вам такое могло прийти в голову? Я бы не допустила распада семьи. Вы, что, скульптор как Майя? Художники, я знаю, не отличаются особой моралью. Мы с Эвелин не любим искусство. Вам интересно знать, чем я занимаюсь? У меня была сеть ресторанов в долине Луары. Ну почему обязательно французская кухня? Нет, итальянская. Какой там доход? Зарабатывай — плати, зарабатывай — плати официанткам, поставщикам, поварам, судомойкам. Всю жизнь — нет, я никогда не

была замужем — плати, и чем больше зарабатываешь, тем больше платишь. Налоги, во Франции огромные налоги. В Израиле тоже? Не знала. Но теперь я все закрыла и вышла на пенсию. С меня хватит.

— Вам, конечно, пришлось заплатить компенсации уволенным работникам?

— Все заплачено.

— Продать или сдать помещения и оборудование?

— Все сдано.

— Так, значит, отдых?

— Какой там отдых? Ведь не сидеть же, сложа руки? Нам с Эвелин надо много средств, сейчас все дорого, а мы не любим себе ни в чем отказывать. Я открыла несколько ресторанов. Ну почему обязательно французская кухня? Нет, итальянская: твердые сыры, равиоли, Фетучини. Не искать же новых поставщиков в самом деле.

— Получается, все — как прежде.

— Как Вы можете так говорить?! Теперь я не одна, у меня есть Эвелин. Я нашла свое счастье. Майе желаю того же. Она, кажется, снова влюблена. Надеюсь, на этот раз — в порядочную женщину.

Моя собеседница закуривала сигарету за сигаретой, заходила кашлем, захлебывалась хохотом, запивала хохот вином, зевала в голос, потягивалась и проделывала поднятыми на уровень плеч руками движения, очень напоминавшие утреннюю школьную зарядку.

Аромат баранины смешивался с паром из кастрюли-котла, на плите варились индюшачьи окорочки без чеснока и специй. Это — для собак. Собак в доме-мастерской было много: живых и лепенных в глине, отлитых в бронзе, терракотовых, законченных и в процессе работы, восковых в стадии доработки

и подготовки к литью. Всамделишные ливретки повизгивали в ожидании кормежки, залезали к нам на колени, дрожали в своих тонких замшевых шкурках, суетливо перекомпановывались в тряпичных лукошках, обычно по три в каждом лукошке, но сейчас одно место оставалось свободным — не хватало Фигаро. Собаки-скульптуры тоже не оставались равнодушными к предстоящей кормежке, они жадно косили в сторону бурлящего варева.

Майя забегает на минутку, чтобы притушить огонь на плите, включить для нас видео и бросить на ходу:

— Посмотрите пока фламенко. Анхела, она с возрастом только лучше. Мы не можем оставить сейчас Фигаро одного.

На экране появляется стайка мелких нетерпеливых самцов и теснит ее, величавую и равнодушную. Она подпускает их совсем близко и отбрасывает назад весь косяк одним движением, небрежным и прекрасным движением Анхелы Моралес — атака отбита. Тогда выходит вперед самый маленький, остальные остаются на месте. Они сердятся на дощатый пол сцены и колотят его каблуками. Маленький показывает ей, как он будет любить и ласкать ее. Он так старается, что зеленая расстегнутая на груди шелковая его рубаша чернеет от пота. Но напрасно — снова уже знакомый жест ребром ладони от себя и вверх, жест несогласия. Камера забывает о них и выхватывает из глубины сцены по-крестьянски тяжеловесного грубоватого мужчину. Он аккомпанирует танцорам на гитаре и поет. Его песня, почти речитатив, вся — из хриплых выкриков отчаяния. Он одет так же, как и танцоры, и видно, как неудобно ему в тесных сценических туфлях, костяшки пальцев ног выпирают. Брюки подпоясаны широким красным кушаком, несколько раз туго обмотанным вокруг живота, который стесняет и без того затрудненное дыхание. Гитарист неуклюж и безыскусен — так безыскусны бывают только большие артисты. Это Хорхе — муж Анхелы.

Она на весь экран: натруженные ноги, широкие в икрах и тонкие в щиколотках, спина, раздавшаяся и захватившая низ шеи, очень важной для танцовщицы фламенко части тела. Волосы стянуты вверх туго до боли, так, что затылок побелел. Танец давно возобладал над танцовщицей как живое существо и продельывает с ней, покорной, все, что хочет: тащит ее, крутит, швыряет. Сейчас Анхела дразнит стаю. Что ей этот молодняк? Она — в безопасности своего возраста, когда рискованная и чреватая для женщины многими бедами игра уже позади. Голова испанки наклонена бодливо — лбом чуть вперед, брови суровы и сходятся к переносице, кисти рук, она держит их далеко перед грудью, играют кастаньетами, стан прям и напряжен.

Это та самая танцовщица, в которую была жестоко влюблена Изабелла. Девушка даже пыталась покончить с собой, не встретив взаимности. Влюбленная ученица — эка невидаль! Анхела Моралес удивилась бы, наверное, не окажись при ней положенной по рангу свиты влюбленных девиц. Когда Изабелла, измучившись, смогла выговорить: «Я люблю Вас», та ответила утвердительно: «Конечно», и, услышав о попытке самоубийства, якобы, из-за любви к ней, с трудом вспомнила, о ком речь.

Изабелла была единственным и обожаемым ребенком, и родители тяжело переживали вместе с ней эту историю. Вторая и счастливая любовь дочери...

Ветеринар появляется в дверях хозяйской спальни, гордая своей компетентностью: «En train de mourir», обнимает подругу за плечи, прикуривает от ее сигареты, та заходится благодарным кашлем, и возвращается к больному.

С Изабеллой я познакомилась на лесбийской вечеринке у Майи. Собираясь туда, я представляла себе сцены утонченного разврата, разбросанные повсюду резиновые фаллосы (а может быть, эти фаллосы я придумала сейчас, когда пишу свой рассказ,

и для пущей красочности). Нашла я общество женщин, в основном эмигранток, их связывали какие-то сложные отношения, и румынского строительного рабочего, занятого ремонтом камина в выставочном зале. Он возникал каждые несколько минут пропустить стаканчик. Мужские члены можно было легко найти на метафорическом уровне. Маленькая Майя: короткая стрижка, всегда удивленное и обиженное выражение лица и толстая сигара во рту, вторая сигара-фаллос заткнута за отворот кармана на курточке.

Если встреча с двуногим существом мужчиной, обладающим качествами пса Фигаро, любимца хозяйки, в Майиной жизни не случилась, то счастливая и редкая встреча художника со своей темой состоялась. Все ее скульптуры собак очень хороши, а лучшие и вовсе достигают уровня древних образцов анималистической пластики. Майя сохранила яркое свежее чувство, ценное для художника, оно обычно притупляется, а то и исчезает вовсе с приходом мастерства. Первовозникшее чувство в ее работах сопрягается с глубокой пластической культурой и добротным исполнением. Кроме этих бесспорных достоинств скульптуры обладают еще одним — товарным видом.

Надо полагать, Майя приобрела хутор во французской глубинке и частично переоборудовала крестьянские постройки: амбары, хлев, силосный склад высотой в двенадцать метров с глухой стеной серого дикого камня, потолочными балками из мощных в два обхвата стволов

(Бранкуши позавидовал бы таким древесным конструкциям!), под мастерские, выставочный зал, жилые помещения, теплицу для экзотических растений, где всегда влажно и жарко, «это мой Израиль», на те гонорары, которые поступают от коллекционеров, галеристов и кураторов музеев. Увы, нет. Мир потерял интерес к пластике. Остались еще редкие знатоки-вы-

родки, которые любят хорошую скульптуру, но у них обычно нет денег на ее коллекционирование. Хутор, однако, реален и приобретен на сумму, выплаченную страховым агентством после аварии, в которой погибла Каролин, возлюбленная Майи. Сама Майя получила травмы и ранения, от которых уже никогда вполне не оправилась. Вела машину Майя, и мысль о том, что это она виновата в гибели подруги, с которой была счастлива, стала наваждением. Перед домом — бронзовый портрет Каролин, голова в три натуры.

Вещи интересней, чем ожидаемые мной картины разврата, нашла я на той вечеринке. Вот немолодая, угловатая экстрагантная женщина, которой никак не удавалось собрать углы и плоскости своего тела в уравновешенную композицию — то колено выпирало под диссонантным углом, и та запихивала его куда-то вбок, то костистый подбородок выстреливал вперед, натягивая дряблую кожу шеи. Ее беспокойные движения сопровождались позвякиванием браслетов, серег и ожерелий, так что даму окружала аура перезвона. Рядом с ней полулежала девушка. Она с дочерней покорностью и обожанием, не отрываясь и не моргая, смотрела на свою партнершу. Хотя где вы сегодня отыщите дочернюю покорность и что это вообще такое? Угловатая, казалось, не обращала на молодуху внимания, лишь время от времени, не прерывая болтовни, резко разворачивалась к подруге и окатывала ее звоном монист. Девушка была бледна и плохо себя чувствовала после аборта. Вот те на, лесбиянка, ведь, при чем тут аборт?! Нагуляла, изменила супруге, поддалась зову пола? Ничего подобного. Беременность была желательной и тщательно спланированной. Специалист-гинеколог точно рассчитал день и время года, наиболее благоприятные для зачатия ребенка. Все получилось удачно и она понесла с первой попытки. А почему бы и нет? Ее организм не был сбит с толку приме-

нением гормональных противозачаточных пилюль. Семя упало в девственную почву.

Идея родить ребенка принадлежала гомосексуальной паре, которая отыскала подходящую лесбийскую пару и сделала ей предложение. Семейная жизнь у мужчин складывалась счастливо, вот только детей у них не было, а обоим очень хотелось сына или дочь. Для осеменения выбрали партнера помоложе, и его сперма из пробирки была введена во влагалище молодой женщины в клинических условиях за соответствующее денежное вознаграждение. Проще и дешевле было бы воспользоваться традиционным методом делания детей, но не экономить же на таких важных вещах? Да и непорочность зачатия к удовольствию сторон была соблюдена.

Старший из мужчин, архитектор, начал планировать общий дом: отдельные спальни для каждой пары, центральное пространство станет игровой площадкой для малыша и четырех его родителей, у каждого, и у ребенка в первую очередь — по компьютерной комнате, даже бассейн будет непременно с лягушатником. Вчетвером будущие родители поехали отдыхать на Cote d'Azur. Грядущей матери шагу не давали ступить без опеки, хотя чувствовала она себя прекрасно. Младший партнер, скрипач и лауреат фестивалей клейзмерской музыки, играл для нее, чтобы ребенок еще до рождения слушал музыку. Он впервые всерьез заинтересовался женщиной: радовало ее присутствие, хотелось, не отрываясь, смотреть ей в лицо, угадывать желания и смену настроений, и дарить цветы. Банальные, но от этого несколько не менее волнующие признаки влюбленности. Молодые плавали вместе по утрам до завтрака, резвились в воде как дети, и их смех был слышен старшим, сидящим на берегу в шезлонгах несколько поодаль друг от друга.

Музыкант являл собой хрестоматийный пример Эдипова комплекса, и любое сравнение знакомых девушек с непревзой-

денной мамой было для него попросту смехотворным и отдавало кощунством. Мама играла огромную роль в его жизни, и на дежурную просьбу журналистов, расскажите, мол, о том, как Вы стали скрипачом, всегда отвечал:

«Благодаря маме. Мое детство прошло в маленьком румынском городке на берегу моря, и когда сверстники убегали купаться и мне, конечно, тоже очень этого хотелось, мама набирала полный таз воды из-под крана и говорила: вот тебе море, мой мальчик, опусти ноги в таз, но не переставай играть. Так я стал скрипачом».

Угловатая, модельер одежды, привыкшая всегда быть в центре внимания, почувствовала себя не у дел. На прошлой неделе на показе коллекций зимней одежды, она представила свои новые модели по туркменским мотивам и получила заказ на них от крупной торговой фирмы. Но когда в семейном кругу подняли бокалы по этому поводу, все, кроме нее, забыли, что, собственно, празднуют, и пили за здоровье будущего младенца и его очаровательной мамы.

Все решил маленький эпизод, даже не эпизод, а жест, обыденный жест, хорошо знакомый замужним беременным женщинам. Муж сидит и читает газету, жена проходит рядом, суетится по хозяйству, и муж, не отрываясь от чтения, кладет руку на женин живот. Музыкант непроизвольно у всех на виду положил ладонь на живот девушки — та застыла, не решаясь пошевелиться. На ней был бикини, только трусики, лифчик на пляжах Французской Ривьеры не носят. Живот еще совсем плоский, но грудь, как это бывает в первые месяцы беременности, сильно налилась. Тело чуть тронуто загаром, и там, где просохли капли морской воды, следы соли на коже.

По требованию старшей, супружницы немедленно отбыли в Париж. Младшая подчинилась. Любимая женщина не хочет

ребенка — его не будет. Договор из тридцати параграфов, определяющий систему прав и обязанностей отцов и матерей по отношению к ребенку, разработанный адвокатом, видным борцом за права гомосексуалистов и лесбиянок, и подписанный четырьмя заинтересованными сторонами, такого поворота событий не предусмотрел. Отец ребенка и его муж горевали так, будто у них погиб уже родившийся ребенок.

Если описанные мной лесбиянки походили на мать и дочь, то пара рядом с ними наводила на мысль о бабушке и внучке. Старшая, известная израильская художница, много лет живущая в Париже, больная, припадающая на одну ногу, растрепанная гениальная старуха-алкоголичка. Критики в один голос признавали за ней первенство в передаче цвета и света Леванта, но любили ее не за это, а за поддержку борьбы палестинского народа. Журналисты с готовностью предоставляли ей трибуну — в любой политической ситуации она умела точной и злой репликой против своей страны потрафить европейской интеллектуальной элите и заодно расквитаться с давнишними обидчиками — в Израиле ее ни в грош не ставили, пока не пришла парижская слава. Поговаривали, и не без оснований, что смена сексуальной ориентации к старости — это точно рассчитанный ею рекламный трюк. Сейчас, чем больше она пила, тем трезвее становился ее взгляд — цепкий взгляд прагматичной пожилой еврейки. При ней — стройная девушка, говорившая по-французски с сильным испанским акцентом — Изабелла. Женщины жили вместе несколько лет и хорошо ладили. Недавно Изабелла представила возлюбленную своим родителям. Католическая буржуазная семья, мечтавшая о молодом респектабельном женихе для своей дочери, приняла художницу... Это была вторая и счастливая любовь танцовщицы.

Старуха сидела на одиноком стуле, параллельно, как египетский фараон, расставив отечные ноги, и поглаживала бронзовую

левретку. Живая собака примостилась у нее на коленях, крупно дрожа всем телом и тычась носом женщине в лицо. Девушка-танцовщица пульсировала движением как ртуть, разносила угощение, кружилась, пританцовывала и гибко и легко опускалась на пол возле своей матроны. Были там еще...

Бутылка бордо двухтысячного года, когда было достаточно солнца и не слишком много дождей, осушена и запах баранины давно превратился в пытку.

А вот паренька-актера в бархатном пиджачке, Майиного воспитанника и завсегдатая скульптурной мастерской, на сей раз я здесь не встретила. В какой-то период его жизни Майя заменила ему родителей, с которыми у него не было духовного общения. Подросток был одержим поиском себя и нашел — перешел в ислам. Обычно Майя покупала плетеные подносы креветок во льду и белого вина, и мы славно просиживали за трапезой вечер, и он декламировал нам свои роли. Теперь вино, скульптуры и моллюски для него — грех.

На этот раз хозяйка и дама-ветеринар появляются вместе. Майя достает баранину из духовки, ловко поддевает весь кусок огромной вилкой, похожей на вилы, нарезает его на крупные ломти, ставит дымящееся блюдо на середину стола, ее руки заняты, она не утирает слез и они каплют на мясо, наполняет бокалы, «Santé», оборачивается ко мне и глухо говорит по-русски: «Фигаро только что умер».

ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОЭТА

Поэт умер в своей квартире в самом центре Тель-Авива, или, если пользоваться ивритской идиомой, «в сердце Тель-Авива». Через четыре дня после его смерти девушка, приходившая раз в неделю убирать и готовить, открыла своим ключом дверь, обнаружила труп и вызвала полицию.

«Нет, не знала, не звонил, никогда ничем не делился, друзья? нет, не знакома, видела иногда, откуда мне знать, был ли чем-то взволнован? я вообще была в Эйлате, вот билет, да, вежлив, нет, не мое это дело, я же вам говорила».

Поэт, бывший когда-то одиозной личностью, в последние свои годы стал нелюдим и совсем отошел от каверзной богемной жизни. Его фотографии и стихи, напротив, стали попадаться в газетах чаще прежнего. С фотографий смотрело лицо, сочетавшее в себе красоту и уродство и казавшееся голым и незащищенным. Крупный, нависающий надо ртом нос, тонкая верхняя и мясистая, всегда влажная, нижняя губы, яркие девичьи глаза и какая-то кустистая неровная растительность на подбородке. Декламируя стихи, он сильно походил на влюбленную Бабу-Ягу.

Журналисты появились в квартире почти одновременно с полицейскими и тоже принялись допытывать девушку.

«Да не бойся ты нас, ради Бога, звонил ли он тебе, чтобы пожаловаться, что плохо себя чувствует? да спрячь ты этот свой билет в Эйлат, мы его уже видели, а кому достанется его квартира? если бы была женщина, ну, совсем не обязательно — жена, можно и подруга, с которой он жил вместе, квартира могла бы

достаться ей, никаких женщин, говоришь, не видела ни разу, а ты-то, такая красивая девушка, он ведь был одиноким мужчиной, не старым, совсем еще не старым, не обижайся, ну вот, обиделась, ты просто нас неправильно поняла, мы совсем не это имели в виду, не читал ли он тебе, скажем, свои неоконченные стихи? кому все-таки достанется квартира? детей у него вроде бы не было, жаль, если государство приберет к рукам квартиру, у него, ты, конечно, знаешь, отношения с государством были не ахти, что ты говоришь, читал, советовался, потрясающе, а разве ты смыслишь в поэзии? ну вот, ты снова обиделась, прости, пожалуйста, рассказывай дальше, можно тебя сфотографировать, здесь, в его кабинете, лучше на фоне книжных полок и портрета его матери, это ведь фотография его матери, что значит, не знаешь, так чья же, если не матери?»

На следующий день страна узнала об утрате, которую понесла ивритская литература. Неприлично было бы отделаться кратким сухим некрологом, да и не хотелось разочаровывать публику, привыкшую связывать с именем Поэта пикантные и двусмысленные истории, поэтому девушку, приходившую убирать, тоже не забыли:

«Дафна была единственной, кто разделил с поэтом последние дни его жизни. Ей он читал свои неоконченные произведения, с ней делился радостью удачно найденного слова. Будучи тяжело больным, отойдя от светской жизни и расставшись со всеми своими бывшими друзьями, поэт находил в этой неприметной и некрасивой девушке, которая так напоминала ему его мать, большую душевную красоту. Ей доводилось первой слушать его только что написанные стихи, как говорится, из первых рук. Как горько сожалеет она о том, что не уловила в его голосе признаков надвигающейся трагедии, когда он звонил ей в Эйлат. Ведь это был его последний звонок. Как просил он ее приехать поскорее. Он был так одинок в свои последние часы...»

Успех выпал на долю Поэта вместе с выходом в свет его сборника стихов «Ручей, текущий вспять». Книга была отмечена литературной премией главы правительства, и ее появлению сопутствовал скандал. Незадолго до этого скульптор Игаль Кухаркин позволил себе откровенно признаться во всеулышание: «Когда я вижу ультрарелигиозного еврея, я понимаю нацистов». Поэт, хотя и был человеком нерелигиозным, возмутился и в телеинтервью по поводу выхода в свет его новой книги скаламбурил: «Когда я вижу еврея скульптора Кухаркина, — сказал он, — я понимаю нацистов». В ответ скульптор подал иск в суд и потребовал возмещения за нанесенное ему публичное оскорбление. Сумма материальной компенсации за моральный ущерб, требуемая пострадавшим, была весьма впечатляющей. Игаль Кухаркин привык мыслить крупными формами.

Суд доходчиво растолковал скульптору, что он не прав, что зарвался, что сумма слишком велика, и вынес решение о том, что обидчик обязан выплатить истцу значительно меньше, чем тот требовал, плюс — судебные издержки. Штраф, таким образом, всего в три раза превысил почетную литературную премию главы правительства Леви Эшколя.

Поэт был потрясен несправедливостью судебного решения, совершенно потерял контроль над собой и прокричал в услужливо подставленные микрофоны журналистов, что он понимает нацистов, да, он их еще как понимает, когда видит это идиотское государство Израиль с его трахнутой судебной системой.

После чего с Поэтом случился инфаркт, и он попал в больницу. Не успев как следует оправиться, он узнал, что награжден государственной премией «За развитие культуры». В кратком резюме о деятельности Поэта и основаниях для присуждения премии наряду с литературными достижениями была отмечена его острая конструктивная критика постсионистского общества.

«Никогда, никогда, вы слышите, я не приму от государства эти деньги!» — заявил Поэт и премию взял.

Ультрарелигиозные евреи не стали подавать в суд на скульптора Кухаркина — он для них просто не существовал, так же, как и телевидение.

Игаль Кухаркин отбыл в Германию устанавливать там монумент жертвам Холокоста. Он был возмущен тем, что суд так низко оценил его поруганное достоинство, и считал процесс проигранным.

В послеемфактный период Поэтом были написаны его лучшие стихи о старости и тщете существования. Емкие, горькие и точные, они значительно превосходили его раннюю любовную лирику.

На вечере памяти Поэта выступили профессор ивритской литературы, специалист по «поэзии после Освенцима», артисты, чтецы. На собравшихся произвела впечатление речь Дафны, той, кому Поэт доверял самые сокровенные мысли, той, которая была его Психеей, его голубкой, его последней музой. Говорила она от всего сердца, незамысловато и горячо, и многие не удержались от слез.

Вскоре после похорон прилетела из Англии бывшая жена Поэта, балерина. По дороге из аэропорта она первым делом заскочила в банк и только затем направилась в квартиру в сопровождении адвоката и нескольких старых знакомых. После посещения банка женщина выглядела усталой и удрученной. Наверное, ее утомила дорога. Ни на кого не обращая внимания, она села и углубилась в изучение банковских распечаток. И вдруг резко встала, обвела присутствующих гневным взглядом и взметнула высоко над головой руку с пачкой раскрытых веером квитанций. Всем показалось, что бывшая жена собирается исполнить танец фламенко. Она, действительно, застыла

на мгновение в танцевальной позе, затем сделала полный круг по квартире, пнула ногой, обутой в изящную лаковую туфлю на шпильке, дребезжащий от старости холодильник, рухнула в кресло, красиво подломив под себя ноги, и прикрыла глаза веером счетов.

«Я... я надеялась, все эти премии, — дама с трудом владела голосом, в котором звучали слезы большой утраты, — но что же это выходит, всю эту рухлядь мы когда-то купили вместе... значит... трудно поверить, с тех пор он совсем не *продвинулся!*»

Дафна подала в суд, она решила оспаривать у жены Поэта, с которой тот расстался двенадцать лет назад, когда ее карьера резко пошла вверх и она была приглашена в лондонскую труппу современного балета, права на квартиру «в сердце Тель-Авива». Девушка утверждает, что состояла в гражданском браке с Поэтом. Ее позиция подкреплена впечатляющими статьями из центральных газет. Знакомые уже засвидетельствовали то, что она действительно вела с Поэтом общее хозяйство. Правда, их никто не видел вместе вне дома — в кафе или, к примеру, в театре, но ведь и сам Поэт редко появлялся на людях, а в последние месяцы жизни и вовсе не выходил из дома.

ДИПЛОМ СО СВАСТИКОЙ

В состоятельных бессарабских семьях было принято посылать детей учиться в Западную Европу. Высшее техническое образование Самуил Дойч получил в Мюнхене во второй половине тридцатых годов. Как же ему, еврею, это удалось? Может быть, немецкая фамилия помогла? Вовсе нет, почти все Дойчи, как известно, — евреи. Инженерную академию он закончил с отличием и диплом, украшенный гербовой черной свастикой сверху в центре листа в обрамлении готических букв, хранил при себе в заветном чемоданчике все лихие советские годы с риском для жизни. Как он выжил во время войны? Был ли мобилизован в Советскую армию? Не спрашивайте — не знаю. В послевоенные годы Дойч то занимал высокие ответственные должности — был главным инженером Госпрома Молдавии, то пускался в бега и отсиживался за печкой у дальней родни в Краснодаре. Он был поджарым, тонкогубым и близоруким, ступал осторожно, как канатоходец, и совершенно не разбирался в людях. «Самуил снова привел в дом какого-то подонка и уверяет меня, что тот — порядочнейший человек», — жаловалась жена. Ей случалось заставить мужа за нелепой беседой с почтальоном или инсталлятором. «Как здоровьечко, товарищ главный?» — интересовался инсталлятор, прочищая трубу от унитаза. «Нет, нет, любезный вы мой, как ваше здоровье — это куда важнее, расскажите мне об этом поподробнее, прошу вас». В голосе хозяина звучала нездешняя доброжелательность. После ухода инсталлятора семья обычно недосчитывалась гаечного ключа или отвертки. У подчиненных велеречивый стиль вызывал оторопь

куда большую, чем хамские окрики или развязная фамильярность других руководителей, и всякий раз после подобного приветствия они ждали беды. Начальника прозвали «иезуитом». Прозвище закрепилось за ним и сохранилось даже со сменой страны проживания, сам он об этом не знал.

Его мучили иные прозрения и догадки. Он подозревал, что зубной врач вмонтировал ему под коронку передатчик, считывавший мысли. Тогда-то он и заметил, что «транслирует» на немецком — любое его действие подчинялось ритму заученных с детства любимых стихов Шиллера, Гете или Рильке. Открытие заставило его похолодеть, и с этого момента он был постоянно занят тем, что «глушил» свои декламации бравурными советскими маршами. «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» — распевал он в уме, доказывая свою политическую лояльность. Немецкая классика, надо сказать, отступала под натиском противника, но вскоре снова возвращалась на прежние позиции.

Вся эта возня так занимала его, что на воспитание единственного сына, толстого истеричного мальчика, сил почти не хватало. Но даже то малое, что он преподавал ребенку, было строго систематизировано. Прежде всего, и он был в этом неколебимо уверен, мальчику следовало привить аристократические европейские манеры. Урок хорошего тона всегда начинался одним и тем же наставлением, им же и заканчивался: если тебе подали чай с лимоном, чай выпей, но лимон ни в коем случае не ешь — так поступают плебеи. Дальше дело не шло, сын быстро терял терпение и убегал драться во двор. Через несколько минут оттуда доносился густой рев, и жена баллистической ракетой прошибала дверь и устремлялась на помощь избиваемому младенцу.

Лимон мальчик за все свое детство видел всего лишь раз, когда семья посетила соседку в больнице, и специально для

нее где-то достали лимон. Больная равнодушно выпила чай, а ломтик лимона оставила на донышке нетронутым в лучших традициях европейского этикета, потом закрыла глаза и умерла.

В возрасте тридцати лет сын с престарелыми родителями переехал в Израиль, где цитрусовых ешь — не хочу, чай пьют не с лимоном, а с наной и вести себя по-плебейски считается нормой.

По приезду в Израиль господин Дойч подал просьбу о прохождении специального экзамена. Немецкое правительство учредило солидные пособия-компенсации «лицам немецкой культуры, пострадавшим от нацизма» и тем самым поставило немецких евреев выше остальных, «просто» пострадавших от нацизма. К просьбе были приложены ксерокопия диплома со свастикой и справка о первой семье Дойча, погибшей в концлагере в Транснистрии в 1941 году. О гибели родителей и младшей сестры, расстрелянных в том же 41-м, никаких документов не было. Они жили на севере Бессарабии, в живописном городке Сороки, и владели водяной мельницей. Дело вел отец, мать, элегантная дама родом из Австро-Венгрии, к мукомольному производству никакого отношения не имела — ее интересовали венская мода и поэзия. В то утро, когда евреев согнали и выстроили в колонну, она, рассказывали, завела беседу с немецким офицером (может быть, о литературе?..), и они даже улыбались друг другу. «Вы доставили мне огромное удовольствие, фрау... я очень сожалею, но...» Это, конечно, выдумки очевидцев. С чего бы немецкому офицеру нарушать устав и разговаривать с еврейкой? Кто-то даже помнил, что он ударил немолодую женщину прикладом, когда та обратилась к нему на родном для обоих наречии, — так-то достоверней.

За год до этих событий, когда, как говорили в Бессарабии, «зашли Советы», хозяин мельницы незамедлительно отдал дело на хорошем ходу новой власти. Компаньон заартачился — его

РЕДИ-МЭЙД

с семьей, как говорили в Бессарабии, «подняли», что означает — выслали, но через много лет он вернулся.

В комиссию по компенсациям входили пожилой профессор новейшей истории Гейдельбергского университета (интересно, чем он занимался во время войны? — да простится мне бестактный и совершенно неуместный вопрос), молодой доцент, защитивший докторскую диссертацию на тему «Немецкие евреи и Холокост», и бдительные чиновники, в задачу которых входило выявление фальшивых соискателей.

«У вас нет оснований для получения нашей компенсации — какой же вы человек немецкой культуры? Вы связать двух слов на немецком не можете», — замечал чиновник. «Но я говорю на идише, и это — диалект немецкого! И потом, вся моя родня погибла во время оккупации». — «За них вы уже получили то, что вам полагалось. Мы очень сожалеем, но...»

Наш экзаменуемый к подобной досадной категории просителей не относился. Он предстал перед взыскательными судьями и прочел наизусть на безупречном немецком тоном истинного ценителя высокой поэзии первые страницы „Фауста“ Гете. Декламировал он долго, но никто его не перебил, и, дочитав, низко, как актер, поклонился. Экзаменаторы аплодировали стоя, потом слышались восклицания: «О, это восхитительно!», «Вы доставили нам огромное удовольствие, господин Дойч!». Он вышел на улицу совершенно счастливым. Ему даже показалось, что он вернулся в предвоенную Германию — он молод, удачлив, в воздухе — тревога, предчувствие грозных событий, и это придает остроту любви, и вкус еде, и проникновенность музыке, и... — Окрик на иврите вернул его к действительности.

Вожделенную ежемесячную компенсацию Самуил Яковлевич Дойч успел получить всего два раза, по наследству она не передавалась — члены его семьи лицами немецкой культуры не были.

Ready-made — «из готового» (*англ.*). Так, согласно определению словаря терминологии современного искусства, именуется предмет, обычно каждодневного пользования, который включается художником в его произведение без изменений, таким, каков он есть.

На моей выставке в муниципальной галерее им. Константа я использовала стол в качестве этого самого реди-мэйда. Он должен был выглядеть рабочим столом скульптора, столом патологоанатома и кухонным столом одновременно. Инструменты, разбросанные на нем, рождали мысль об их пригодности для скульптора, хирурга, мясника, повара...

Вот как критик вскрыл мой замысел: «Металлический прямоугольный в натуральную величину стол с лежащими на нем тазовой костью, человеческими стопами, режущим инструментом (для расчленения плоти, но это ведь и инструменты скульптора — а чем он, собственно, занимается, как не режет и не мнет тело своих работ?!) и раковиной (для стока крови?). Блеск холодной злой стали, ужас смерти на фоне стерильно белых стен. Здесь звучит жуткая тишина прозекторской»¹.

Два дня я присматривалась и приценивалась к металлическим столам и подержанному кухонному оборудованию на Блошином (Клопином на иврите) рынке, прежде чем стол был куплен. Ряды кухонного оборудования для столовых, ресторанов и фабричек готовых продуктов питания являли собой нестрой-

¹ Здесь и далее цитаты из статьи Эдуарда Шнейдермана «Хвост ангела» («Вести», «Нон-стоп», май 2000 г.).

ное, разномастное, топорщившееся воинство потертых и покоренных, залатанных, отремонтированных и нет, надраенных до блеска и ржавых, поставленных на попа и сваленных в кучи, подпертых деревянными костылями, разобранных на части — ножки отдельно, раковина отдельно — столов. И только цены в единодушном порыве штандартами взмывали ввысь.

— Смотри, как удобно вот здесь резать мясо, а здесь — обмывать тушки. Что тебе «не выглядит» как надо? Я продаю столы двадцать лет не для того, чтоб они «выглядели».

От соблазнительных предложений приобрести то, что мне не подходило, на баснословно выгодных условиях я отмахивалась, а значит, упускала «свое счастье».

Наконец нужный стол был куплен за 800 шекелей, и хозяин обязался (в устной форме, потому что «честным людям ни к чему все эти писульки») взять стол обратно по окончании выставки.

Неужто обманул? Не может быть!

«После оцепенелого молчания разделочного (или как он у патологоанатомов называется?) стола здесь возникает звуковой объем, органное звучание».

Реди-мэйд оказался невостребованным, как советские таланты в Израиле. Он сиротливо топтался рядом с чьим-то складом, загораживал собой проезжую часть улицы, упирался, не хотел лезть в дверь моей мастерской и всем мешал. К столу начали стекаться старьевщики, все с незаинтересованными, как у браминов, лицами. Один из них подошел ко мне и представился:

— Я — Коэн.

Правый глаз господина Коэна был полузакрыт и безучастен, бровь над ним величаво застыла сломанным крылом; левый ерзал, изнывал прохиндейством, косил к переносице и насмехался над больным собратом.

— Очень приятно, я — Гамбурд.

— Я — коэн во Израиле¹. Ты что, о коэнах не слышала? Я люблю помогать людям. Вот эту твою рухлядь я продам для тебя в начале недели шекелей так за семьдесят, больше она не стоит — красная цена. За хранение ты мне заплатишь мелочь, всего двести шекелей — я с соседей много не беру. Зато ты будешь спать спокойно. Главное — здоровье.

Коэн во Израиле — хозяин обширного углового балкона напротив окон моей квартиры. Там стихийно и самопроизвольно выстраиваются мудреные композиции — так нащупывают и захватывают ветки растущего куста соседнее свободное пространство, чтобы заполнить его своим объемом. Потертый манекен без головы соседствует с метровым красным ключом, рядом с ними — детская ванночка, в ней на боку — античная каменная колонна из пластмассы, вместо капители — терновым венцом моток колючей проволоки, впрытк к ней — массивный обнаженный мотор, извлеченный из утробы какой-то машины и весь опутанный тонкими проводками. На нем — роскошная клетка из сказки в форме восточного дворца, в ней — заводной плюшевый попугай, задирающий прохожих. Заботливый хозяин посадил к механическому двух живых попугайчиков, чтобы не скучал, — с тех пор не умолкают крикливые склочные междуособицы — птицы оспаривают друг у друга право на жизненное пространство. Попугаю-старожилу уже не до прохожих, он прекратил свои шалости и выглядит озабоченным и невыспавшимся. Освистали беднягу. Так и хочется дать ему телефончик очень честного и знающего адвоката, который возьмет недорого. Рулоны материи воткнуты в груду предметов, словно деревянные шпильки — в волосы гейши на картинках в книге «Эротик арт оф Джапан», ставни, решетки, зеркала закреплены так, что перспектива в них приоб-

¹ *Коэн* — священник. Носители фамилии, образованной от этого корня, считаются потомками храмовых священнослужителей — ааронитов.

ретаает фантазмагорические свойства: улица спускается с небес на землю, ну прямо не улица, а лестница Иакова. В зеркалах плещется Средиземное море, горят нефтяными скважинами закаты и прозябает Яффо, легендарный и убогий город.

Однажды поверх этих богатств вскарабкалась надувная лодка под ярким парусом с орнаментом в центре в виде подсолнуха. Парус хлопал на ветру с такой яростью, что казалось, дом вот-вот снимется с места. Как-то зимой лодка свалилась и села на мусорный бак. Кошки ласточками выпорхнули из его недр. Мусорный бак осторожно снялся с якоря и поплыл под парусом в неведомое.

Перед выборами хозяин накрыл балконную экспозицию лоснящимся портретом Нетанияху. Глава правительства пустился строить гримасы и заигрывать с публикой: надувал щеки, растягивал улыбку, подмигивал и лучился. Проиграв сопернику, заметно сник, постарел и сморщился, выцвел, порвался на куски, криво и жалко отвесив нижнюю челюсть, и... слинял вовсе. Но мы верим, что он вернется.

Балконная панорама меняется все время, и только один элемент в ней остается постоянным — это израильский флаг. Под летним испепеляющим солнцем и под зимними ливнями стят гордо реет серой рваной тряпкой.

Что это — верноподданничество, охранная грамота или насмешка над державой?

С внешней стороны балконных перил хозяин тщательно закрепил полочки, расставил на них вазоны с цветами и ухаживает за ними.

Это — для красоты.

Крыша дома и проемы окон пустующих квартир облюбованы популяцией голубей. Раздобревшие на отбросах «птицы мира» обильно гадят на балконные богатства заблудившегося в дебрях времен ааронита.

— Господин Коэн, а куда вы мой стол денете? На балкон? Не боитесь, что рухнет?

— Чего вдруг рухнет? Все это только лишь объем — веса никакого. Тяжелые и ценные вещи я храню дома. У меня есть предметы иудаики, серебро, даже арон ха-кодеш¹ из дуба. Заходи, приведи своих друзей-художников. Люди искусства — мои постоянные клиенты.

— А деревянные скульптуры у вас есть?

— Что? Ни в коем случае, я языческой нечистью дом не опоганю. Скульптуры — это идолы! Мне, коэну, нельзя к ним прикасаться, и тебе не советую.

Короткий пятничный день всегда чреват слишком ранним приходом субботы и наполнен лихорадочной суетой последних предсубботних приготовлений. Соседка с верхнего этажа хлопочет — моет балкон. Струя грязной воды обрушивается в центр стола, заставляя столпившихся отскочить в стороны. Стол приходится отволочь куда-то за угол. Трудолюбивая женщина принимается чистить второй свой балкон и снова оплескивает аукцион внизу.

Мелкие слесарные, столярные, обивочные мастерские, ресторан «Ицик ха-гадоль»² (внушительных размеров владелец ресторана стоит при входе, так что все могут воочию убедиться в его величии) закрываются.

Последние посетители уже оставили щедрые чаевые в рыбном ресторанчике — сюда съезжаются в пятничные полуденные часы на свежий морской улов деловые компьютерные люди из стерильных кондиционированных районов северного Тель-Авива. Они любят снять недельное напряжение хорошим обедом, по-

¹ *Деревянный шкаф* — вместилище для свитка Торы в синагоге.

² «Большой (великий) Ицик» (*иврит*).

говорить на сытый желудок о законных правах арабов на Яффо и ополоснуть глаза бесконечными морскими далями перед субботним семейным затворничеством. Фабричка «Кровать моей мечты», гаражи, пекарни, некошерный русский колбасный магазинчик — все закрывается.

С грохотом и непреклонностью судебного приговора, без права обжалования обрушиваются гильотинами железные жалюзи.

Оторванные конечности и головы, но ведь они же — археологические обломки скульптур, которые нам так милы на музейных стендах. «Эти головы — чрезвычайно выразительный элемент экспозиции — покоятся на необычно, под углом поставленных полках-пюпитрах, так что лица этих пожилых поживших людей, в коих отражена, впечатана вся их жизнь, буквально читаются».

Мимо нас прошаркала группка пожилых католических монахинь (бледные лица, не знающие косметики, волосы убраны под платки-наколки, пепельно-серый цвет, бестелесность) и протопал взвод из трех молодых арабок с выводком детей (платья-халаты, волосы убраны под платки-реалы, широкие, сочные, небрежно вылепленные лица, тоже не знающие косметики, дешевая грубая обувь).

«Брокеры» тонко чувствовали ситуацию и уверенно играли на понижение. Акции моего предприятия падали. Цена реди-мэйда неумолимо приближалась к той черте, за которой мне придется доплатить, только бы кто-нибудь добрый прихватил стол с собой в качестве субботнего подарка.

Спасение возвестило о себе звонком мобильного телефона. Оно имело образ хмурого грузного торговца. Торговец достал из кармана засаленных рабочих брюк крошечный изящный телефон последней модели, открыл элегантную крышечку и прижал мясистую ладонь, на которой только что хрупко красовался телефончик, к уху. Аппаратик исчез — его поглотила пятерня. Мужчина

подошел к стенке и отвернулся, будто собрался справить малую нужду. Но нет: крики и угрозы перекрыли жужжание торга. Это подошедший корил свою ладонь за невыполнение каких-то важных условий. Не переставая сквернословить, как продавцы икон на Измайловском рынке в Москве, горлопан зажал телефончик на этот раз между ухом и плечом, отчего его массивная голова оказалась криво и неестественно прижатой к туловищу, и таким образом высвободил обе руки. Затем он подошел к столу и ощупал его по-хозяйски, как цыган — лошадь на бессарабском базаре. Проверил суставы, погладил, потрепал и похлопал по гладкой стальной поверхности, поглядел в пасть. Затем опустился на землю в позе молящегося мусульманина — анусом в небо, — чтобы заглянуть столу в пах, и, кряхтя, втиснулся под стол целиком.

Скованность и неудобство смирили его дух и расположили к компромиссам. Вылезал он из-под стола похорошевший и по добрев. Пожелав своему плечу «Шабат шалом!», он достал из нагрудного кармана пачку стошекелевых купюр, перетянутую аптечной резинкой, выдернул из нее две сотни, сунул их мне в руки, взвалил стол на спину и уволок прочь.

— В добрый час, поздравляем, видишь, никогда нельзя падать духом! Мы за тебя все время болели, — несостоявшиеся покупатели спешили разделить со мной удачу.

А Коэн даже подмигнул — ты что, думаешь, он так просто пришел, увидел, купил? Как бы не так — это я его привел, потому что я люблю помогать людям. От природы карий, здоровый глаз потомка священнослужителей голубел небесной непорочностью.

Один из доброжелателей поманил меня в сторону, ухватил за локоть и стал шептать:

— Не огорчайтесь, геверет¹ художник, вы мне лучше скажите, вы картину маслом написать можете? А то у меня есть очень

¹ *Геверет* — госпожа (*иврит*).

ИОСИФ ПРЕКРАСНЫЙ

серьезный заказчик. А с этими дела не имейте — жулики! Мой заказчик хочет богатую картину про Кишиневский погром и в дорогой раме под золото. Он желает, чтоб было много фигур и очень много обнаженного тела.

— А обнаженное тело тут при чем?!

— Как «при чем»? Ведь во время погрома насильовали! Надо знать и любить свою историю! Зря вы отказываетесь, очень выгодный заказ.

Реди-мэйд незамедлительно конвертировался в скромное количество продуктов, бутылку красного сухого вина и букет цветов — украсить субботу.

Старьевщики еще долго не расходились, обсуждая разыгравшуюся на их глазах сцену продажи стола.

«Ай-яй-яй, какой убыток, вы только подумайте». — «Продешевила, ой как продешевила. Такая порядочная женщина, ее дочь служит в МАГАВ¹, как и мой старший. Тяжелая и опасная служба». — «Да нет, ее дочь — манекенщица, какую газету ни откроешь, везде ее фотографии». — «Это другая дочь, а та, о которой вы говорите, учится в университете в Иерусалиме». — «У нее что, три дочери?» — «Все вы путаете, у нее — одна-единственная дочь, пусть будет здорова. Приезжает к матери по субботам». — «А сама, сама-то — разведенная?» — «Вдова вроде бы». — «Это хорошо, что вдова, а не разведенная — повезло бабе, а то трех дочек в университете обучать — это сколько же денег надо?!» — «А чем она занимается?» — «Искусством, говорят, она художник, скульптор». — «Ее счастье, что художник, говорю я вам, а то ведь в торговле — здесь обязательно талант нужен».

¹ МАГАВ — пограничные войска.

Хорошие девочки из приличных голландских семей приезжают в кибуц на месячишко-другой поработать волонтерами на сборе апельсинов, самую малость вкусить израильской экзотики — и, случается, застревают здесь надолго. Они влюбляются в смуглых еврейских юношей, выходцев из стран Востока, и это переворачивает всю их жизнь. Ничего удивительного, молодые сефарды¹ иногда чудо как хороши.

О, золотистая бронза его плеч! Прохладная в жару ночей гладкая кожа, нежный, напряженный и плоский, как египетский рельеф, живот, кисть его ноги, именно кисть, веками не знавшая иной, кроме сандалий, обуви, кисть, а не слепок туфли, как у европейцев. О, певучая линия его шеи, преодолев острый кадык, она огибает точеную кость нижней челюсти и подбирается к бархатистой мочке уха. О, его тугие ягодички матадора! О, литая бронза его чресел! О, пульсирующая нетерпеливой змейкой вздутая вена, обвивающая его фаллос! О, о, о!

Йоси Коэн был мал ростом, лысоват, говорил отрывисто, точно лаял, оборачивался и смотрел через плечо злобно и недоверчиво и передний зуб потерял на ухабах жизни. Огромные, как лыжи, пластмассовые пляжные шлепанцы волочил за собой, пальцами ног вцепившись в них спереди. Он недавно освобожден из тюрьмы и в кибуце находился на перевоспитании.

Выглядел Йоси так отталкивающе, что Сюзанну Ван Дер Вельде было просто невозможно заподозрить в плотском влечении к нему. То была любовь.

¹ Сефарды — от «Сфарад» — Испания (*иврит*).

Первый акт их драмы разворачивался на фоне пардеса¹ и был напоён запахами цитрусовых и курятника. Затем Йоси сбежал из-под кибуцной опеки: «Э, да катитесь, падлы эти, со своим супом издохлых кур, извращенцы левые, ишь, всю страну арабам отдать вздумали! Прежде поднимите свои ашкеназийские жопы! На чем сидите — на землях арабской деревни! Э, привязались, маньяки, на фиг вы мне сдались». Сюзанна подалась за ним в Тель-Авив. Она устроилась на работу архитектором в проектное бюро, он, не работая, часть ее зарплаты жертвовал на любимую футбольную команду.

До отсидки Коэн честно трудился в секторе арабского наркобизнеса, был связующим звеном между одной из яффских хамулл² и рядовым потребителем, пока не произошла та самая авария, в которой погиб глава клана Мухаммед. После тяжелого ранения он прожил еще несколько дней, весь обвешанный капельницами, и, вообразив себя пророком Мухаммедом, призвал своих братьев вернуться на путь истинного ислама. Что они и сделали: все как один стали истово верующими. Семейный бизнес заглох, а Йоси оказался не у дел и попал в тюрьму.

Сюзанна сняла квартиру, оплатила любимому услуги стоматолога и после года упорных занятий прошла гиюр и завела в доме кошерную кухню. Есть эту ее стряпню Йоси отказался, он предпочитал хумус, который готовил неопрятный грузный иракец в забегаловке на углу. Напрасно тщилась Сюзанна, ставшая после перехода в иудаизм Саррой, разделить с ним эти трапезы — ее желудок, увы, противился каше из тертых бобов. Попытки соблюдать субботу и вовсе провалились — по субботам Йоси любил смотреть по телевизору футбольные матчи.

¹ *Пардес* — фруктовый сад (иврит), от него происходит слово «Рай» во многих европейских языках.

² *Хамулла* — клан, большая семья (*арабск.*).

Семья Коэнов — пять братьев и старуха мать — прослышали о блондинке-чужачке. Братья, один — старьевщик в Яффо, специалист по скупке краденого, трое — совладельцы гаража и один — профессор-окулист, постоянно враждовали друг с другом, но перед лицом врага сплотились: все были против Сюзанны-Сарры (и окулист тоже). Не родня она Коэнам! Напрасно волновались — речи о свадьбе не было.

Когда Сюзанна забеременела, Йоси требовал аборта, потом осыпал проклятиями ее живот, а перед родами исчез. Ребенок родился смуглым и рыжеволосым, ну прямо как царь Давид, которого «зарыжила» прабабка Рут¹. Давидом его и назвали. Появился Йоси через два года, наверное, до него дошли слухи о том, что растет удачный сын, и подарил малышу игрушку-зайчика. Встреча с отцом потрясла Давида. У всех были папы, только у него — нет. А тут вдруг оказывается, что и у него есть — самый настоящий собственный папа Йоси. Первой осмысленной фразой ребенка была: «Я хочу всегда жить у папы». Коэн признал отцовство, и суд обязал его платить алименты. Алименты он не заплатил ни разу — «нет денег, нигде не работаю», но нашел необходимую сумму, чтобы нанять адвоката и закрыть Сюзанне с сыном выезд из страны под предлогом того, что иностранка собирается выкрасть ребенка.

Почетный ректор архитектурного института и магистр масонской ложи господин Ван Дер Вельде приехал в амстердамский аэропорт встречать прилетавших на пасхальные каникулы дочь и внука, а встретил чемодан и детскую складную коляску. Сюзанну сняли с рейса в последние минуты перед вылетом. Объяснений никаких он не добился, дочь увел полицейский — вот и все. «Подождите минуточку, мы запросим израильские служ-

¹ *Рут* — Руфь.

бы». Пожилой джентльмен вообразил скверную историю, связанную, конечно, с отцом своего внука, и в этом не ошибся. «Сюзанна арестована, ребенок... где же ребенок?» Кто-то подхватил оседающего господина, вызвали «скорую», и отец Сюзанны скончался в машине, не доехав до больницы. События совпали с праздником Песах. Сюзанна металась от одних запертых канцелярских дверей к другим, чтобы снять запрет на выезд.

Похороны откладывались дважды. Адвокат Йоси предложил ей съездить одной, мальчик останется у Коэнов, там за ним присмотрят. Она поступила опрометчиво — согласилась. Сына Сюзанна увидела только через полтора года. О Давиде она знала лишь, что он жив. Полиция в дело не вмешалась — все решит суд. Судебные заседания постоянно переносились, казалось, они для того только и собирались, чтобы назначить новое число. «Решение такого важного дела, как судьба ребенка, не терпит поспешности, гражданочка». Адвокат пошел навстречу клиентке и брал с нее полцены за отмененные заседания.

Как-то раз Сюзанна оказалась в переполненном судебном зале ожидания вместе с семьями пострадавших от теракта, родственниками подсудимых и телевизионными съемочными группами. Арабская хамулла привлекала внимание тележурналистов больше, чем пострадавшие: она охотней позировала и выглядела несравненно живописней. Грузная арабка, по всему — мать террориста, шумно набирала полные легкие воздуха и выдыхала его криком. Подле нее суетились несколько молодых стройных девушек, задрапированных в глухие халаты. Они плескали в лицо кричащей воду из пластиковых двухлитровых бутылок. Унять кричащую пыталась девочка-полицейский, но безуспешно. Пол в зале быстро превратился в грязную лужу, и арабские мальчишки радостно резвились, били плашмя сандалиями по грязи, прыгали и дразнили съемочные камеры растопыренными

рогаткой в форме буквы «V» пальцами. В переполненном зале на скамье напротив, крепко обнявшись, совершенно неподвижно сидела пожилая супружеская пара. Жена, ростом поменьше мужа, опоясала его крупное туловище руками, сцепив их сбоку наподобие пряжки, и прижалась щекой к мужнину животу. Мужчина обнимал жену за плечи. Незнакомая с сигаретой подошла вплотную к Сюзанне и скосила глаза в сторону скорбящих: «У них погибла дочь, старшая, мать говорит, она светилась радостью, как солнышко. Террорист, вы слышали, он научился изъясняться на иврите без акцента и обладает европейской внешностью, я видела, он похож на француза, ненавижу французов!» — «Почему?» — «Потому что они ни за что не хотят говорить по-английски! А вам не мешало бы тоже избавиться от акцента. Вы что, пострадавшая или проходите как свидетель?»

Сюзанна белкой в замкнутом колесе вертелась, не прекращая поисков: полиция, социальные службы, частные детективы, адвокаты, полиция... Когда в третий раз попала к одной и той же социальной работнице, один глаз которой смотрел на правое, другой — на левое ухо несчастной подопечной так, что лицо Сюзанны находилось постоянно вне ее поля зрения, — не выдержала и, всегда сдержанная, суховатая и вежливая, разрыдалась и раскричалась не на шутку. Силы, время, деньги, много денег затянула в себя судебная воронка, прежде чем Сюзанна, выбившись из сил, постарев, заболев, потеряв работу, отыскала ребенка. Хорошо еще суд в конце концов разрешил ей видеться с сыном, «которого мать бросила с высокой температурой под дождем одного прямо на улице», а братья Коэны его чудом нашли, «потому что Бог, будь свято его имя, не оставил бедного мальчика тогда, когда родная мать его оставила, а сама уехала в Амстердам развлекаться. Там одни публичные дома и наркотики, у этих гоев. Так вот она... Какой отец умер? Нам об этом

ничего не известно. А даже если и умер, это что, детей надо бросать? У нас в семье такого не принято. Просим оставить Давида в приюте, чтобы он мог учить Тору. У матери все равно нет средств его растить — ее уволили из-за прогулов. К тому же она не соблюдает субботу — соседи слышали, как по субботам она включает телевизор. Где Йоси? Ну, вам ведь известно — он в тюрьме, где же еще».

Социальная работница на запрос суда охарактеризовала Сюзанну как истеричную, лицемерную, имея в виду, наверное, ее излишнюю вежливость, и очень агрессивную женщину.

С Йосефом Бар Меция¹ Сюзанна познакомилась случайно. Бар Меция был районным ухажером и поэтом. Поэтом его считали старомодным, и чем больше он силился казаться современным, тем вернее это словечко прилипало к нему. Когда-то давно он получил приз за подборку стихов, но печатался мало и популярностью не пользовался. Признания он ждал всю жизнь, и оно случилось... в Албании. Местный классик, остро нуждавшийся в деньгах (Бар Меция отвалил ему крупную по албанским — скромную по израильским — меркам сумму), перевел его по подстрочнику, и книжица стихов стала событием местной культурной жизни. Национальный албанский поэт придал стихам Йосефа космичность и трансцендентность, которых там отродясь не водилось. Йосеф с покорностью склонил голову и позволил надеть на себя лавровый венок. На творческом вечере в Тиране он расчувствовался и проболтался, что не успел получить заказанный для этого случая парик и так и приехал лысым. «И вот таким меня, оказывается, все равно любят в Албании». Сидящие в зале не привыкли к подобным вольностям.

¹ *Меция* — находка (*иврит*).

Одни решили, что перед ними отважный диссидент, борец за свободу слова, другие приняли его за клоуна.

Дома, в Израиле, албанская слава ни на кого не произвела впечатления. Албания — мусульманская коммунистическая отсталая страна. Кстати, где она находится? Успех там лишь доказывает, что поэт он несовременный, раз пришелся им по вкусу.

В молодости Йосеф был худым, собственно, таким он и остался, если не считать огромного вздутого живота, делающего его похожим на тощую беременную женщину. Шея его была длинной, и на заливке из-за ворота рубашки выбивался клочок светлого пуха. Круглая голова, сплошь покрытая разнообразной формы и величины пигментными пятнами, напоминала школьный глобус, у южного полюса украшенный ленинской бородкой. Суетливые, полусогнутые в коленях ноги заносили хозяина невесть куда, и тогда он останавливался и удивленно вертел головой в разные стороны — ни дать ни взять курица-голошейка. Вся эта нестройная картина успешно приводилась в порядок глубоким, звучным, красивым голосом и огромной разделенной любовью к самому себе.

Если не поэзией, то все же двумя своими бывшими женами он был знаменит. Первая, актриса и красавица, увы, закончила свою карьеру, успев сняться в нескольких фильмах и став любимцей своего поколения. Сейчас она почти не выходила из лечебницы для душевнобольных. Вторая, юрист, член Кнессета, бойкий политик, напротив, вела активную жизнь. Она крикливо и дерзко сражалась за права неимущих и свою огромную зарплату слуги народа. Йосеф, включая телевизор, всякий раз подвергался опасности оказаться с ней наедине. Избегнуть встречи со «злодейкой» было невозможно — она глядела с агитационных щитов, плакатов и предвыборных листовок. Как-то раз он заметил валявшуюся на тротуаре газету с ее портретом на весь

лист и старательно вытер об нее ноги. Жена до сих пор вызывала у поэта приступы ярости и скачки давления. Куда спокойней ему было в обществе одиноких подруг, которыми он окружил себя.

В молодости с женщинами у Йосефа не клеилось. У обеих жен как-то неприлично быстро после свадьбы и рождения детей обнаружили любовники. Его интрижки заканчивались, едва начавшись, после двух-трех постельных эпизодов. Первый раз все женщины как одна его подбадривали, мол, это даже льстит им, такое волнение, но в дальнейшем у них на лицах проступало одинаковое виноватое выражение сродни признакам какой-то постыдной болезни, и роман издыхал, едва родившись. Как будто не ясно, что они липли бы к нему, сучки похотливые, любительницы поэзии, окажись он достойным кобельком.

Сейчас все было совершенно по-иному — он держал в напряжении добрую дюжину одиноких женщин и ни с одной из них не спал! Мысль о постели вызывала в нем спазм отвращения. Своих подопечных он не баловал цветами и подарками и никогда ни одну из них не приглашал в ресторан. Расточительность он ненавидел не меньше постельных отношений. Первый этап знакомства разворачивался под лозунгом «наконец-то мы нашли друг друга» и требовал проявления с его стороны большого энтузиазма. Затем выбрасывалась на стол козырная карта: «Только вам, потому что вы мне близки и дороги, я могу рассказать о своем горе — мой сын покончил с собой... Я так одинок...» Какая женская немолодая душа не дрогнет от такого признания? Затем следовали объятия в парке или на лестничной площадке, но ни в коем случае не в квартире. Кульминационный момент приближался: подруга случайно (от него самого) узнавала, что у нее есть соперница, и не одна. «Я врать не стану», — Бар Меция гордился своим врожденным правдолюбием. Упреки, истерики, причитания «Какая

же я дура!» — именно эти конвульсии агонизирующей любви были ему слаще оргазма.

Случались иногда осечки. Как с той сумасшедшей вдовой. Они так славно выпили по бокалу вина и закусили салатом, он взял ее руку в свою, прочел два новых (десятилетней давности) стиха и поведал о сыне-самоубийце. «О, как мой Ицик, как он! Это сблизит нас!» Вдова резко рванулась к нему, стул, на котором он сидел, поехал задом по гладкому плиточному полу к дивану, женщина опрокинула поэта вместе со стулом на диван и подмяла его под себя. Сопrotивлялся он яростно, но это только вдохновляло наездницу. «Я не могу», — задыхался он. «И я, и я не могу больше!» — «Это слишком быстро, мы еще не знакомы!» — «Да, медленней, вот так, вот так!» Ее руки рвали на нем одежду. «Как мой Арик, как мой покойный муж, так же ушел из жизни, это судьба, общее горе нас сблизит». — «Я люблю...» Смачный благодарный поцелуй кляпом запечатал его рот и нос. Йосеф понял, что вот-вот задохнется, собрал последние силы, рванулся и выкрикнул: «Я люблю миниатюрных блондинок!» Вдова отпрянула, шлепнулась на стул, тот поехал задом, опрокинул книжный стеллаж и уперся в стенку. Женщина стряхнула с себя сборнички стихов, книги по современной французской философии, поддала носком том Достоевского на иврите в твердом переплете, встала, одернула юбку и направилась к двери, надменно неся свою совсем еще не старую голову породистой крупной брюнетки.

«Уф... кто бы мог предположить... Надо будет сказать русской, которая приходит убирать, чтобы не натирала пол, а то вот что получается. Кстати, эта русская — милашка, но при ней муж, вроде бы даже не еврей. Давно пора ужесточить закон о репатриации, а злодейка ратует о его послаблении».

Еще одна досадная неувязка случилась в его в общем-то успешной практике. Сначала ничто не предвещало провала,

напротив, шло гладко. Уже был пройден момент «сын-самоубийца» и заказаны (еще не куплены) билеты на рейс в Италию. «Этого путешествия вместе я ждал многие годы!» Новая подруга пригласила его на свой день рождения, и Йосеф с удовольствием согласился, но, если можно, он придет в сопровождении любимой женщины, а за ней он закрепит один день в неделю, среда ей подходит? Бывшая жена, она его по-прежнему очень любит, он иногда поднимает трубочку, и как только она слышит его голос, сразу несется к нему, совсем сумасшедшая, такой она всегда была. Ее ведь все знают, милитантная особа — только и делает, что борется за мир! Есть еще одна женщина, она принимает его за плату, ну, когда ему очень нужно, за умеренную плату — исключительно порядочная женщина, ей чужого не надо. И есть одна...

Слез и истерики не последовало. Дама пришла в «свой» день, разложила какие-то выписки и открыла книгу «Сексуальные поведенческие модели» на английском, нацепила очки и прочла: «Недееспособный мужчина, тип поведения „Молодой Казанова“, испытывает навязчивую потребность в новых и новых романтических знакомствах, но избегает интимных отношений, широко рекламирует свои амурные победы, часто вымышленные. Сексуальное удовольствие получает от интриги. Пациент, вы никого не узнаете?» — «Нет». — «Ваш случай классический». — «Вы на что намекаете? Вы что думаете, если вы психолог...» — «Не волнуйтесь так, я хочу вам помочь». — «За что?» — «Импотент не всегда...» — «Вон отсюда!» — «...не всегда понимает, что с ним происходит...» — «Убирайтесь! Вон! Вон!»

У Йосефа Бар Меция остался пренеприятнейший осадок: какая гадость, наглость, клевета! Привыкла небось, что ее сразу в постель тащат, красивых отношений не понимает! А ведь как вначале клюнула на «кушеточку». Это я хорошо придумал:

«Мы переставим кушеточку вот сюда — так *нам* будет удобнее смотреть телевизор». Слава Богу, не перевелись еще женщины, которым нужны тепло и любовь. А «кушеточку» не мешает взять на вооружение — никаких обязательств и обмана никакого. Ведь не скажет же она потом: «Ты обещал передвинуть кушеточку, хи-хи».

Всего этого Сюзанна не знала. Она пришла на литературный вечер («Вытаскиваю себя из болота за волосы, как барон Мюнхгаузен», — говорила она), купила свежий номер журнала и подошла за автографом к одному из авторов. Им оказался Йосеф Бар Меция. Спросил об акценте. «Голландия, надо же, а вот он — шестое поколение в стране». — «Чувствуется, — заметила про себя Сюзанна. — Превосходный иврит и безобразно одет — подкладка пиджака неряшливо провисает, а под ним — линялая, мятая, порванная у шеи маечка. На вечер пришел все-таки... Сейчас он спросит, сколько лет я в Израиле». — «Сколько лет вы в Израиле?» — «Сейчас скажет, что я не смогу понять всех тонкостей его поэзии, потому что иврит — не мой родной язык». — «Вы знаете, жаль, что вы не сможете понять всех тонкостей моих стихов — ведь иврит не ваш родной язык». — «Сейчас он скажет, наверное, я очень скучаю по Голландии». — «Я хотел бы спросить... не разрешите ли вы мне проводить вас?» Карманы его брюк были нагружены книгами и ключами, и, когда он встал, брюки поехали вниз под тяжестью этих предметов. Сюзанна хихикнула в душе над раздутыми спадающими галифе своего нового кавалера и тотчас упрекнула себя в придиричivosti.

Всю дорогу они проговорили. Сильный запах цветущих цитрусовых деревьев, вызывающий аллергию у восприимчивых людей, мешал Сюзанне, она чихала и смущалась. Не прошло и получаса после того, как они расстались, как он позвонил,

и они проговорили несколько часов. «Это прекрасно, что вы — архитектор. Сегодня каждый-всякий — художник или поэт, архитектор — это специальность. Вы знаете, Сюзанна, нет, нет, имя Сарра вам совсем не подходит, я буду называть вас Сюз, вы разрешите, мне ведь теперь часто придется произносить ваше имя. Между поэзией и архитектурой так много общего, хорошие стихи — архитектурны, да, да, вот именно, построить строку, выстроить абзац. И все-таки, почему такая маленькая хрупкая женщина выбирает мужскую профессию? Потомственные „вольные каменщики“, масонская ложа? И отец, и дед, рассказывайте, прошу вас, это так интересно; конечно, знаю, их преследовали нацисты так же, как евреев. Сюз, милая, сколько у нас с вами общего. Где вы были, когда я был молод, где вы были все эти мои одинокие, эти долгие годы? Не говорите, что это не имеет значения, мой возраст. Ваш голос, нет, акцент придает прелесть вашей речи. Знаете, ваша яркая личность заявляет о себе и сквозь грамматические ошибки, и сквозь акцент».

На следующий день он позвонил ей и прочел новое стихотворение, написанное под впечатлением их встречи. В нем говорилось о любви — птице, которая залетела в его комнату и мечется, думает, что он хочет ее поймать. Но нет, он хочет ее отпустить. Йосеф чуть было не проболтался, что это стихотворение, переведенное на албанский, имело большой успех, но спохватился.

Они встречались часто, его интересовало абсолютно все в ее жизни, «что связано с вами, важно для меня». Сюзанна раскрывалась медленно, но он был настойчив, заботлив, терпелив, мягок. Они смеялись, взявшись за руки, гуляли по берегу моря. Вместе посещали Давида, и Йосеф даже купил ребенку игрушку — плюшевого слоника.

То, что прелюдия затягивалась, не беспокоило ее нисколько, но начало серьезно тревожить Йосефа. «Сегодня я решил сказать вам что-то очень важное для нас». Он был так взволнован,

что Сюзанна сочла бестактным смотреть ему в лицо, потупила глаза и замерла. «Очень для нас важное — мы с моей женой снова вместе!» Она подняла взгляд: Йосеф выглядел как школьник, которого застукали за онанированием под партой. Глаза слезились, рот кривила и размазывала ухмылка. Сюзанна застыла ошарашенная: это не было игрой — он наслаждался. Она повернулась, чтобы поскорей уйти, он больно схватил ее за запястье. «И еще, я врать не люблю, у меня роман на стороне». — «На чьей стороне?..»

Случай Сюзанны-Сарры не был исчерпан полностью и таил в себе еще некий нереализованный потенциал. «Сюз, милая, не кладите трубку. Какая жена? Мы с ней расстались, на этот раз окончательно. Роман? Ну зачем вы называете романом мимолетный флирт, надо быть снисходительней к людям, не так строго судить. Жена воспитывалась в кибуце, и когда приходили родители забирать своих детей из садика, она ко всем тянула руки, ко всем. Какой ужас, правда? Сын? Вы что-то путаете, Сюзанна, никакого сына у меня нет и не было. Есть две дочери, о каком сыне-самоубийце вы говорите? Господь с вами! Да, жена, своей больной матери она не подала стакан чаю (ее мать ужасно готовила, все сжигала!) и не открыла дверь. Их соседка, очень толстая несчастная женщина, — никаких других свидетельств несчастья соседки, кроме полноты, оратор не упомянул, — так вот, эта женщина подала больной стакан чаю. Поэзией не зарабатываешь на жизнь, у нас с женой есть несколько квартир, и это — источник дохода. Так вот, она сдала свою, а потом нашла других квартирантов, которые заплатили ей чуть больше, так она выставляла на улицу предыдущих. А ведь у нее огромная зарплата члена Кнессета, — его голос полнился гражданским пафосом, — сколько голодных можно было бы накормить, сколько жилья построить для неимущих, сколько оружия приобрести!» — «И вооружить им палестинцев!» — хотела вставить Сюзанна,

но, как всегда, промолчала. Затем Бар Меция попросил перевести статью о его творчестве на голландский, она не откажет, правда? Предложил заплатить, запнулся, извинился. «Но ведь вы согласитесь разделить со мной ужин в хорошем ресторане? Какую кухню вы предпочитаете? Нет, конечно, не мексиканскую, она для нас с вами слишком острая, итальянскую, ну вообще не обязательно спагетти, они замечательно готовят мясо с овощами, а ньоки, вы знаете, что это такое? Похоже на маленькие вареники, только вкуснее, нет, в Италии я не был, но мы поедем туда вместе, я завтра же закажу билеты, все расходы я, разумеется, беру на себя, Сюзанна, дайте мне привыкнуть к вам, я испытываю влечение к крупным брюнеткам, Кармен — мой тип, это не зависит от меня, дайте мне время».

Обсуждение меню предстоящего ужина заполняло теперь их разговоры. Ужин в ресторане как-то незаметно «сполз» в обед. «Прекрасная идея, почему бы не обед? Это так по-семейному». Ресторан был выбран китайский, его очень хвалили в пятничном газетном приложении. Цены там не малые, но, как считал корреспондент, они себя оправдывают. По будням можно заказать фирменные блюда по цене обычного ленча. Туда и направилась наша пара. «Посмотрите, открылась новая столовая, а я и не знал». Действительно, рядом со входом в китайский ресторан притулилась неказистая дверь и над ней на куске фанеры надпись от руки: «Хумус». Не успела Сюзанна воспротивиться, как они уже сидели за накрытым газетной бумагой столиком и перед каждым — пластмассовая тарелка протертой бобовой массы. Пиво кавалер заказал одно на двоих. «Слишком дорого для такого заведения — пиво я вам советую покупать в магазине — это дешевле». В углу у самого потолка был закреплен телевизор. Несколько мужчин и хозяин забегаловки в их числе навалились на столы, грузно вдавив в них локти и грудь, и жи-

во обсуждали транслируемый футбольный матч. За соседним столиком смуглая крашенная в блондинку пожилая женщина с мобильным телефоном громогласным шепотом, перекрывающим шум, рассказывала подруге: «Когда я увидела, что он сильно потеет, испугалась, ты ведь знаешь меня, когда я нервничаю, то начинаю икать. „Прекрати икать“, — требует он. Почему ты говоришь, что он был прав? Икать — это естественно, это облегчает. Я ему отвечаю, тебе, мол, что, потеть можно, а мне икать нельзя? И что ты думаешь? Смотрю — умер».

Йосеф быстро и жадно съел хумус, протер тарелку питой, не скрыл отрывку, откинулся на спинку стула и со знанием дела подробно принялся описывать воспаление в мочеточниках, которым он страдает еще с той поры, когда они с женой жили как семья. Одно присутствие злодейки провоцировало боли. Он посвятил Сюзанну в характер выделений, резей и перешел к методам лечения. Сюзанна больно выгнула шею и не спускала глаз с экрана телевизора, так тарелка хумуса оставалась вне поля ее зрения. «Я и не знал, что вы любите футбол, — вот как удачно мы сюда зашли».

Хозяин давно подсунул под пустую пивную бутылку счет на мятом клочке бумаги, а кавалер и не думал расплачиваться. Сюзанна в смущении достала кошелек. «Не стану возражать, вы хотите заплатить, я согласен, но только тогда за нас обоих, это такие гроши! Феминизм совсем испортил женщин — они все время доказывают свою самостоятельность. Но в дорогой ресторан подругу опасно приглашать — а вдруг она не намерена платить, это, скажу я вам, Сюз, очень опасно...»

Когда до нашей героини дошли слухи о том, что Бар Меция госпитализирован, Сюзанна поехала навестить его, хотя к тому времени они давно расстались и она знала — Йосеф был увле-

чен новой интригой. У входа в отделение толпились женщины, и она слышала часто повторявшееся имя Бар Меция. Сначала посетительницы настороженно поглядывали друг на друга, но довольно быстро разбились на группки, и в каждой оказалось осведомленное ядро. Злодейка уже находится внутри, так утверждали, и врачи разговаривают только с ней. Дамы сменялись, одни уходили, другие, новенькие, появлялись, завязывали знакомства, обменивались номерами телефонов, разговоры вертелись уже не только вокруг больного — обсуждались государственный бюджет, предстоящая война в Ираке и ночной теракт в поселении. Время от времени слышались раскаты смеха или чей-то неподобающе громкий для больничной обстановки голос. Энергичная особа, оказавшаяся журналисткой, прорвалась внутрь и через несколько минут вернулась, излучая осведомленность: будут впускать, но только по трое.

Йосеф лежал, подключенный к аппаратуре. Руки схвачены в запястьях и «прикованы» к кровати, две побулькивающие трубочки поднимались из ноздрей к вискам, как сальвадорские усы, и придавали ему лихаческий вид. Он следил за парадом, приоткрыв один глаз, на лице блудила знакомая Сюзанне улыбка. Когда она подошла и встала в ногах кровати, он едва скользнул по ней взглядом, и вдруг хрип ужаса огласил больничную палату — за спиной Сюзанны крупная брюнетка давилась рыданиями: «Как мой Арик, как мой покойный муж, вот и он так же!» Кармен прижимала к груди вазон с тропическим хищным цветком, она оттолкнула Сюзанну и ринулась к больному. Произошло замешательство, суета, забежали сестры, и обе женщины были немедленно выдворены вон.

Великие города обращены лицом к морю и горды этим, Тель-Авив — спиной. Когда бы Сюзанна ни бродила по городу, она мысленно реставрировала и приводила в порядок дома.

Было достаточно сохранившейся детали, балкона или входной двери, чтобы безошибочно определить стиль и вообразить дом в его первозданном виде. Все эти здания-калеки непрестижных приморских улиц, изуродованные, запущенные, обшарпанные, выстраивались в ее воображении в уютные проспекты. Сейчас это ее «хобби» показалось Сюзанне нелепым. В конце концов, именно в таком виде Тель-Авив являет собой пример эстетики безобразия, которой можно наслаждаться. «Я становлюсь израильтянкой...» Сюзанна шла по бульвару Бен-Цион к морю. «Какой холодный март в этом году». Она в который раз подивилась тому, что улица не спускается, а поднимается к морю, и значит, эта часть города должна быть затопленной, но нет, этого не происходит. С самого утра Сюзанна чувствовала сильную радость — вечером она увидит сына. Первое время мальчик дичился, кричал: «Уходи, уходи, шлюха!» — и царапал ее лицо, игрушки и книжки вырывал у нее из рук и убегал с ними. Но теперь он стал мягче и позволяет даже обнять себя. Рыжие пейсы, смуглое личико, все говорят — прямо царь Давид.

БЕС В РЕБРО

Известие о беспорядках и уличных кровопролитиях в Кении в связи с фальсификацией результатов парламентских выборов подбросило израильского художника Коби Эльдада как на трамплине. Приземлившись, Коби забегал по мастерской, не находя себе места. Ящики с тщательно упакованными портретами членов кенийского парламента, отправленные художником три месяца назад на адрес африканского филиала берлинской галереи Арт Диллер, должны были вот-вот прибыть в Найроби, и может быть, уже прибыли.

Грандиозное по замыслу и исполнению предприятие по возмещению материальных убытков, нанесенных Эльдаду романом с молоденькой красавицей из бедняцкого района Найроби, было под угрозой срыва. Идея создать портреты членов кенийского парламента и продать каждому из них его собственное изображение за пять тысяч долларов пришла ему в голову во время одной из поездок к возлюбленной. Наладить личный контакт с портретируемыми и обойтись без посредников оказалось невозможным. Галерея Арт Диллер затребовала треть от суммы сделки за посредничество, восемь тысяч долларов за рекламу вне зависимости от результатов дела и предоставила художнику по его просьбе фотографии всех членов парламента за дополнительное денежное вознаграждение.

Коби попытался подключить к своему проекту отдел по культурным связям с заграницей израильского МИДа, но не был понят. Кения, ответили ему, проголосовала против Израиля на последнем заседании ООН, и мы не понимаем, каким об-

разом портреты кенийских парламентариев могут способствовать, как вы утверждаете, сближению между нашими странами и кто, кроме вас, в таком сближении вообще заинтересован. Эльдада покорила глухота чиновников к искусству, но впереди маячила серьезная прибыль, и неудача не погасила его энтузиазма. Контейнеры с портретами пришлось отправить морем и сэкономить на страховке. Ведь сегодня суда не тонут, так что риск не велик, правда?

Приступая к работе, художник знал, чего хочет: портреты будут написаны сухой кистью в духе портретов советских вождей. Такие носили на первомайских и октябрьских демонстрациях вместе с лозунгами и транспарантами. Эти вещи сегодня продаются на аукционах Сотбис за большие деньги, и эксперты устанавливают их подлинность. Ушла эпоха, а портреты марков-брежневых, как ни крути, определяли ее суть и стиль. Друзья порекомендовали дешевого «русского», специалиста по вождям, но тот успел зазнаться и требовал аванса до начала работы и полной суммы в пятьсот долларов за каждый портрет по окончании. Аванс он получил. Два самых важных портрета, президента и главы оппозиции, удались «русскому» на славу, ну прямо как живые, над остальными Коби Эльдаду пришлось корпеть самому.

Создавая галерею образов лидеров кенийского народа (политологи считают, что никакого кенийского народа нет и никогда не было, есть враждующие африканские племена, искусственно объединенные в государство-конгломерат), Коби ощутил неподдельный творческий экстаз. Он упивался примерами таких великих придворных живописцев, как Веласкес и Гойя, обложил себя альбомами Домье, в свое время вылепившего тридцать шесть гротескных скульптурных портретов-миниатюр по числу членов французского парламента. Приобрел у букиниста «Торжественное заседание Государственного Совета» Репина.

Не была забыта «Равенская мозаика», где непревзойденный анонимный мастер запечатлел императрицу Феодору со свитой. Художник достал где-то большую репродукцию «Коронации Наполеона» Жака Луи Давида и повесил ее у себя в мастерской. Ничего не помогло. Парламентарии получились все на одно лицо. Хоть криминалиста и близкую родню зови для опознания. Не помогали ни позументы, ни регалии, ни погоны, у каждого свои. Сдержанная и официозная сухая кисть была давно похерена и в ход пошел нервный пастозный мазок Ван Гога — все напрасно. Делать нечего, пришлось снова приглашать «русского». Тот долго курил, ворчал, слонялся по помещению, разглядывал холсты, поскреб записанное полотно ногтем, полистал Репина, затребовал водки, выпив, источал отвратительный запах, склабился щербатым ртом, потом собрался и несколькими ударами кисти придал каждому портрету требуемое сходство. Его визит утомял Коби, и он раздраженно захлопнул за гостем дверь, пообещав ему сто долларов.

Что за люди? С такими зубами и с таким ивритом ты же, дорогой, тянешь на асоциального типа. Сам ничего не стоишь, кто же тебе заплатит за твою работу? Ты что, этого не понимаешь? Черта с два не понимаешь, все ты прекрасно понимаешь: без зубов тебе легче выпрашивать пособия. Я — плати налоги, а ты — получай пособия! Хорошо хоть на этот раз он не стал делиться со мной своими первыми впечатлениями от Израиля. «Вышел я, в Тель-Авиве на улицу и чуть в собачье дерьмо не наступил. Смотрю, всюду на тротуаре кучки собачьего дерьма. Куда я приехал? Это не важно, Сергей, говорю я себе. Важно другое — важно найти в себе еврея». Почему он по делу звонит в субботу и в Йом Кипур? Это так он ищет в себе еврея? Хорошо еще, я не пощусь в Йом Кипур, а если бы постился? Каково это человеку на голодный желудок слышать, что он должен деньги?

Хуже арабов! Араб, он хоть свое место знает, а этот: «познакомь меня с богатой израильянкой», тьфу ты! Да будь у меня на примете богатая израильянка, я бы ее для себя приберег.

Для Коби и его коллег перепоручать работу «русским» было делом обычным. Несколько изящных скульптурных композиций, выполненных бывшим киевским анималистом по заказу приятеля Коби Надава, были выставлены в Музее Тель-Авива и вошли в музейные каталоги под именем Надава. Удачное сотрудничество на этом не кончилось. Надав: «Я скупил у него оптом работы, привезенные из России, и выставил их в галерее Миннет. Почему под его именем? Под моим. Мне очень удалось эти вещи. Любое арт-действие можно представить как концептуальный процесс. Акт покупки, акт экспозиции в корне меняют природу этих в сущности не простых скульптур. В свете теорий постмодернизма не тот художник, кто исполняет, а тот, кто инициирует произведение. Мы живем в эпоху, где нет плагиата — есть цитаты без кавычек».

Надав ведет курс творческого мышления в художественном колледже Ха-Мидраша. Начинал он как художник протеста — копировал на огромных холстах рисунки из палестинских книжек для детей: израильского солдата, отнимающего игрушку у арабского ребенка, того же солдата, разнесенного в клочья игрушкой, начиненной взрывчаткой. Критика приветствовала эти работы за их неоднозначность. «Сочувствует ли художник солдату-оккупанту или осуждает его и одобряет справедливую расправу над ним?» — писала газета левых интеллектуалов Ха-Арец. Подули иные политические ветра, и стало модно осуждать солдата-оккупанта, а Надав, похоже сам того не осознав, превратился из художника протеста в придворного художника. Не он один обменял первородство бунтаря на чечевичную похлебку лакея. Целая плеяда молодых бунтарей претерпела эту

весьма благодатную для кармана метаморфозу. За границей полюбился новый тип пропалестински настроенной израильской творческой интеллигенции. Режиссеры, писатели, художники с готовностью бросились поставлять востребованный и хорошо оплачиваемый товар.

Занятия Надава со студентами походят на дрессировку цирковых зверей. «Гоп, и ты запрыгнул внутрь! Ты состоялся! А не запрыгнешь сейчас, может быть, никогда не запрыгнешь. Гоп, и ты внутри! Вот он, вчера он был среди нас, а сегодня он «внутри» и его выставляют на бьеннале в Каселе». Кроме сеансов дрессировки курс состоит из раздачи полезных советов и нужных адресов.

В колледже был такой случай: старшекурсник заказал свою дипломную работу первокурснику. Работа получила приз Музея Герцлии, затем — первое место на интернациональном конкурсе в Амстердаме, и это открыло дипломнику зеленую дорогу в современное искусство. Сегодня его выставляют в крупных музеях мира, и работы ему продолжает делать все тот же студент, которого все зовут «первокурсником», хотя он уже закончил славное учебное заведение Ха-Мидраша. Жаль парня, совсем сошел с рельсов — наркотики, депрессия, попытка самоубийства. Такой талантливый... Кто талантливый? Конечно, тот, кто сделал блестящую карьеру. А вы думали — неудачник? Все педагоги знают про этот случай, и когда Мириам Гамбурд, которая тоже там преподает, сказала на заседании дипломной комиссии, что считает случай неэтичным для учебного заведения, над ней так потешались, и поделом. После заседания (с ее слов) коллеги подходили позать ей руку за смелость, но я что-то таких не заметил.

Фигуры у здания биржи видели? Их лепил бывший москвич. Его имени как никто не знал, так и не знает, потому что это произведение знаменитого израильского скульптора Офера Кабу-

ди. Список можно продолжить. Коби Эльдад не причислял себя к подобным ловкачам.

«Тружусь как осел и, знаешь, набил руку, — делился он с приятелем, — день — и пять тысяч долларов, еще день — и еще пять тысяч! И все ради моей любви к ней. Спрашиваешь, где она меня подцепила? Пришла к нам убирать квартиру, а потом исчезла. Я знал, что она здесь, в Израиле, нелегалка, так вот, ее живо арестовали с дальнейшей депортацией обратно в Кению. Я бегал в тюрьму с передачами и делал все, что мог, чтобы ее выпустили, — черта с два. У моего отца друзья в верхах, старая гвардия, а у мамы все подруги в разных общественных правоохранительных организациях. Отец вмешаться отказался, он меня все время попрекает, что я транжирю семейные сбережения, а мама сказала, что никогда не видела мальчика, меня то есть, таким влюбленным, и села обзванивать подруг — не сработало. Рейчел отослала домой без права снова здесь появляться. Я — за ней в Найроби. Билет — тысяча семьсот долларов на три платежа без процентов, на пять — с процентами. Гостиница — еще две тысячи долларов. Страна нищая, но для туристов все втридорога. Остановиться у нее? Нельзя, не принято, чтобы у незамужней женщины останавливался посторонний мужчина. Но даже если бы можно — ни электричества, ни туалета. Какая там горячая вода? — лачуга из фанеры. Как в такой нищете могла вырасти красавица? Мордашка очаровательная, не черная, а молочного шоколада, фигурка манекенщицы, ноги подкачали немного — совсем палки, хотя это модно сегодня. Но даже с такими ногами она выдоила из меня немало денег. Ее мать ей насоветовала, пусть, дескать, тратит на тебя как можно больше. Когда мужчина вкладывает деньги в женщину, он начинает ощущать ее своей собственностью. Он же не захочет, чтобы его копилка досталась другому.

Я в нее много вложил. А вот молоденькие израильтянки такой красоты, как правило, не интересуются разведенными мужчинами моего возраста. Израильтянки очень прагматичны и знают себе цену. Они вообще знают точную цену всем и вся. За свои деньги я получил неплохой товар. То, что она негритянка из бедной страны и сама бедна как церковная мышь, кстати, она убежденная протестантка, значительно повысило мои шансы и определило ей цену, но я все-таки переплатил, и это досадно. Бедная, ясное дело, но хоть долгов у нее нет — кто ей даст! Ее на порог банка не пустят. Иная израильтянка из приличной семьи может быть обвешана долгами как гирями, мало не покажется. С такой быстро ко дну пойдешь. Надо быть очень осторожным.

Я купил ей две коровы, чтобы было молоко — для семьи и на продажу. Оказывается, у них количество коров определяет общественный статус женщины. Одна корова родила теленка, вернее телочку, и с ней все в порядке. Рейчел тоже хочет от меня ребенка, девочку. А вторая корова дает очень мало молока. Визит ветеринара — пятьдесят долларов. Снова я плати. Чем меньше молока, тем больше денег я ей посылаю, но сколько бы я ей ни посылал, она шлет мне эсэмэски „голодна“. Эта прорва, ее родня, сжирает все мои деньги.

Во время моего первого визита в Кению она была со мной очень жесткой. Взяла и уехала на неделю к больному отцу в деревню. Я пригрозил ей: не оставляй меня одного, всякое может случиться. А она — отец болен, это долг. Я — твой долг, говорю. Не послушалась. Остался я один, спустился в бар, там меня склеила негритяночка-проститутка, совсем девочка. У нее дочка пяти лет, негодяй голландец заделал ей ребенка, а сам смылся. Я провел с ней ночь. Такая трогательная, ну прямо хорошая еврейская душа. Всего три слова по-английски знает, а всю свою жизнь рассказала. Она брала за ночь десять долларов, просто

оказия! А за пять ночей предлагала ночь бесплатно — очень выгодно. В общем, как не сэкономить, ты меня понимаешь? Она так ко мне привязалась, рассказала мне о своем брате, мальчик хочет учиться, но год обучения стоит триста долларов. Я дал ей эти деньги. В конце концов, если бы я здесь дома провел с проституткой столько времени, это стоило бы дороже. Так что я не прогадал. С тех пор она меня любит. Я посылаю ей деньги и, когда бываю в Кении, встречаюсь с ней. Ты думаешь, она вымогательница или любящая душа? И то и другое, говоришь. Идиотизм требовать от нее бескорыстия? Почему? Я ищу любви, я не хочу, чтобы меня любили из-за денег, тем более, что у меня их нет. Хорошо еще, что в кенийском парламенте двести двадцать членов, но сейчас эти беспорядки. Подавить мятеж! Почему армия бездействует?! Нет, Рейчел ничего об этой, как ты говоришь, интриге не знает. Убьет соперницу? Ерунда. Такое бывает только в кино.

Сначала Рейчел не верила, что я хочу на ней жениться. Когда я позвонил ей и сообщил, что развелся, она была так счастлива, сказала, что хочет венчание в церкви. Я не могу в церкви, я — еврей. „А что такое «еврей»?“ — спрашивает. „Ты же христианка, твой бог Иисус Христос — еврей“. — „Мне об этом никто не говорил, — отвечает, — мне говорили, что евреи его распяли“. Тогда я рассказал ей о кровавом навете и о страданиях еврейского народа. „Этих людей, конечно, очень жаль, но почему из-за них мы не можем венчаться? Венчание — это так красиво, я об этом мечтала, я думала, ты израильтянин, а ты оказался евреем“. В моем случае, говорю, это одно и то же. „Ты просто все время не хочешь того, чего хочу я“.

Брак мы зарегистрировали в мэрии, здесь я не уступил, но свадьбу пришлось сыграть как она хотела. Не только всю ее родную деревню пришлось кормить, из соседних деревень набежала

прорва. Одного риса — на триста долларов, овощей там всяких гору. Корову она купила на оптовом рынке крупного рогатого скота где-то в провинции. Корова шла на свадьбу два дня, чтобы быть съеденной. Оказалась очень вкусной. О том, чтобы свою корову, ну, ту, которую я ей купил и которая все равно не дает молока, зарезать и сэкономить на этом, не было и речи. Я, дескать, скупой и посягаю на ее статус. Три бочки чанги прикатили за мои деньги, одной мало. Чанга — это что-то вроде самогона из кукурузы и сахара, только крепче, гадость страшная, в рот нельзя взять. Видел бы ты приготовления к свадьбе — этнографический фильм, да и только! Стопы и ладони Рейчел разрисовали терракотой. И ты знаешь, что я тебе скажу, — мне было очень кайфово! Вот оно, счастье, а я мог его никогда в жизни не узнать. Я — прямо Ротшильд, со всех сторон почет и уважение и красotka-невеста льнет ко мне. Ни незнакомой близкой родни, ни троюродных теток, с их истеричными еврейскими чувствами и пожеланиями, ни тебе обязательных четвертей курицы на каждого гостя. Правда, „жирных“ чеков в конвертиках тоже нет. Музыканты играли за харчи. Так старались, что даже без усилителей далеко было слышно. Свадьба обошлась мне по цене вечеринки с друзьями где-нибудь в ресторане в Тель-Авивском порту. Очень рекомендую негритянок. Могу познакомить с девственницей под гарантию. Нет, нет, не собираюсь я открывать брачную контору — хлопотно, я вот жду известий, как там приплыли мои картины в порт Момбаса, а оттуда еще по суше через всю страну — в Найроби. Эти выборы сильно спутали мои карты, оппозиция меня подвела — выборы, дескать, сфальсифицированы. А я считаю, что нет! Менять состав парламента?! А куда я дену портреты бывших членов парламента? Ну, введите в парламент новых людей, я согласен написать их портреты. Вчера приходил „русский“, интересовался насчет работы. То,

что выбрали президентом Мваи Кобаки второй раз, — это замечательно. Он, пустили слухи, ставленник Америки. Какая мне разница, чей он ставленник, раз его портрет очень здорово вышел. Кобаки обязательно его купит. Убит Дэвид Тото, член парламента от оппозиции, застрелен, передавали, в Эльдорете на западе страны. Я заготовил портреты нескольких оппозиционеров, но его — не успел, так что не велика потеря. Заготовил, конечно, портрет главы оппозиции Райлы Одингга, он — очень амбициозный политик. Обязательно купит. Его портрет я хотел бы оставить у себя как лучший, я поднялся в нем до уровня настоящего искусства, но мне это не по карману.

Ты только послушай, как я намучался после свадьбы. Вернулся я один полтора года назад и по сей день добиваюсь разрешения израильских властей на въезд в страну моей жены. Вы, говорите мне в Министерстве внутренних дел, привезете ее, а потом она будет на вас работать. Ваш брак фиктивный — и все тут. Вы все декларируете законный брак, а потом эксплуатируете этих женщин. Мы этот сценарий наизусть изучили. Мы с этим боремся. Она — человек, несмотря на то, что черная. Вам предстоит отдавать долги, вы взяли несколько банковских ссуд. Вот она и будет на вас работать за то, что вы устроили ей въезд в Израиль. На нее заведено дело в полиции, она была выдворена отсюда без права въезда в страну. Такие платят за брак больше обычного. За сколько вы на ней женились? По любви? Сексуальные услуги иногда входят в сделки такого рода. Это нам известно. Вы вот тут написали, что в случае развода она отказывается от любых претензий к вам: претензий на вашу недвижимость, на алименты, если родятся дети. Вот это как раз и говорит о фиктивном браке. Брак с израильянином стоит от трех до пяти тысяч долларов. Несколько лет она отработывает долг и расплачивается с „мужем“. С чего вы живете? Вы называете себя сво-

бодным художником. Нет такой профессии. Слышали о статье „торговля живым товаром“? Правильно, проституции в Израиле нет, но налоги с нее поступают огромные, а стране нужны деньги, страна воюет. Не горячитесь, не горячитесь, никто не делает из вас сутенера, никто вас не оскорбляет. Мы не хуже вас знаем, что африканки зарабатывают уборкой помещений и проституцией, как правило, не занимаются. Там в основном русские, украинки, молдаванки. Мы думаем, что нам сойдет с рук то, как мы с ними обращаемся? Мы не задумываемся о том, что они вернутся домой яркими антисемитками, и по праву! Мы ведем себя так, будто Бог нас не видит.

Что касается филиппинок, то они — по уходу за стариками. Самая грязная работа им нипочем: моют задницы, подтирают блевотину, и счастливы, что хорошо устроились. Как только подопечный умирает, их немедленно вышвыривают из страны — таков закон. Поэтому они очень старательно за стариками ходят, иногда продлевают им жизнь на много лет, чудеса гериатрии творят, безнадежных с того света возвращают — только бы подольше здесь остаться. Им хорошо платят. Хотите анекдот? Собираются девяностолетние на встречу одноклассников. Каждого привозит в инвалидной коляске его филиппинец или филиппинка. Один старик говорит другому: слушай, я что-то не припомню, чтобы в нашем классе училось так много филиппинцев. Ха, ха, здорово! Почему вы не смеетесь?

Она тоже там в Кении добивается выезда. Каждый шаг — взятка. А они хотят, чтобы я смеялся! Каждый документ — пятьдесят долларов и будет готов через две недели, хотите получить его на месте — с вас еще пятьдесят долларов. Сколько денег она из меня этими взятками вытащила, как я могу проверить, что пошло на взятки, а что ее родня, прорва ненасытная, сожрала? Сколько она из меня выдоила! Я тебе коров купил — их дои! На

мне ссуды, на мне алименты, на мне пластинка для выпрямления зубов для дочки за две тысячи долларов на семь платежей. Моя квартира осталась бывшей жене, сам живу в мастерской, машина тоже ей осталась, дети — тоже ей, и еще она выклянчила двадцать тысяч долларов единовременным платежом. А почему, ты думаешь, она согласилась на развод? Но я не испытываю к ней влечения, а с тех пор, как она отпустила седую прядь, прямо с души воротит. В мастерской — это временно. Я наследую две квартиры в центре Тель-Авива, они пока еще не мои, эти квартиры. Родители живы, слава Богу, а недвижимость — самая надежная инвестиция. Со времен провозглашения государства квартиры только и знают, что расти в цене. На пороховой бочке сидим, а они себе растут, так что родители пусть будут здоровы. Потому что нет у человека никого ближе родителей».

Контейнеры с портретами, отправленные Коби Эльдадом, благополучно прибыли в Найроби в тот момент, когда, как сообщали СМИ, «волна насилия захлестнула страну». Вышло так, что второй по численности в Кении этнос луо, представляемый оппозицией, не получил мест в парламенте и оказался отстраненным от управления страной (президент США Барак Обама тоже луо, но это просто к слову). Власть захватил этнос кикуйю, что означает «многочисленные». Западные провинции заселены в основном луо, которые, требуя соблюдения демократических норм, принялись расправляться с кикуйю, изгонять их из домов, угонять скот. В Эльдорете кикуйю собрали около ста детей и женщин в христианской церкви — там, им казалось, они будут вне опасности. Луо сожгли церковь вместе с детьми.

Толпа возмущенных кикуйю выглядит так, как будто она разграбила богатый этнографический музей. Люди вооружены граблями, топорами, орнаментированными предметами не-

известного назначения, деревянными мечами, заостренными палками, ножками столов с гвоздями и... инструментами для обрезания. Кикуйю практикуют обрезание, но здесь они применили его как изощренную казнь. Десятки луо были насильно обрезаны, а точнее — кастрированы, и скончались от потери крови. В провинции сторонники оппозиции применяют лук и отравленные стрелы. Раненые валяются на обочине дорог и на городских тротуарах, стонут, истекают кровью. Никто не оказывает им помощи. Телекамера скользит по лицам и телам несчастных: молодой негр с перерубленной топором ногой, женщина пытается оттащить с дороги в сторону труп мужа, мальчик лет семи плачет возле раненой матери и зовет на помощь, какие-то люди проходят мимо них обыденным шагом. Эти кадры жестоки и завораживают — глаз не оторвать от экрана. На срочном заседании ООН говорят об опасности геноцида и гуманитарной катастрофы в Кении...

Первый контейнер распечатал для таможенного досмотра один из луо. Он кипел гневом, жаждой племенной мести. Убийство члена парламента от оппозиции Дэвида Тото в Эльдорете и кровавая расправа с законодателем-оппозиционером Мугабе Уэром спровоцировали волнения в бедняцких районах Найроби, и он видел себя среди повстанцев. Гнев душил его, руки чесались, и только долг перед многочисленной семьей, живущей на его жалованье, удерживал таможенника на нестерпимо скучной сейчас работе. Луо ослабил гайки, оттянул на себя крышку ящика и остолбенел — из темного нутра на него в упор смотрел ненавистный президент Мваи Кобаки. Лицо президента на полотне размером два метра на метр восемьдесят, тщательно прописанное маслом, лоснилось и совершенно живые глаза смотрели высокомерно. «Вот ты где скрываешься, ставленник! Тебя ищут повсюду, говорят, ты удрал в Штаты, а ты здесь!» Обал-

девший луо кинулся на президента и стал дырявить и кромсать его отверткой, потом бить молотком по лицу. Искалеченный лик врага — последнее, что он видел в жизни. Удар тупым предметом по затылку — и луо завалился вперед в продырявленные останки Мваи Кобаки. Набежавшие отволокли его в сторону и тотчас забыли о нем. Несколько кикуйю вытащили на свет божий поврежденный лик мученика, исколотого, как святой Себастьян стрелами, и вслед за поруганным президентом из ящика вылезла наглая физиономия ненавистного главы оппозиции Райлы Одингга. Кикуйю было много, и они в мгновение ока искромсали его в лохмотья. Один яростный сторонник вновь избранного президента и ненавистник его соперника оторвал лоскут холста с мясистыми губами лидера оппозиции и прикладывал его к своему заду, сопровождая действие звуками поцелуев и другими не столь невинными звуками, другой плевал оппозиционеру в вырванный глаз, третьему кикуйю досталось только ухо, зато с большим куском фона в придачу. Он оттащил ухо за ангар, чтобы не мешали, и старательно вбивал в него кол. Тем временем группа таможенников тащила куда-то другой запечатанный ящик, отстреливаясь на ходу. Ящиков было много, и в каждом, прижатые лицом к затылку впереди упакованного, стояли члены коалиции впритирку с членами оппозиции.

Когда подоспела новая массовка, поле боя представляло собой мешанину из кусков холста, переломанных деревянных подрамников и свежих трупов. Фрагменты лиц членов кенийского парламента были запятнаны кровью и вывалены в грязь.

Подоспевшие состояли из кикуйю, и им повезло. В следующем ящике они обнаружили сплошь своих людей, кроме убитого накануне законодателя Мугабе Уэра. Несчастному пришлось погибнуть вторично. Кикуйю подняли спасенные портреты над головами и понесли их, как носили когда-то портреты руково-

дителей партии и правительства на советской демонстрации. Шествие ширилось, в него вливались новые люди, колонна наполнилась, и над ней плыли лики народных избранников, а впереди всех — побывавший в бою, истерзанный, но живой лик вновь избранного законного президента. Осаждаемые бедняцким мятежным элементом из трущоб Кибера, кикуюю прошли под барабанный бой по всей столице, оставляя убитых по сторонам шествия. День вошел в историю Кении как «День большого перелома». Страсти, достигнув апогея, пошли на спад.

Конфликт помог уладить прибывший в Найроби бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Он способствовал формированию нового кабинета министров, в котором пост премьера достался Райле Одингга, а пост президента был закреплен за Мваи Кобаки. Аннан убедил Одингга отказаться от демонстраций и перенести прения в парламент.

Ни одного портрета ни на следующий день, ни вообще когда-либо найдено не было. Работники Галереи Арт Диллер за грузом, отправленным из Израиля на ее адрес, не явились и никаких претензий не предъявили. Вместе с портретами исчез депутат парламента Кихара Мванги. Ходят слухи, что его похитила секта Мунгики, которая сдирает с пленников кожу.

В районе отелей, где останавливаются туристы, был найден труп молодой женщины. Одни говорили, что это проститутка и у нее дочь от голландца, другие — что это не дочь, а младшая сестра, но все сходились в том, что она принадлежала к племени камба, которое не имело кандидата в парламенте и в беспорядках участия не принимало.

Кения не успела еще сойти с первых газетных полос, как мировая пресса забыла о заживо сожженных детях и заговорила об убытках в миллиард долларов, нанесенных туризму и знаменитому кенийскому экспорту живых цветов.

В природном Парке Озеро Накуру появился на свет детеныш черного носорога. Это исчезающий редкий вид носорогов. Новорожденный получил кличку «Кофи Аннан» в благодарность бывшему генсекретарю ООН за помощь в разрешении острого политического конфликта.

Матерый колдун из Момбасы призвал мародеров вернуть награбленное и пригрозил ослушникам смертью — и действительно, у грабителей сразу начались проблемы со здоровьем. Так что появилась надежда, что портреты отыщутся. Обязательно отыщутся!

Айн пнИМИТ¹

Центр Иерусалима был оцеплен — только что произошел теракт. Автобус теперь пойдет петлять по еврейским религиозным кварталам, обогнет Старый город и мусульманские анклавы и только потом выползет на самое высокое в городе место — Хар ха-Цофим, где расположены университет и Академия художеств «Бецалель». Профессор нервничал, он опаздывал на лекцию. Оставалось взять такси, но и здесь сложности, не каждый шофер согласится «туда» ехать. Настаивать не принято, да и бесполезно. «Если господин хочет рисковать — его дело, но мне там искать нечего». В долине при въезде на территорию Академии залегла враждебная деревня, крайние ее дома подползают к дороге на расстояние снайперского выстрела, так что можно схлопотать пулю или камень в ветровое стекло, в последнее время эти случаи участились. Но профессору везет, таксист кивает головой в знак согласия. В машине заходится криком радио: теракт взорвал шлюзы политической риторики, и теперь эти мутные воды будут бурлить и пениться в свое удовольствие.

Панорама за окном разворачивается по восходящей спирали: массивный золоченый купол Кипат ха-Села — пуп раздора — на повернутой затылком к Еврейскому университету Храмовой горе, виток — и становятся видны горы Моава и запавшее в низине меж лунных сопок и соляных столбов Мертвое море.

При въезде на территорию Академии патруль проверяет багажник, заглядывает в лица. Арабская деревня справа под

¹ Внутреннее зрение (*иврит*).

откосом кажется необитаемой. Черные проемы окон, чахлые кустики. С чего бы это? Соседний холм с четко очерченной монументальной башней Августы-Виктории на вершине зелен и свеж по-зимнему. В долине солнце выхватывает лишь одну стену каждого дома, остальные растушеваны тенью. Беленные солнцем стены стоят как кладбищенские надгробья, развернутые под одним углом. Уж не вымерли ли жители в самом деле?

Пассажиры, зазевавшись было на библейский пейзаж, спохватываются и, расплатившись, как в ледяную воду, ныряют в просушенный знойным хамсином воздух. Такси исчезает из виду, прежде чем он успевает укрыться в безопасном портале Академии.

«Ба, да вся деревня — она здесь!» Конечно, ему ведь говорили, весь наш обслуживающий персонал — из соседней деревни. Есть электрик Джихад, он и восемь его старших братьев трудятся в «Бецалеле». Джихад любит работать с обнаженной моделью — там, где позирует натурщица, всегда неполадки с электричеством, и тогда он — тут как тут. Есть завхоз Арафат. «Ключи у Арафата, Арафат починит, Арафат выдаст, договоритесь с Арафатом, он подпишет...» С этим Арафатом, очевидно, можно договориться.

Профессор спешит в буфет записаться бутылкой минеральной воды. Нервничая, нажимает в лифте не на ту кнопку и оказывается в кухне. Под его ногами — груда фаянсовых осколков. Молодой араб в ярости колотит посуду. Хватает тарелку и швыряет ее об пол. Рядом с ним стоит напарник — в руке крупный кухонный нож-тесак.

Доктор философии подергал ручку у себя за спиной, увы, лифт ушел, и услышал свой сильно помолодевший голос. Так, в бытность учителем средней школы, он журил расшалившихся учеников: «А ну-ка, ребята, наигрались и будет, а сейчас дайте пройти!» Расступились — прошел. За перегородкой в кафе —

гомон, суэта, раскаты смеха, сигаретный дым, какая-то громкая музыка, запах недорогой университетской еды.

Зал, где молодежь собралась на лекцию, был полон и бурлил.

— Самовольная расправа, линч! — один из студентов ораторствовал со сцены. — Полицейский выстрелил в террориста, а не взял его живым, чтобы можно было предать того суду. Если бы суд признал палестинца виновным, я был бы рад полюбоваться, как он корчится на электрическом стуле, а так — он убит незаконно!

— Офир! — попытлся перекричать говорящего студент из зала, — ты не в Америке, у нас нет электрического стула. Ты что предлагаешь, чтобы террористов казнили? Не ожидал я от тебя такой негуманности!

Профессор остановился в дверях, в одной руке — пластмассовый стаканчик с кофе, в другой — бутылка минеральной воды, на плече — сумка с книгами. Он подумал, что кто-то из присутствующих возразит, мол, террорист успел расстрелять и ранить несколько десятков человек, и если бы полицейский не уложил его, тот успешно продолжал бы свое дело. Но нет, никто не возразил.

Лектор (его пригласили в качестве гостевого профессора) поднялся на невысокую сцену, сел к столу, зачерпнул белой пластмассовой ложечкой кофе, судорожно глотнул, передернулся отвращением, отвинтил крышечку бутылки, жадно отпил треть, закрутил крышечку, издал горестное дребезжащее «э-э-э» и забылся.

— Бог умер! — профессор взвился под потолок, как сказочный джинн, и грузно сел на стул, — это не я сказал, это — Ницше.

Вторая из трех его лекций (он только что опубликовал свою новую книгу «Исторические и философские предпосылки концептуального искусства») началась, и слушатели устраивались

покомфортней. Одни развернули принесенные из дома бутерброды, другие сняли обувь и закинули ноги на спинки передних кресел, третьи — не снимая обуви — прямо на свободные сиденья.

— Гегель считал... выключите телефоны, пожалуйста.

Мобильные аппараты требовательно названивали в ритме позывных несколько мелодий одновременно: вступительные аккорды Первого концерта Чайковского, Марш тореадора и хасидскую песню.

— Гегель считал, что искусство, утратив связь с религией, лишилось питавшего его религиозного источника духовности...

— Я не могу выключить телефон, господин, мне должны позвонить из гаража, моя машина уже два дня там торчит, безобразия!

— ...духовности и стало совершенно ненужным, так как выполнило до конца свою высокую миссию.

— Мне не удалось дозвониться домой, и родители ищут меня, конечно, по больницам и в морге. Я ведь всегда жду автобуса на той остановке, где борец за свободу палестинского народа открыл огонь и погиб как герой. Так что телефон я выключать не стану!

— Искусство, попросту говоря, кончилось, во всяком случае, тот вид человеческой деятельности, который именуется пластическим искусством. Джозеф Бойс утверждал, и это большое откровение, я хотел бы процитировать по тексту...

— Джозеф Бойс был нацистским летчиком, — реплика из зала.

— За что мы его и любим, — ответная реплика.

Смех заглушил голоса и телефонные трели.

— Потом, молодой человек. Запишите ваш вопрос и задайте его по окончании лекции. Я постараюсь ответить.

— Это не вопрос. Бойс был сбит над Крымом, его полумертвого нашли в снегу татары, пособничавшие немцам, и отходили войлоком и теплым воском. Эти материалы он сакрализовал в своем творчестве.

— Верно, верно, так вот, смысл бойсовского откровения таков: искусство еще не родилось. Мы оказались свидетелями пустоты, досужих игр, украшательства. Вот здесь, я отметил для вас, — лектор вытащил закладку и полистал книгу. Его внимание привлекло что-то интересное и он углубился в чтение, время от времени подавая голос: «Надо же, именно так я и предполагал...»

Сначала он намеревался поделиться открытием со студентами, но порыв этот глож в зародыше, будто гость боялся утратить мысль, которую прежде безуспешно искал, а вот сейчас она сама просится в руки, замечательно логически выстраивается, и было бы непростительно ее упустить. Он раскрыл несколько книг и пробежал глазами тексты, бросая интригующие взгляды в ряды слушателей, мол, вот-вот изумлю вас. Затем так далеко забрел в своих умозаключениях, что посвящать в них посторонним уже не представлялось возможным, и он потерял интерес к аудитории. Профессор гладил свою длинную старческую бороду, струил ее в кулаке, скреб по-мальчишески бритый затылок и накручивал пейсы на палец. Студенты и телефоны не выказывали признаков нетерпения и молча ждали, когда гость выскажется. Наконец, он пробубнил себе под нос:

— Вот ведь как, обретя независимость от религии, искусство начинает свой стремительный путь к полной деградации — оно слепнет.

Мобильные аппараты проснулись и разом заголосили на все лады.

— Я прошу выключить телефоны или покинуть зал!

— Ни за что не выйду! Учитель, мне очень нравятся твои лекции, — студентка, обняв обеими руками огромный противень, покрытый металлической фольгой, взбиралась на сцену. — Послушай, моя сестра рождает девочку, у нее уже есть два сына, такие милые, жаль, что ты их не видел, а теперь — девочка, вот здорово! Мы все так рады. Я испекла пирог и разрешила на кусочки, так что всем хватит. Но не сейчас, как только мне сообщат, что она благополучно родила, — тогда. Ты любишь, профессор, яблочный пирог?

Доктор философии сделал отчаянный жест, защищаясь от пирога:

— Вы мне мешаете, сядьте. С приходом эпохи Раннего Возрождения меняется текст документа — дарственной на строительство и украшение церквей. Архитектура, витражи, мозаика, скульптуры — все это требовало солидных капиталовложений. В период средневековья денежные пожертвования служили способом отбеливания капитала. Я имею в виду духовного «отбеливания». Ведь кто жертвовал? Пользуясь современным языком, «нувориши». Часть награбленного в удачных военных походах, пиратских набегах и других промыслах, часть «черного» капитала, сколоченного на крови, насилии и грязных махинациях было принято жертвовать на искусство. Таков перегибной, питавший культуру, святая красота настояна не на самых чистых соках. Так вот, донаторы заполняли что-то вроде стандартной анкеты: жертвую такую-то сумму, чтобы искупить свои грехи. В четырнадцатом веке в Италии был изменен текст анкеты. Жертвователь дает деньги, «чтобы наслаждаться красотой». Это и есть момент отхода искусства от религии, еще не вполне осознанный, но уже чреватый губительной самостоятельностью. Заметьте, моральный аспект, монополию на который держала религия, здесь упраздняется, искусство как бы освобождается от груза стыда — совести.

Профессор отхлебнул из ложечки остывший кофе и скорчил гримасу: брови полезли вверх, губы сложились как для воздушного поцелуя, отвинтил крышечку, сделал глоток из бутылки, завинтил крышечку.

Философ был мужчиной лет пятидесяти, роста выше среднего. Лицо замкнуто маской отчужденности и сдержанности. Руки спешили разболтать о том, что мускулы лица приучились скрывать. Пальцы складывались, презирая законы анатомии, гнулись вбок у основания, и когда он жестикулировал, уподоблялись маленьким недоразвитым крылышкам. «Отростки крыльев» то смыкались, то распадалась, и тогда каждый палец извивался по-своему, игнорируя собрата и, вероятно, в такт изгибам мыслей хозяина. Разительное несоответствие между лицом и кистями рук превращало благообразного профессора в предательскую карикатуру на самого себя, но и придавало его облику черты незащитности и доверчивости. Одет он был в джинсы, терракотового цвета рубашку и спортивные туфли. Профессор прошелся по сцене, сейчас он говорил слаженней и увлеченней, чем раньше, то и дело вовсе теряя связь с аудиторией. С самого начала своей лекции он заметил в третьем ряду с краю студента, который слушал его с жадным напряженным вниманием. Сейчас этого было достаточно, и оратор обращал свое послание туда, где сидел паренек.

Зал между тем жил своей жизнью. Студенты непрерывно выходили и возвращались, жевали, первый ряд спал. Девушка перед самым носом профессора боролась с дремотой, засыпая, деревенела и цельным бруском укладывалась набок на стулья, касаясь которых бодро-ошалело вскакивала и вытягивала шею в сторону лектора — вся внимание. Сквозь дремоту она иногда различала имена: Гейне, Кафка, Ницше, Вальтер Беньямин, Марсель Дюшан, Деррида.

— Служение единому абстрактному Богу требует гипертрофированного душевного напряжения, часть которого может быть снята и переложена на изображение, воспринимаемое зрением. Таким образом, в христианской религиозной практике, в отличие от еврейской, молитва расщепляется, будучи направленной по двум руслам: одна ее часть адресована воображаемой абстрактной Божественной субстанции, другая — зримому материализованному средствами искусства образу-иконе.

Внимание студентов тоже, надо сказать, было направлено по двум руслам: сидящая в центре аудитории влюбленная пара составляла серьезную конкуренцию доктору философии. Иуда, усатый молодой человек, умело загримированный под Мэрилин Монро, Яков — в серьгах, ногти покрыты ярким лаком, с кокетливо покачивающейся ноги спадает туфель на каблучке. Оба праздничные, они то и дело прикасались друг к другу руками, и эти прикосновения электризовали атмосферу в зале. В последнем ряду сидел Гад, отвергнутый любовник Иуды, он старался не смотреть на счастливого соперника. В аудитории было много девушек, среди них несколько настоящих красавиц, но все они выглядели скучными и неприбранными. Рядом с влюбленными, подвернув ноги по-турецки, в глубине тенистого шелкового шатра своих волнистых волос восседала Лия, давно и безнадежно влюбленная в Гада. Девушка посещала дорогого частного психолога, который считал, и справедливо, что неразделенная страсть плохо влияет на здоровье. Лия держалась очень прямо, на ее скрещенных лодыжках лежала тетрадь, в которую мелкими ровными буквами справа налево левой рукой (более половины студентов, сидевших в аудитории, были левшами) она конспектировала лекцию. Оливковые глаза молодой женщины были прекрасны, даром что звалась она Лией¹, и судя по тому,

¹ Библейская Лия, сестра Рахиль и жена Иакова, страдала болезнью глаз.

как далеко от тетради располагалась ее удивительно соразмерная голова на изящной шее — и зрение отменно. Дописав строку, Лия механическим и в то же время танцевальным движением перебрасывала руку к началу строки, будто продергивала нить, и тогда казалось, красавица тклет маленький коврик.

Завтра она подарит Гаду копию своего конспекта — он будет рад. Ему понравилась предыдущая лекция профессора своим, как он определил, «поэтическим надрывом». Гади так тонко чувствует, какой он удивительный, ее Гади! А психолог — отталкивающий грязный тип, провоцирует Лию представлять в деталях, как ее возлюбленный совокупляется с мужчинами. Да он вообще говорит о Гаде только пакости. Это недопустимо — относиться так плохо к человеку только потому, что тот гомосексуалист!

«Искусство, — записывала она, — служанка. Иудаизм видит в ней пришлую чужого рода-племени паганку из язычников. Оманут¹ — ее имя. Она расцветает там, где практикуют оргии, человеческие жертвоприношения, идолопоклонство. Госпожа Яхадут² никогда не принимает эту девку к себе в услужение. И не потому, что та, ясное дело, перепортит всех сыновей в доме и привьет им на всю жизнь вкус к греху. Яхадут предвидит такой ход событий и не очень им обеспокоена. Она прозорливей — заранее исключает саму возможность создания чреватой ситуации, когда вчерашняя рабыня станет вольноотпущенницей и посягнет на ее, госпожи, место. Вот что недопустимо!

Итак, чем неистовой служит Оманут своим хозяевам, тем опасность того, что эстетическое наслаждение подменит собой религиозный пыл, вероятнее. Страх подмены искупления грехов

¹ *Оманут* — искусство (*иврит*).

² *Яхадут* — иудаизм (*иврит*). Оба слова женского рода.

любованием красотой издавна знаком христианам. Примеры тому: отсутствие в православной литургии инструментального сопровождения, упрощение католической мессы, иконоборческие законы в Византии (вот-вот Русь примет христианство и уже сложился канонический тип иконы, которую назовут „византийской“, а иконе вновь грозит запрет!). Кальвинизм (16-й век, Нидерланды) добивается исчезновения „святых сцен“, в живописи остаются только пейзаж и жанр. В кальвинистских церквях стены обнажены, обнаженной плоти не сыскать...»

— Зато в Сикстинской капелле мяса, как в богатой мясной лавке, а у входа заставляют туристов кутаться в какие-то идиотские тряпки, чтобы прикрыть тело. Я была в шортах — не пропустили, вот лицемерие! — реплика из зала.

— Монах Савонарола в приступе ветхозаветного рвения волок на костер прекрасные полотна своих современников. Волны атавистического иудейского рвения время от времени смывали фрески со стен христианских соборов. Но фрески выживут. Низкая грамотность европейского населения (не забывайте, евреи — единственный народ средневековой Европы, в среде которого мужская грамотность составляла почти сто процентов) — вот залог их сохранности. Папа Григорий Великий назвал живопись на стенах церковей «Библией для неграмотных». Список примеров можно продолжить. Ло рак зэ (не только это), ло рак зэ!

Последнюю фразу гость выкрикнул, раскатив каркающее «р-рак», поднялся в воздух, но неудачно, слишком низко, смазал крылом лапсердака по головам, перевернулся на спину, производя неловкие беспорядочные движения конечностями, кое-как развернулся по направлению к сцене и грузно шмякнулся об пол, будто свалился с высокого табурета, опрокинув его. Студенты бросились поднимать философа.

— Денк¹, не беспокойтесь, денк, — он стряхнул пыль с джинсов, смущенно поправил коротко стриженные волосы, присел на услужливо пододвинутый стул и только сейчас впервые всмотрелся в лица студентов: вот кому, быть может, выпадет судьба стать художниками в период между уже свершившейся смертью искусства и еще не наступившим его рождением. Он, давясь, проглотил остатки холодного кофе, выхлебал всю воду, запрокинул голову и долго тряс пустую бутылку над открытым ртом, затем закрутил крышечку, поставил бутылку рядом с книгами и продолжил как ни в чем не бывало:

— Паганические чувственные искусства, которые Малевич в своем знаменитом манифесте именует «зеленым миром мяса и кости», имея в виду, я полагаю, плоть растений, животных и плоть человека, ретировались и уступили место умозрительной игре. Искусство превращается в заведомо не подлежащий разгадке ребус. Вспомните Марсея Дюшана с его знаменитым большим стеклом. Талмудическая диалектика, когда вопрос рождает вопрос, а не предполагает получить ответ на заданный вопрос, занимает почетное место в арсенале концептуалистов. Изображение остается, но лишается самоценности. Визуальное искусство больше не будоражит зрительный нерв, оно апеллирует к внутреннему зрению, «айн пнимит» и есть обителище иудейского абстрактного Бога. Художник, бывший глазами своего поколения, а талантливый художник — глазами эпохи, слепнет.

Зал опустел, одни ученики выходили незаметно, другие — шумно сдвигая кресла, начиналась следующая пара.

— Самое важное, я не успел сказать самого важного: иудаизм победил, не ввязавшись в игру. Сам же он остался в стороне

от своей победы, ствол не признал собственной ветви. Как не занимали иудаизм паганические искусства, так же не занимают его и концептуальные. О, это старая жестоковыйная история, ведь иудаизм никогда не признает своих бастардов. Так было и с иудейской идеологической диверсией в эллинистический мир, которая привела к возникновению христианства, не замеченного раввинами.

Профессор вновь открыл какую-то книгу и увлекся чтением, но спохватился, принялся запихивать книги в сумку, заметил кусочек яблочного пирога, пробубнил «Мазаль тов, родила, значит, свою дочку», и съел пирог.

---

¹ Денк — спасибо (идиш).

АВТОПОРТРЕТ В ЗЕРКАЛЕ

Она смотрит на меня из зеркала и выбирает для этого минуты моей слабости, усталости, скверного настроения или недомогания. Я не люблю ее присутствие, но с возрастом она появляется все чаще и мне приходится с ним смириться. Смотрит она в пол-оборота тяжелым почти мужским взглядом немолодой еврейки горькой души. От подобного взгляда в спину впопору обернуться прохожему.

В нашей семье были красивые женщины и я с удовольствием замечаю в себе их присутствие. Жизнерадостными их не назовешь, моих обеих теток, но в них жило сознание женской избранности, естественное и торжественное. Регина, старшая мамина сестра, обликом и поступками оправдала свое имя — королева, и Аннушка, младшая папина сестра, — она была так похожа на Мону Лизу Джоконду, что висевшую в отцовской мастерской репродукцию Джоконды я принимала за ее изображение. Тетки существовали более в моем воображении, чем наяву. Регина с семьей обитала за тридевять земель в Прекрасной Франции, и, едва научившись писать, я многие годы вела с ней задушевную переписку, а Аннушка жила в нескольких кварталах от нас, но никогда мной не интересовалась и я отвечала ей полной взаимностью.

С постоянной из зеркала я знакома по рисунку. И не будь этого рисунка, откуда бы мне знать, кто она, обладательница тяжелого взгляда, и почему так цепко за меня держится. «Портрет матери художника» (под таким названием рисунок вошел

в монографии) — лучший рисунок моего отца, а рисовальщиком он был превосходным.

Какой изысканной могла бы получиться выставка одного рисунка, ведь бывают же спектакли одного актера. Этот маленький рисунок на листке из блокнота размером 6 на 9 сантиметров смотрится крупным. Всего несколько снайперской точности прикосновений к бумаге плоской стороной угля и мягкой линией эти прикосновения-пятна энергично и бережно собраны. Мастерство, если подлинное, отступает в тень, мол, не в нем дело. Дело в другом: портрет обладает редким по мощности эффектом присутствия и мог бы держать в поле своей плотной ауры пустой зал, где ничего, кроме него не должно быть выставлено, и стены пусть будут выбелены, как в том доме, где мне не пришлось побывать — он сгорел до моего рождения.

Дом в бессарабском селе Ниморены был крестьянским добротным под толстой как перина камышовой крышей. К дому прилегал пруд и виноградники. В погребе стояли бочки с вином для себя и на продажу и керамические высокие широкогорлые кувшины, одни с солениями, другие с брынзой. В амбаре — мешки с кукурузной мукой грубого и тонкого помола, мешки с шерстью, в углу — два ярма для воловьей упряжи. Под навесом развешаны для просушки гирлянды табачных листьев. Все любовно ухожено и учтено. Окажись хозяйство не в Бессарабии, а на противоположном левом берегу Днестра, ждала бы его участь кулацких хозяйств. Но здесь была Румыния.

Бессарабии не отыщешь на карте мира, Молдавия расположена на Мальдивских островах в Индийском Океане (так считают мои студенты), но Кишинев знают все. Кишинев — это погром. Громкая слава Кишиневского погрома 1903 года значительно превзошла его масштабы. Не опубликуй Хаим-Нахман Бялик свою поэму «Бе ир ха-арига» («В городе резни», в рус-

ском переводе Зеэва Жаботинского — «Сказание о погроме»), он остался бы всего лишь каплей в кровавом море еврейских трагедий прошлого века. Бялик бросил тяжелое обвинение не в лицо погромщикам, а в лицо жертвам — он обвинил их в малодушии. Поэт последовал великой еврейской традиции — так пророки говорили со своим народом.

Современный израильский политолог, прибывший в Молдову на «празднование» столетия погрома, продемонстрировал модный, так называемый, объективный, подход к событию. Выступая на конференции перед кишиневской аудиторией, неискушенной в парадоксальном израильском элитарном мышлении, напоминая вульгарный антисемитизм, гость отметил «сугубо положительные аспекты погрома и его далеко идущие последствия». Говорил он на иврите, языке мне понятном, и я с интересом наблюдала за комической картинкой: маски слушателей застыли в гримасе праведного гнева, приличествовавшему моменту, а физиономия переводчика выражала полную растерянность.

Нет, я не стану раскладывать пасьянс «причина — следствие» — дьявол наслаждается этой игрой. Терминология учебного гостя пусть останется на его совести, так не к месту возжелавшей непредвзятости, и на профессиональной совести бедняги толмача, переведшего «положительные аспекты погрома» так: «вообще-то... ну, конечно, лектор хотел выразить... хотя и не всегда», но далеко идущие последствия погрома — бесспорны.

«Сказание о погроме» Бялика болезненно резануло сионистское сознание, но это не все — кишиневское событие не оставило царскому сомодержавию шанса на выживание. Еврейские американские банкиры финансировали японский флот, разбивший царскую эскадру при Цусиме, и на Россию были наложены санкции и эмбарго. Погромщики газет не читали

и большой политикой не интересовались. В 1905 году в Кишиневе снова случился погром..., но уже не такой знаменитый.

Израильский поэт Ашер Райх как-то в шутку назвал меня «порождением погрома». Должна разочаровать читателя — нет такой красочной детали в истории нашей семьи. Не насильствовали громилы мою бабушку. В апреле 1903 года (погром «по традиции» произошел на Пасху) бабушка была на третьем месяце беременности. Мой отец родился в Кишиневе 2-го октября.

Столетие со дня рождения Мастера Национальный художественный музей Молдовы отметил его огромной ретроспективной выставкой.

Во время погрома были убиты 42 человека, из них 4 христианин, и погром знаменит повсюду (кроме как в самом Кишиневе!). В период немецкой оккупации в городе было расстреляно 30 000 евреев, они почти не упомянуты в новой экспозиции Музея Холокоста «Яд ва шем» в Иерусалиме. У событий, как у людей, свои судьбы и свой «успех». Бессарабские евреи жили также в местечках и в деревнях и занимали второе после Эрец Исраэль место по занятости в сельском хозяйстве. У тех, кто не эвакуировался, шанс выжить был ничтожным.

Получилось, что в 2003 году на мою долю выпал еще один столетний юбилей — Centenaire парижского «Осеннего салона». Салон немало гордится своей славной историей — еще бы, ведь среди его участников значатся Роден, Кандинский, Модильяни, Камилла Клодель, Шагал, Сутин, Бранкуши, Пикассо и иже с ними. Салон не прекращал своей деятельности на протяжении столетия, несмотря на Большую войну (так французы именуют Первую мировую) и оккупацию Парижа немцами (1940–1944). При входе в огромный «надувной» зал-шатер на одинаковых стендах были выставлены увеличенные афиши Осеннего Салона со дня его основания. На ранних — шрифт

рисованный по канону Арт-Нуво, затем, элегантный печатный. Новые сработаны по правилам компьютерной графики. Афиши 1940, 41, 42, 43, 44 годов...

Президент Салона назвал открытия выставок в период оккупации «Спротивлением». Как легко, оказывается, перевернуть карту и откровенный коллаборационизм назвать «Спротивлением» — «La Resistance». Спротивление непременно было бы подавлено гестапо, а вот коллаборационизм всячески приветствовался. Французы и не скрывают коллаборационизма многих видных деятелей своей культуры. Празднование столетия знаменитого Салона..., но об этом я расскажу позже.

Сейчас я должна вернуться в Кишинев, на этот раз в Кишинев 1941 года. Паника и до сдачи города немцам остаются считанные дни, мост-переправа через Днестр взорван, но еще можно втиснуться в переполненный вагон эшелона, отбывающего в глубь страны — поезда попадали под воздушный обстрел — еще можно поймать машину и выбраться из города, завтра нанять телегу, запряженную волами, — большая удача. Волна беженцев двинулась на восток и на юго-восток, используя любые средства передвижения, включая собственные ноги. Волосья упряжки тащились медленно, не быстрее пешеходов, и, проделав иногда немалый путь, — некоторые добирались до Ростова — оказывались проглоченными линией фронта, дышавшей им в спину. В 1943 году в Москве отец начнет работать над монументальным полотном «Проклятие», изобразив трагедию тех дней. Картина выставлена сегодня в постоянной экспозиции Национального художественного музея Молдовы и составляет посмертное признание художника. Ее уменьшенные копии преподносились особо важным гостям Молдавии, и при музее трудился копееист, непревзойденный мастер по «Проклятию» Гамбурда. Но художник ничего этого тогда не знает, ему предстоит

два года воевать, потом (о, счастье!) вместе с женой его приглашает в Москву находившееся в столице молдавское правительство. Мама напишет там свою лучшую серию гуашей — виды Москвы военного времени с высоты птичьего полета. Супруги обласканы и отцу даже простили учебу в Бельгии, успех в Бухаресте и космополитизм, и, прежде всего, особый облик — отметину европейского интеллигента, и нельзя предположить, что через 9 лет после окончания войны художник погибнет: откажется от предложенной властями игры и наложит на себя руки и маму, любившую его, затащит за собой в смерть. Это мне, сидящей за компьютером в июле 2007 года в обратной временной перспективе видна последовательность событий их жизни, иногда видна так четко, что кажется, я вот-вот пойму что к чему. Но это только иллюзия, я выстраиваю всего лишь литературную версию.

Где же в суматохе того дня я оставила моего героя? Сейчас он забирается в кузов попутного грузовика, едущего в сторону Ниморен, чтобы увести оттуда родителей. Но стоит глянуть на «Портрет матери художника», чтобы понять: напрасно. Незадолго до гибели своих родителей он угадал и запечатлел в рисунке ее знание конца.

Грузовик не доезжает до Ниморен и последние километры отец, худой горбоносый еврей, влюбленный в эту землю, идет пешком через поля и виноградники в мареве сумасшедшего аромата бессарабского лета. Он останавливается передохнуть в тени орехового дерева, огромного — стадо овец укрылось под ним от полуденного солнца — и любителю пластичной позой пастушка и белым палевым цветом его рубахи, через которую бьет солнце так, что пастушок оказывается весь в ореоле света. Крестьяне, потупив как обычно взгляд, здороваются с идущим: «буна зиуа», и, наконец — их виноградники, дом еще не виден, но уже кто-то из крестьянских детей бежит предупредить о его приезде.

— Собирайся, мама, скорее, возьми самое необходимое! Где папа? Кишинев бомбят. Немцы будут здесь через...

— Как хорошо, что ты приехал, Моня. Хаим с рассвета на винограднике, к обеду вернется. В этом году будет хороший урожай, и все оттого, что он не послушал тебя с этими твоими новыми методами прививки лозы. Зачем рискованные новые, когда есть проверенные старые. Ты пообедаешь с нами, сынок, как я рада. С субботы осталась рыба, молдаване наудили в нашем пруду, ты знаешь, Хаим разрешает, так они наудили для себя и для нас, я сварю мамалыжку, смотри какая сметана, заглядение, и молодой чеснок. Илянка живо спустится в погреб за простоквашей.

— Какая простокваша? Война, мама! Ты что не слышала о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз?!

— Всего год, как зашли Советы, а ты уже разговариваешь совсем как они. Они что, заказали у тебя картину? Так я и знала, что нет. Когда отец дал тебе денег, чтобы ты поехал в Бельгию и выучился на инженера, что ты сделал? Ты поступил там в свою Брюссельскую Академию художеств и выучился на художника.

— Собирайся, ты слышишь, не мешкай!

— Он приехал, чтобы кричать на родную мать!

— Румыны будут здесь...

— Так я скажу румынам «давно не виделись». Отец ни на день не может отлучиться, каждую лозу надо обласкать, иначе она тебе отомстит. Виноградник как малое дитя, за ним глаз да глаз нужен и за работниками тоже.

— Это неважно сейчас. Надо запрячь волов.

— Это важнее всего. Земля... А волы в работе... Хаим не позволит.

— Вы не можете оставаться. Моя жена и ее родители ждут вас, мы едем...

— Куда?

— Ты спрашиваешь «куда», это уже лучше.

— Я спрашиваю «куда», потому что — никуда.

— Мама, сядь, я не кричу, послушай, это — пикуах нефеш.¹ Не хочешь думать о себе, подумай об отце. Ты знаешь, что немцы и румыны делают с евреями?!

— Тоже мне ребе! Вспомнил пикуах нефеш! Было бы лучше, если бы ты стал раввином. Нашел себе еврейскую профессию — художник! Вот так взять и уехать? А табак что, сам будет сушиться, а если он пересохнет, не дай Бог, что тогда? А жалование работникам? Когда живешь среди сплошных молдаван надо быть очень честным и надо ходить на их свадьбы, правда есть там почти ничего нельзя, даже в голубцы они крошат свинину.

Флорика ткет для нас ковер, я вместе с крестьянками красила шерсть отварами из кукурузных початков, луковой шелухи и кожуры дуба. Это коричневые цвета, а голубую и алую краску мы купили в городе. Флорика выткет в нижнем углу фигурки хозяйина и хозяйки, это — мы с Хаимом. Ковер...

— Вот видишь, мама, и ты тоже — художник.

— Ковер — это очень важная вещь, он греет дом и душу. Зачем нужны твои картины? Ковер все равно красивее их, потому что в нем есть радость, а в твоих картинах — нет.

— В этом ты наверно права, мама. Так заплати ей за ковер и собирайся в дорогу?

— Он же не закончен. Это что, как с твоими картинами только наоборот? Когда у тебя что-то купили наконец с выставки в Бухаресте, ты картины отдал, а денег получить не успел. Ты, конечно, не виноват, Советы зашли в Бессарабию без церемоний, и вы с женой могли застрять в Бухаресте. Хотя другой на твоём месте...

¹ Пикуах нефеш (*иврит*) — предписание в иудаизме, позволяющее для спасения жизни нарушить все запреты, кроме трех: убийства, кровосмешения и идолопоклонства.

Да, сестра Флорики Ленуца осенью справляет свадьбу, почему ты не спрашиваешь, за кого она выходит. Мы приглашены и ты с Женечкой тоже. Их семеро детей в семье, вас у меня тоже было семеро, а подняли мы с Хаимом только троих. Оставить могилки... В газете, в той, из Бухареста, тебя называют «певцом бессарабского крестьянства», певцом, но ведь у тебя нет ни голоса ни слуха, это у Абрашечки был голос, когда он плакал в колыбельке, все соседи говорили: «ничего себе голосок у вашего ребенка». Если бы он выжил в той проклятой эпидемии, он бы выучился на инженера. На свадьбу не вздумай дарить им портрет, не позорь нас, ну тот, ты писал портрет их матери и все время называл ее «Мадонной». Где ты только набрался этих гойских слов?

Таким или иным был их последний разговор, откуда мне знать, ведь это было задолго до моего рождения, но даже если бы мне довелось его услышать, я бы все равно ничего не поняла — они говорили на идише. Семейные обиды, пережившие обидчиков, реплики, не предназначенные для моих детских ушей, старые письма и новые догадки послужили материалом, из которого лепилась эта сцена. Может быть все было по иному. Бабушка послала за мужем. Дед, бородатый, библейской внешности крепкий мужчина, лицо, шея и руки до локтей покрыты сероватым молдавским загаром, в отвороте рубахи видна белая кожа, ничего не стал объяснять сыну. Многие годы тяжелого физического труда бок о бок с крестьянами сделали его немногословным и замкнутым. Бабушка была сурова, как всегда полна горечи и не нашла ласковых слов для прощания. В одном я уверена, она смотрела вслед сыну хорошо знакомым мне взглядом.

Первое время их прятали крестьяне, потом кому-то приглянулся дом и на них донесли. К тому времени евреев в округе уже не осталось, и транспорта специально для двух стариков полиция не стали вызывать. Стояла осень. Из всех подворотен текли

ручьи свежееотжатого виноградного сока, слышался глухой спотыкающийся барабанный бой и высокие голоса скрипок — совсем рядом третий день гуляла свадьба. Их вывели на окраину села и расстреляли у дороги при единственном свидетеле. Им был деревянный Иисус Христос, пригвожденный к высокому кресту, орудие его казни.

Ничего никому не досталось. Дом сгорел, колхоз выкорчевал дедовские капризные европейские сорта винограда, — они не вписывались в общий массив и за годы войны совсем захирели, и запретил ловить рыбу в пруду. Только портрет, который упомянула бабушка, выжил и находится в собрании Государственной Третьяковской Галереи под названием «Крестьянка». Нашла я его в пригороде Хайфы в одной румынской семье, где портрет продержали за шкафом в пыли более полу-века.

Передо мной газетный лист из семейного архива. Прямо под заголовком центральной румынской реакционной газеты «Universul» за 22 мая 1940 года — две большие репродукции картин еврея Макса Гамбурда. На обороте листа — репортаж о параде войск вермахта на Елисейских Полях в Париже, выдержанный в бравурных тонах. Румыния была союзницей Германии. Каждый раз, когда я разглядываю этот ветхий листок, чудится, как кривая рожа (не лик ли это эпохи?) подмигивает мне — не доглядел, мол, редактор...

Париж... Здесь, пожалуй, самое время дорассказать о парижском Салоне. Организаторы назвали экспозицию антимуззейной, дескать, сто лет назад она была антимуззейной и сегодня исповедует тот же ставший традицией принцип. Салон родился как прибежище для бунтарей, которых музеи на свой порог не пускали и чьи имена сегодня — украшение этих самых музеев. Ничего странного, культура сплошь пестрит именами канони-

зированных еретиков и прирученных бунтарей. Современные музеи научились распознавать революционеров от искусства в зародыше и даже пестовать их в лабораторных условиях. Так бунтарей подпитывают премиями и лишают их бунтарской искры Божьей, а художников протеста превращают в придворных художников. Оппозиции нет и быть не может. Ведь свобода творчества, какая же оппозиция свободе? На этом фоне знаменитый Осенний Салон действительно выглядит антимузейным, он выставляет те виды искусства, которые сегодняшние институции не жалуют: скульптуру, живопись, графику.

По части многолюдных тусовок, когда шальная удача нетнет, да и просвистит рядом с ухом, Солон — мастак. На шикарном ужине по случаю празднования столетия я чувствовала себя легкой, молодой и остроумной, и профессор, биограф Камиллы Клодель, так мило старомодно за мной ухаживал.

— Вы знаете, моя очаровательная спутница, что такое «Кир»?

— Конечно, персидский царь Кир Великий (древнееврейское имя — Кореш) завоевал Вавилон и через 70 лет после того как царь вавилонский злодей Навуходоносор разрушил Храм в Иерусалиме и угнал еврейский народ в плен, разрешил евреям вернуться на родину. Большинство успело прижиться на чужбине и осталось. Они канули и растворились где-то там в древней истории. Вернулись только, как бы сказали сегодня, фанатики. Мы и есть их потомки.

— Mais non, madame!

— Mais oui, monsieur! Кир по наитию свыше даже отдал иудеям награбленную ритуальную храмовую утварь — в общем, хороший был царь.

— Лучше, чем Вы думаете, потому что кир — это вино, это то вино, которое мы с Вами сейчас пьем, точнее, особый коктейль из белого бургундского вина с добавкой черносмородин-

ного ликера «Крем де кассис». Полюбуйтесь его цветом, — розовый с нежным сиреневым отливом. Можно добавить ликер в бургундское игристое или в шампанское и тогда получится «Кир Руаяль» — королевский, ну, чтобы доставить Вам удовольствие, царский кир, здесь и до персидского царя недалеко.

Празднество вокруг нас набирало силу. Между столиками сновали энергичные официанты. Бутылки кира как игральные кегли торчали у них из подмышек. После третьего бокала и второй перемены блюд легкость оставила меня, а специалист по Камилле Клодель перестал казаться галантным кавалером и превратился в стареющего брюзгу. И вообще, Клодель — посредственный скульптор и звезда, сфабрикованная феминистками. Близость к Родену и с Роденом, раннее безумие и 40 (если не ошибаюсь) лет в психиатрической клинике. Грех не раскрутить эффектную биографию. В фильме с Депардьё — Роденом Камилла переколотила все свои скульптуры. Очень умный ход. Дескать, не дошли до нас ее шедевры, потому что создательница их разбила. А если разбивать было нечего, просто всего и вылепила, что несколько дилетантских вещичек?

Но какое отношение имеет моя бедная бабушка — ведь о ней сказ — к Осеннему Салону? В том-то и дело, что никакого.

Стены парижских ресторанов обычно забраны зеркалами — это позволяет оптически увеличить пространство. В нашем зале зеркала были вмонтированы в стены под углом, что создавало эффект мультипликативности — великое множество гостей сидело за одинаковой трапезой и одинаковым жестом опрокидывало в рот содержимое бокалов. До десерта было еще далеко, но мне захотелось выйти на улицу одной и поймать такси. У профессора были, кажется, другие планы. Я с удивлением заметила, что он держит мою руку в своей, а свободной наполняет киром мой бокал.

И тут я увидела ее (как же она здесь очутилась, ведь никогда за пределы Бессарабии не выезжала?). На ней был элегантный брючный костюм, который, я догадалась, смотрелся намного дороже денег, заплаченных за него, массивное серебряное кольцо в псевдо-египетском духе ей очень шло, наряд дополнял яркой расцветки скользкий натурального шелка длиннющий шарф, прикупленный вчера в бутике в Латинском квартале — в общем, она выглядела весьма эффектно, только прическа заставляла желать лучшего, и это из-за пристрастия к фетровым шляпам. Могла бы хоть здесь в Париже перестать преследовать меня — куда там. Она привела сюда целые полчища себе подобных, одетых в униформу, выстроившихся рядами, веером расходящимися в пространстве. На каждой был элегантный брючный костюм и яркий шарф, подобный приспущенному штандарту, и прическа каждой несколько кособока.

Она смотрела на меня, помноженная бесчисленными зеркалами, смотрела хорошо знакомым тяжелым взглядом. Могла бы стать дружелюбней и смириться с моим отражением. Нет, в ее взгляде я уловила упрек: что же ты изменяешь нашему густому терпкому красному и пьешь что попало, кир какой-то, яйн несех¹, будь то хоть сам Кир Великий, царь персидский и благодетель иудеев? Ни ему, ни, тем более, его вину доверять нельзя.

Первоначально великий лозунг, провозглашенный Максимилианом Робеспьером в Конвенте имел непривычную форму: «Единство, неделимость Республики, свобода, равенство, братство или смерть», но вскоре была отброшена привязка к месту и к событию, и он приобрел законченную чеканную универсальную форму. Робеспьер, носивший прозвище «человек террора», декретировал террор как «лучший друг свободы, делающий свободу непобедимой». Этот тезис, пожалуй, даже похлеще ленинского «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства». Но возможно, не всем гражданам окажется по нраву союз свободы и террора и кто-то не захочет для себя такой свободы и по величайшей неосмотрительности выскажет эту мысль вслух? Тогда, цитирую философа Жан-Жака Руссо: «...его силою принудят быть свободным». А как же иначе? Ведь в принятой Национальным собранием «Декларации прав человека и гражданина», пренебрежение которой недопустимо, ясно сказано, что все люди рождены свободными и равными в правах.

Робеспьер просчитался и сам был гильотинирован революционным трибуналом. Его пример — другим наука. Тираны изучали и изучают его ошибки, дабы не повторить бесславный конец. Так, может быть, лозунг оказался скомпрометированным? О, нисколько! Он только начинал свое победное шествие. К тому времени якобинцы обязали французов начертать триаду над входом в предприятия, будь то фабрики, трактиры, винные погреба, сыроварни и копильни окороков, портняжные мастерские, театры, госпитали и похоронные конторы, даль-

¹ Яйн несех (*иврит*) — некошерное, изготовленное неевреями вино.

ше — всюду. Даже над порталами церквей, чье имущество было отчуждено, и при входе в монастыри, крепко потрепанные революцией, появились «Свобода, равенство и братство». Лозунг оттискивался по шаблону и писался от руки по штукатурке на юге или высекался в сером диком камне в центральной части страны Иль-де-Франс в строку или в виде арки над входом в зависимости от характера архитектурного сооружения. Кое-где в глубинке на домах сохранились еще полустертые буквы. Как-то мне случилось гулять по знаменитому парижскому району Монпарнас, и я подошла к высоким каменным воротам. Над ними объемными буквами был набран знакомый лозунг. «Что это за здание?» — спросила я у прохожего. «Разве вы не знаете, мадам? Это тюрьма».

Но что там надпись над тюремным порталом в центре Парижа! Над входом в лагерь смерти Аушвиц и Заксенхаузен гнутыми корявыми железными буквами на просвет — «Arbeit macht frei».

Великая французская революция, казнив короля и расправившись со знатью и духовенством, пошла, как свинья, жрать своих детей — пламенных революционеров. Но вскоре пресытилась, выдохлась и позабыла, за что сражалась. Она извалялась в крови и нечистотах и вовсе скурвилась: именем закона утвердила доносительство. Так революционный пафос вылился в доносы на неблагонадежных. Практика доносительства захлестнула Францию в период якобинского правления. Восторженно встреченная народом всего через несколько лет после падения монархии коронация Наполеона (смотрите в Лувре огромное — что не обязательно означает монументальное — полотно придворного живописца революции Жак-Луи Давида) вернула монархию в лице Бонапарта. Наполеоновские солдаты на своих штыках понесли народам свободу, равенство и братство... так с восторгом писал о наполеоновской армии не кто иной, как Генрих Гейне, опальный

великий немецкий поэт и крещенный еврей. Гейне был и блестящим журналистом, умным и едким. Ему ли не понимать того, что солдаты несли на штыках горе, и смерть, и голод и этим несколько не отличались от любых других солдат любой другой захватнической армии. Гейне превозносил Наполеона за то, что тот осуществил второй посыл святой триады — равенство, уравнив евреев в правах с остальными гражданами. В этом сходятся многие биографы великого поэта.

Что касается равенства, то, ворвавшись в древний средиземноморский порт Яффу, который именовался воротами в Святую землю, наполеоновские солдаты устроили бойню, вырезав за одну ночь все мирное население города, не делая различия между евреями и мусульманами, но пощадив христиан, укрывшихся в монастырях. На улицах образовались горы необрунных трупов, и вспыхнула эпидемия чумы. Здесь и произошел эпизод, посрамивший императора, когда он собственноручно (медики отказались) отравил своих заболевших солдат. Весть дошла до Парижа... Весть о резне? Резня быстро забылась. Но умертвить соратников — этот вероломный шаг главнокомандующего историка не преминули помянуть...¹

Вскоре Бонапарт и вовсе потерял интерес к Египетскому походу, соскучился по Парижу, бросил свою армию и вернулся во Францию. Там он возглавил переворот 18 брюмера под лозунгом защиты свободы, оказавшейся, по его словам, в опасности, — покончив с революцией, которая к тому времени уже всем изрядно обрыдла, прибрал к рукам ее лозунг. Надо признать, хорош лозунг и звучит превосходно! *Liberté, Egalité, Fraternité* — в нем слышен

¹ Нам не удалось найти сколь-нибудь убедительных подтверждений слухам об убийстве французами «всего мирного населения» Яффы и отравления Наполеоном собственных солдат (*примеч. ред.*).

свист хлыста и троекратный удар/ударение на последней гласной, что в переводе пропадает, разумеется. Ритмичной речовке присущ парализующий гипнотический эффект, и ее легко скандировать, но главное — оппозиция свободе невозможна. Кто же встанет под знамена несвободы?! Если сравнить Наполеона с Гитлером, что неоднократно предпринималось историками, совпадений окажется немало. Но Наполеон — герой, и его имя произносится с придыханием, а Гитлер — мразь! Наполеон — вкусный торт с заварным кремом, а на торт Гитлер не годится. Неистребимая триада сыграла в канонизации корсиканца не последнюю роль.

Редкий уважающий себя философ не тщился дать свободе верное определение. Для этого свободу делили на национально-политическую и нравственно-личную. В языке иврит изначально заложены эти две категории и обозначены они двумя разными словами. Хейрут — свобода, та которую жаждет обрести порабощенный народ, и хофеш — личная свобода. Есть еще и третье слово — дзор и значит оно волю, в значении — вольная птица. Имея в виду библейский Исход, Лев Толстой назвал сынов Израиля первооткрывателями свободы. Цена свободы велика — смерть поколения, затосковавшего в пустыне по котлам с мясом, помнящего сытость рабства. По Бердяеву, «сытый и довольный раб — худший враг свободы». Вот и пришлось тем, на чьих губах остался сладкий вкус рабства, сорок лет вымирать в пустыне.

Со вторым значением термина все не так однозначно. Новейшее умозаключение Мераба Мамардашвили «Мы свободны, когда можем выбирать: и чем больше выбора, тем больше свободы» совпадает с великой максимой талмудиста первого века рабби Акивы: «Все предопределено, но свобода (воля) выбора есть». В оригинале не «но», а «и», то есть это не фраза-первертыш-парадокс, как может показаться при первом прочтении,

а единое целое. Все предопределено — это, если хотите, пастернаковское «Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути», ибо конец земного пути известен, и все же свобода выбора есть. «Когда мы делаем выбор, решаем, мы целый мир, мировую цепь кристаллизуем позади себя», — вторит Мамардашвили рабби Акиве.

«Иногда отсутствие выбора — лучшее, что может произойти», — так пишет в статье к каталогу моей выставки «Ложная правда» в Музее израильского искусства куратор Меир Аронсон. Он рассказывает о том, что я выросла в доме, где все дышало искусством, поэтому никогда не выбирала специальности. И я не могу с ним не согласиться.

Михаил Булгаков и вовсе топит в иронии предыдущие максимы о свободе выбора... Иногда лучший способ погубить человека — это представить ему самому выбрать судьбу.

Авторство пресного гегелевского «Свобода есть осознанная необходимость» поделено между Аристотелем, Спинозой, Марксом и Энгельсом. Рискаю захлебнуться в лавине афоризмов о свободе, выныриваю всякий раз с ценным уловом. Свобода постоянно меняет личину — оборотень, да и только! Она ускользает от определения, и, как пишет Мамардашвили, «ее нельзя обосновать, доказать». А есть ли она вообще? Гляньте на грузную могучую всамделишную статую Свободы на Гудзоне. Одной стальной конструкции, сработанной инженером Эйфелем, 125 тонн, не считая меди и бетона! Эта многопудовость — не безусловное ли вещественное доказательство ее существования.

Раз уж зашел разговор о тяжести свободы, вот вам афоризм Марины Цветаевой: «Крылья — свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они — тяжесть».

Красноречивей многих других о свободе сказал знаменитый мим Марсель Марсо, не произнеся ни единого слова. Пантоми-

ма называется «Клетка». По пустой сцене, пританцовывая, легко движется немолодой, кудрявый, очень худой актер небольшого роста, его лицо набелено как у Пьеро. Он пересекает сцену вдоль и поперек, пока в дальнем углу не наткнется на стенку, недоумевая, отдергивает руку, снова прикасается к стене, проверяет, не померещилось ли ему, движется по диагонали в другой угол — и там наткнется на стену. К удивлению примешивается страх, но это всего лишь капля страха, всего ничего. Ладонями с широко расставленными, узловатыми в суставах пальцами человек поглаживает стены, которые существуют только в его воображении, зритель их не видит — сцена пуста. Мим ускоряет шаг, его руки и тело все быстрее скользят по стенам, и ему все меньше и меньше приходится носиться по сцене — стены со всех сторон ближе и ближе подступают к нему. Он мечется в ужасе и отчаянии, клетка сжимается, но он еще может подергивать плечом, и сгибать ногу в колене, и шевелить пальцами ног в матерчатых тапочках. Через мгновение прутья сплющивают его, замыкают в себе, давят со всех сторон. Несчастный за гранью отчаяния, но делает попытку раздвинуть прутья. Мы видим, каких усилий ему это стоит. Путья поддаются, лаз все раскрывается, в него удивленно просовывается тощая рука, потом плечо трудно находит выход, высвобождается голова, а лаз все шире, прутья теряют жесткость, клетка разваливается на глазах. Мим потрясен, он весь — удивление, он делает несколько робких шагов — никаких преград. Его ноги танцуют, затем руки и худое пластичное тело пускаются в пляс. Он пересекает большую пустую сцену в радости, он носится по ней, как мальчишка, ноги выдвигают кренделя, руками он машет в несогласии с ногами. Восторг. Одной рукой актер случайно задевает что-то в углу сцены. Это стена. Недоуменно отдергивает руку, снова прикасается к стене, проверяет, не померещилось ли ему,

движется по диагонали в другой угол и там наткнется на стену. К удивлению примешивается страх, но это всего лишь капля страха, всего ничего...

Афоризм Гейне можно было бы поставить эпиграфом к «Клетке» Марселя Марсо: «Любовь к свободе — цветок темницы, и только в тюрьме чувствуешь цену свободе».

Свобода, по Бердяеву, исключает равенство. Но поговорим о равенстве, ведь и оно — дитя Французской революции. Первые равенства казни у Конвента потребовал потомственный парижский палач Шарль Сансон. В соответствии с законом преступникам-аристократам рубили головы, а простонародье вешали. С победой революции количество казней усечением головы так увеличилось, что палач взмолился — рука рубить устанет! Тогда и была изобретена гильотина, осуществившая на деле равенство сословий. Гильотина пристроилась с боку к знакомой триаде и там и осталась как легко узнаваемый символ Великой французской революции.

Рядом с гильотиной была сработана на скорую руку несохранившаяся сидячая «Свобода, облитая кровью» — ненасытный Молох, урчавший при виде жертв совсем как идолы под ветвистыми кронами в библейские времена. У их подножия совершались человеческие жертвоприношения и ритуальные оргии. Отсюда и запрет в иудаизме на возведение идолов (вторая заповедь декалога), накрепко связанный в коллективном сознании с человеческими жертвоприношениями.¹ Убавило ли свободе шарму соседство с гильотиной? Нисколько. Она осталась чиста, желанна и, как всегда, недосыгаема.

---

¹ Догадываюсь, что во времена Синодального перевода слова «идол» и «кумир» в русском языке были синонимами, и только потом их значения разминувшись, иначе почему бы Второзаконию звучать как «Не сотвори себе кумира». Ведь речь идет об идоле-истукане. Так на языке оригинала, так и в переводах на французский, к примеру.

А с братством-то как же? О нем все сказано во «вставной новелле» из Книги Бытия. Отношения между Иосифом и его братьями расцвечены ревностью, высокомерием, коварством, мстостью, жестокостью, корыстью — но неужто все так мрачно? Ну почему же — в них присутствуют и жалость, и любовь, и способность прощать и быть прощенными, и благодарность. Нельзя не дивиться мощному реализму рассказа. Но не годится пересказывать библейскую историю своими словами и портить шедевр — пусть остается таким как есть: кратким, сочным и очень грустным. В нем все о братстве.

Итак, слово «либертен», вынесенное в заголовок, в отличие от «либертэ» вошло в русский язык. Это человек, не соблюдающий никаких моральных ограничений в сексуальной практике. К либертенам принято относить римского императора Нерона, сыгравшего свадьбу с мальчиком-вольноотпущенником, предварительно кастрировав его. Нерон, между прочим, был воспитан философом-стойком и моралистом Сенекой. Император Гай Калигула был известен кровосмесительной связью со своими сестрами. Самый последовательный и знаменитый либертен — это маркиз де Сад. Джакомо Казанова, пожалуй, тоже в этом ряду, хотя Казанова, безусловно, уступает маркизу. Включаю в список Мессалину (иначе феминистки могут обидеться), она брала количеством. Либертены терпимы к скотоложеству, гомосексуализму и не признают запретов на совокупления с близкими родственниками. В общем, и с дедкой, и с репкой, и с внучкой, и с Жучкой.

Маркиз де Сад исповедовал ничем не ограниченную свободу в выборе партнеров и в способе удовлетворения похоти. Не только с кем, но и как. В его литературных произведениях и на практике — оргии с применением пыток, удушья, унижений и поедания фекалий. Итальянский режиссер Пьер Паоло Пазолини снял фильм по «120 дням Содома» де Сада, смотреть

который можно, лишь подавляя, не всегда успешно, рвотные позывы. Режиссер перенес действие романа в фашистскую Республику Сало. Пазолини был поэтом, талантливым режиссером, гомосексуалистом и коммунистом, исключенным из партии за соращение малолеток.

За свои проделки де Сад отсиживал срок в Бастилии как раз тогда, когда революционная толпа взяла штурмом и разрушила крепость. Видимо, сие удачное стечение обстоятельств зачлось ему, и, будучи аристократом по происхождению, он не угодил на эшафот, а совсем напротив — стал комиссаром Государственного совета, а позже присяжным ревтрибунала. Вот здесь и случилось весьма интересное. Маркиз не подписал ни одного смертного приговора. Он был развратником-либертеном, но не убийцей.

Черты либертинажа распознаются в хлыстовских радениях: свальный грех, проповедь безбрачия, отказ от деторождения, оскотление и... вегетарианство (а вегетарианство почему?). Сходство хлыстов с настоящими либертенами — только внешнее. Для либертенов извращения — своего рода искусство для искусства, тогда как сектанты устали ими трудный путь к истинной вере. Хлыстовство не признавало официальную православную церковь, бывшую одним из столпов российского государственного уклада. Тем и привлекло внимание Ленина, но дальше поверхностного интереса дело не пошло. Большевики разглядели в хлыстах некий революционный потенциал, впрочем, сомнительный.

Не только в среде православия случались секты либертенов. Еврейский лжемессия второй половины XVIII века Яков Франк из Тернополя, что в Галиции, религиозный авантюрист, еретик и турецкоподданный, уподобившись предыдущему лжемессии Саббатаю Цви, принял ислам, затем дважды переходил в католичество и даже пытался принять православие, но неудачно. Он

толковал сны, жонглировал каббалистической мистикой и увлек за собой немало еврейских душ. Среди потомков евреев, крестившихся вместе с Франком, Фредерик Шопен и Адам Мицкевич. Родись лжемессия позже, он мог бы быть Жюлем Верном или снять фильм о пиратах Карибского моря, или, как Сальвадор Дали, нафантазировать свой сюрреалистический театр-музей в Фигерасе, но он был художником-фантастом своей собственной жизни, мастером головокружительного сюжета, живописных, прекрасно выстроенных декораций и подобранных со вкусом деталей-аксессуаров. Горностаевая мантия, Изенбургский замок в Оффенбахе, где еретик сожительствовал со своей красавицей-дочерью Евой, провозгласив ее женщиной-мессией, содержание домашней армии гусаров, уланов и казаков. Поворот сюжета: после смерти хозяина, похороненного на католическом кладбище по еврейскому обряду, его армия примкнула к новому мессии — Наполеону. Франк проповедовал нарушение сексуальных запретов Торы и однажды устроил даже оргию на ярмарке. Святотатство, по его учению, и есть истинное служение вере, а в религиозных запретах томятся божественные искры, жаждущие высвобождения. Поскольку все запреты отменяются с приходом Мессии, почему бы не приблизить его приход нарушением их уже сейчас.

Основатель психоанализа и великий реформатор современного сексуального сознания Зигмунд Фрейд жил в Вене. Но если копнуть вглубь, выясняется, что его пращурь были родом с Тернопольщины, где еще очень долго после смерти главы секты сохранялись островки опального франкизма. Нельзя исключить — как и утверждать нельзя, — что эти самые искры запали в воображение выдающегося психоаналитика. Но доподлинно известно, что один из его основных постулатов как раз и заключается в себе снятие табу на высвобождение сексуальной энергии.

Как здесь не вспомнить о Ницше. Философ видел зло в иудеохристианской системе моральных запретов и считал, что подавление естественного животного начала превращает человека в больное животное.

Но, возможно, как раз следование запрету на инцест и отличает человека от животного. О библейском табу на мужеложство не рискну заикнуться... Что вы, что вы, я не против! Куда вы меня ведете? Снимите наручники, я за, я не против! Я тоже всегда испытывала влечение к мужчинам!

Римская богиня Либертас возглавляет толпы однокоренных (я имею в виду латинский корень) рабов-вольноотпущенников, поэтов-вольнодумцев, безбожников-нигилистов, развратников-либертенгов и развратниц-либертинок, либералов-одиночек и либеральных партий и группировок всех оттенков и мастей. Иногда разница между ними всего в одной букве.

ЛЬВИНАЯ КАПИТЕЛЬ

Основные элементы архитектуры легендарного Тадж-Махала позаимствованы из ранних мусульманских усыпальниц правящей в Индии династии Великих Моголов, но растительный декор над главным входом оригинален. Ворох полевых цветов и стеблей брошен на мраморный фон вольным и широким движением руки ремесленника, дохнувшего воздуха Европейского Возрождения. Изящные, без вычурности инкрустированные полудрагоценными камнями цветы и бутоны как бы предвосхищают рококо — стиль, сформировавшийся в Европе только через сто лет. Так и есть, над отделкой работали лучшие итальянские и французские мастера, приглашенные специально для создания шедевра.

Ох, эти-то цветочки и сгубили успешного завоевателя и могущественного правителя Империи Великих Моголов в XVII веке Шах-Джахана, приобщившего неверных к работе над усыпальницей и позволившего нарушить жесткие каноны исламского декора. Все так, но заплатился он не за это. В нем разыгралась страсть к совершенству, сродни страсти к любимой жене Мумтаз-Махал, умершей при родах их четырнадцатого ребенка. За два десятилетия, пока велось строительство, мавзолей высосал все запасы из государственной казны, содержание армии мастеров обошлось дороже содержания армии в полной боевой готовности. Подводы, груженные зерном, разворачивались по приказу монарха в сторону Агры, и в стране начался голод, а падишах все не унимался. Он требовал бесперебойных поставок сердолика, бирюзы, ляпис-лазури, малахита, кораллов

и жемчуга, обеспечив кропотливой долгосрочной работой инкрустаторов и грабителей. По его заказу архитекторы начали работать над проектом мавзолея самого правителя. Мавзолеем предстояло сложить из черного мрамора напротив беломраморной усыпальницы жены. Расходы на цветочки — это еще куда ни шло, напастью обернулись ягоды. Скорбящий вдовец осчастливил вниманием свой скучающий гарем; монастырские порядки и постное выражение лиц красавиц мигом исчезли, и наложницы принялись наперебой одаривать его новыми наследниками. Во дворце пошли пиры с применением разрешенного исламом опиума и запрещенного алкоголя при обязательном присутствии писаря-хроникера. Монарший каприз остаться в памяти потомков не только строителем Тадж-Махала, но и бонвиваном, впрочем, провалился. Миф отшелушил «все лишнее» от образа великого скорбящего супруга. Падишах был так поглощен чудом света и репродуктивными играми, что проглядел свою гибель. Заждавшийся трона третий сын Шах-Джахана и Мумтаз шахзаде Аурангзеб положил конец строительным амбициям и любовным приключениям отца. Он заточил правителя под домашний арест в Красном форте в Дели и перебил всех своих братьев, чтобы порядок был. И зачем только бабы так трудятся?

Вход в Тадж-Махал расположен в убогом некогда стольном городе Агра в гуще грязного базара. Услужливые велорикши подвозят посетителей к самому входу. Их коляски устроены так, что пассажиры сидят, возвышаясь над тяжело западающим то на одну, то на другую педаль водителем, слегка откинувшись назад, что придает им надменный барский вид. Через несколько минут их глаза ополоснет райское диво, тогда как селезенка и прочие внутренние органы еще долго будут помнить колдобины немощной дороги. Подъезд к мавзолею на автомашинах запрещен, землетрясения шадят роскошное здание, редкая птица долетит

до середины... Да что там птица, самолеты меняют курс, не желая рухнуть на чудо света и повредить его. В луже буйволиной мочи и в облаке богатой экзотической отдушкой вони, среди куч отбросов и навоза, превращенных теплым бесконечным дождем в вязкую, хлюпающую под ногами кашу, среди гирлянд цветов и угрожающего количества сувениров, в толпе не дающих прохода, цепляющихся за брошенный на их прилавок взгляд торговцев и нищих, установлены электронные двери-детектор. У посетителей отбирают ручки, фломастеры, губную помаду и все напитки, кроме питьевой воды, раздают стерильные тапочки, как бы не поцарапать нежный пол каблуками. Мрамор — маркий и мягкий камень, краска легко впитывается в него на глубину нескольких миллиметров.

Прелюдия архитектурного пространства разыграна виртуозно. До пятиглавой усыпальницы рукой подать — ан нет. Ступать придется по водной глади продолговатого бассейна. Новичок сбит с толку, теряет равновесие. Смятение и головокружение, испытанные им, спланированы на чертежных досках. Меж тем драгоценная игрушка из слоновой кости увеличивается, хамелеоном меняя цвет от неаполитанской телесной розовой с примесью перламутра через охру золотистую к кадмию. Мрамор абсорбирует всю палитру закатного неба. В непогоду мавзолей растворяется в сером цвете фона — титановые белила с каплей персиковой черной с синеватым оттенком, обнаруживая свое присутствие лишь пульсирующей линией контура.

Падишах Аурангзеб больше крушил, чем строил. Проводя политику повсеместной жесткой исламизации, он разрушил многоколонный индуистский храм Сомнатх и множество других языческих храмов, обработанные камни которых использовались затем в строительстве мусульманских культовых сооружений. Так что стены и несущие колонны мечетей Индостана

порой сложены из декорированных эротическими рельефами камней — у персонажей отбивались лица, шарообразные груди и другие выпуклые детали или камень переворачивался так, что разглядеть изображение не представлялось возможным. Таким образом, покалеченные, но неустанные в любовных совокуплениях индуистский бог Шива и его жена богиня Парвати оказались замурованными в плоть ислама. Падишах не был новатором вторичного использования отработанного сырья. Практика метода, который известен в современном искусстве, как *реди мейд*, то есть «из готового», широко применялась и до него. Возведенная несколькими веками ранее анфилада при минарете и мечети Кутб-Минар в Дели сложена из плотно украшенных фигуративными горельефами обломков двадцати шести индуистских храмов. Какой, однако, не метафоричный, а самый что ни на есть материальный материал — камень, симбиоз двух религий. Обломки — глаз привык к ним. Почти все искусство древности досталось нам в обломках. Реставраторы крупных музеев стараются как можно меньше чинить скульптуры и восполнять утраченные фрагменты. Музеи предпочитают показывать экспонаты как есть, позволяя времени, солнцу и ветру вмешиваться в создание произведений наряду с их ваятелями. Шутка о том, что захватившие Рим варвары обладали безупречным эстетическим чутьем, потому и поотбивали все лишнее, носы и руки статуи, смеха не вызывает, тогда как наивный возглас туриста перед Никой Самофракийской в Лувре «Эх, была бы у нее голова — да цены бы ей не было!» очень забавен. Что до Кутб-Минара, то потрясение происходит здесь скорее на понятийном умозрительном, чем на зрительном уровне. Но как же правоверные мусульмане, которым вся эта восхитительная языческая лепнина категорически запрещена? Монотеистические религии, для которых текст всегда был много важнее картинок к нему, успешно

культивируют селективное зрение: что не велено созерцать, то и невидимо.

«Славный потомок Чингисхана и Тимура Аурангзеб, — повествуют исторические хроники, — раздвинул границы империи, и под его властью оказался почти весь Индостан». О, великая удача, что «почти», что джунгли, жара, мор и другие благоприятные обстоятельства помешали ему двинуть свою армию на Кхаджурах! Храмовый комплекс исчез, выпал из истории, пропал на века. Время сберегло его — иначе не видать бы нам прекрасно сохранившихся небольших индуистских храмов Чандельской династии, богато декорированных лучшей в мире эротической скульптурой, вырезанной в песчанике всех оттенков красной охры. Многобожие непременно многофигурно. Чем больше богов в священном пантеоне, тем более они многолики, любвеобильны, человечны (скорее человекообразны, чем человечны, но об обезьянах — позже), телесны, материальны и пластичны. Эпохи паганических религий отмечены расцветом скульптуры. Вот и здесь внешние и внутренние стены кишмя кишат божествами всех рангов. Шива, Брахма, Вишну и их ездовые животные: бык Нандин, птица Гаруда и роскошный bestiарий от крокодилов до крыс. Бог любви Кама разъезжает на попугае, а слон Ганеша — на мышонке. А вот кошек не видать, ни на стенах, ни вообще в Индии. Орнаментальные похожие на драконов львы на задних лапах встроены в затканые людскими фигурами опоясывающие храм фризы. Женские персонажи инициативны и равноправны в любви. Восхитительны второстепенные скульптуры упитанных, но изящных низших божеств, асур, вытаскивающих занозу из стопы — стопу они держат, как цветок, — или подводящих глаза, любуясь собой в зеркальце и лукаво кося в сторону отсутствующих столетиями зрителей. Несуществующий взгляд их каменных глаз удивитель-

но осязаем — скульптор разворачивает глазное яблоко так, что поймать взгляд не составляет труда. Иногда взгляд выстраивается поворотом головы проказницы, верхней частью изогнутой позвоночной колонны и натянутой как струна опорной ногой. Сзади пяточка стоит уверенно, как точка восклицательного знака. Густо заселенные фризы — приключенческий роман из жизни ведических героев. Витиеватый ритм вносит порядок в кажущуюся неразбериху, отстукивая интервалы и повторы, ниши и выступы. Вертикальное и горизонтальное решетчатое членение на перегородки и пьедесталы удерживает пульсирующую массу от желания пуститься в пляс. Персонажи так энергично западают на опорную ногу — таз развернут под одним углом, плечевой пояс — под другим, что от их поликлетовского хиазма¹ стены ходуном ходят. Азарт и восторг стиля, который только сию минуту сформировался. Ни официоза становления и расцвета, ни помпезности увядания ему не предстоит пережить. Фигуры по стенам вытесаны из камня вместе с пьедестальчиками-подставками: мы, мол, ведем себя как живые, но сами-то хорошо знаем — мы из камня. Обычно песчаник не поддается шлифовке, и его матовая текстура много благородней и целомудренней мраморной слизи — эротические горельефы лишены физиологичного натурализма. Он был бы невыносим при избыточном скоплении фигур, а так скромность материала и немалая доля стилизации задают орнаментальный ход происходящему.

Что значило для артели каменотесов и ремесленников соответствие энергии их творения космической энергии? Каждый камень освящался перед подгонкой, и только после этого скульптор принимался за работу. Он делал святое дело. Он

¹ *Поликлет* — древнегреческий скульптор V в. до н. э.; *хиазм* — изображение человеческой фигуры с переносом центра тяжести на одну ногу.

трансформировал сексуальную энергию ритуальных оргий, игравших важнейшую роль в отправлении ведического культа, в космическую. Форма молитвы в монотеистических религиях иная, но и она обращена в небо. Сакральная доминанта, скорее всего, останется непонятой современным зрителем, ему вполне достаточно богатой пластики и увлекательного нарратива. Ревнителю единобожия, напротив, не придают никакого значения исключительным художественным качествам скульптур, для них это идолы и «мерзость в глазах Господа». Храмы выглядят монументальными, хотя они невелики. Аберрация зрения осуществляется за счет размера скульптур не больше метра: стоит подойти к ним туристу, как его рост 170 см (такова высота стаффажной фигуры, по Ле Корбюзье) возвращает храм к настоящим пропорциям. Да уберутся шедевры сегодня, как много веков назад, от руки недоброжелателей.

Что до Аурангзеба, то свое крупное поражение правитель понес не на военном поприще. Одержимый добровольным аскетизмом и расчетливостью, падишах зря вздумал тягаться со своим расточительным отцом. Вероятно, он страдал любимым психологами фрейдистского толка комплексом сыновьего отрицания отцовского авторитета до полной самоиндификации с ним. Он тоже построил мавзолей Биби-Ка-Макбара своей главной жене, но усыпальница создает впечатление пародии на Тадж-Махал. Владыка мира не знал, что тягаться с шедеврами бесполезно. В период строительства мемориала империя переживала финансовый расцвет. Похоже, скупость правителя не имела отношения к его реальным возможностям. Фанатикам что ислама, что коммунизма роскошь, как известно, ни к чему — они сыты идеей. В результате все, что в процессе строительства можно было урезать, было урезано. Ведущий к усыпальнице пруд так мелок, что пройти по нему аки посуху не составляет

труда, мрамора из раджастанских каменоломен едва хватило на облицовку фасада лишь на высоту человеческого роста. Инкрустация самоцветами отсутствует, что стало поводом для проклятий старателей-грабителей. Их презрение к шаху было велико и месть беспощадна; они-то и прозвали новый мавзолей «Тадж-Махалом для бедных». Прозвище прижилось. Чувство острой нежности, которое возникает при любовании настоящим Таджем, сменяется здесь меланхолией и растерянностью.

Во время своей знаменитой экспедиции по Индии Николай Рерих оставил дневниковую запись о том, что последний из Великих Моголов тащил из дворца и тайно продавал облицовочные инкрустированные панели. Бахадур Шах II, полностью «Сирадж уд-Дин Абу-л-Музаффар Мухаммад Зафар», завершивший собой династию, упраздненную колонизаторами, был ничтожным правителем, малодушным предателем — возглавив мятеж против англичан, он выгородил себя за счет казненных сыновей — и крупным национальным поэтом, писавшим на языке урду. «Я Зафар, я никем не возлюблен, / Потому что мой корень подрублен».

У каждой дороги своя карма. Эта несет на себе плотный поток вообразимых и нет транспортных средств. Лавина прошита движением вдоль и поперек. Фантасмагорию усиливает сохранившееся от англичан левостороннее движение. Все происходит в огромном зеркале. Крупные автобусы держатся своей полосы и, чуть переместившись вбок, освобождают малое пространство, которое тут же заполняется шныряющими мотоциклами и мотороллерами. Задняя стенка обшарпанного автобуса едва держится на шурупах и хлопает, как дверь на ветру, приоткрывая забитый мешками отсек. На мешках спят люди. Их худые ноги равнодушно покачиваются в такт движению. На хлопаю-

щей стенке с внешней стороны нанесена темно-красная свастика с овально скругленными концами и четырьмя точками по сторонам крестовины — древний индуистский солярный символ счастья. Мотоциклист держится на расстоянии хлопающей стенки от впереди идущего автобуса; на заднем сиденье боком сидит женщина в сари, оба без касок. Шлейф сари хлещет о колесо мотоцикла, рискуя превратиться в удавку Айседоры Дункан. Мотоцикл впритык к соседнему: женщина на заднем сиденье левой рукой прижимает к себе грудного ребенка, ладонь правой лежит на спине мужа-водителя, спина прямая, покачивается всем телом в такт движению, будто исполняет ритуальный танец. К ним притерт мотоцикл с коляской, в ней — превосходящая по объему мотоцикл и коляску вместе взятые гора мешков с чем-то легким — кукурузными початками или с бобинами для ниток, перехваченная бечевкой, на ней сидит поглощенный мобильным телефоном подросток; босыми стопами наездник энергично придерживает расплзающуюся гору, темным подвижным силуэтом читается на фоне белых мешков. Грузовик несется вперед с отрывом в несколько сантиметров от автобуса. В кузове, плотно прижавшись друг к другу и образуя единый брусок, стоят мужчины в лохмотьях, видимо сельскохозяйственные рабочие. Они похожи на повстанцев, но без оружия. Металлический костяк когда-то крытого брезентом кузова сохранился, ветер яростно рвет ленты-ошметки брезента, уподобляя их змеевидным стягам. Сзади над кабиной — пристройка, на которой по обе стороны сидят, по-турецки сложив ноги, еще двое; их головы замотаны чалмой из ветоши, отрешенный взгляд, смуглые худые руки впились в металлические прутья каркаса. Перед грузовиком, как эскорт, — стая сикхов-мотоциклистов в чалмах глубокого синего цвета прекрасной скульптурной формы. Такая чалма вмещает увесистый узел волос и не обматывается

вокруг головы, а надевается как дамская шляпка. Опознавательный знак сикхов — стальной браслет на запястье. К ним сбоку притерт экскаватор, грохочущий всеми суставами. Его зубастый ковш дребезжит сзади над кабиной водителя. С ковша свисают стебли и корни какого-то растения с налившимися на них комьями земли — как макароны из пасти чудовища. Девушка — мотоциклистка в брюках — лавирует между сикхами и экскаватором. Ее руки затянуты в матерчатые перчатки, нижнюю часть лица прикрывает завязанный на затылке светлый платок. Перчатки предохраняют руки от загара, платок — легкие от выхлопных газов. Слева от дороги пропасть. По ее краю деревья растут так, что их стволы и кроны нависают над пустотой. По-над кронами, почти не касаясь веток, летит свора длиннохвостых обезьян-лангуров. Крупный самец не пружинит перед прыжком, а вырывается вверх при помощи хвоста и легко и плавно несется вперед. За ним, вульгарно переругиваясь между собой и вертя головами, скачут по воздуху самки, каждая со своим шахзаде под мышкой. Лангур в прыжке красив, как гаргуля собора Святого Вита в Праге, распластанная на высоте параллельно мостовой.

Начинается дождь. Первые капли размывают пыльное покрытие дороги и делают его скользким. На обочине навалена гряда кокосовых орехов, возле нее останавливаются мотоциклы и такси. Сидящий на корточках продавец обстругивает орех тесаком, держа его в руке, прокалывает мягкую внутреннюю оболочку пластмассовой соломинкой и подает покупателю. Отработанные орехи сбрасываются в лужу. Жидкое ядро кокоса имеет вкус тошнотворной микстуры и считается питательным и животворным, как больничное вливание.

Ущелье осталось позади. На противоположной стороне дороги идет какой-то ремонт и движутся фигуры. Сценка стремительно приближается, и можно разглядеть, что это группа

людей, возможно семья, подрядившаяся на мелкие дорожные работы. Идет перекладка бордюра. Мужчины энергично размахивают руками — руководят процессом; одетые в сари женщины переносят на голове корыта замешанного бетона и корзины с камнями. Чем тяжелее ноша, тем прямее шея и царственной походка. В двух шагах от них на земле играют дети. Через несколько секунд ремонтные работы остаются далеко позади и скрываются из виду. Темнеет мгновенно. Южная ночь не знает вечерних сумерек. Грузовик, его кузов представляет из себя сцену, почти весь объем которой занимает скульптура красивого и толстого бога-слона Ганеши, сына Шивы и Парвати. Праздник чествования бога-слона Ганеши подходит к концу, и скульптуру везут топить. Она сделана из легкого синтетического материала и со вкусом, принятым считаться безвкусицей, и нарядно раскрашена флуоресцентными красками. Крупная голова, широкая переносица, очень красивые раскосые, широко расставленные глаза, огромные слоновьи уши, и на голове кокошник-корона. Один бивень сломан: им Ганеша записывал Махабхарату за поэтом Вьясе. Хобот лежит на круглом животе. Это любимый всеми бог удачи, бог мудрости и благополучия. У его ног на дне кузова примостились несколько человек, видимо владельцы статуи-временки. В потоке попадают обычные такси. На заднем сиденье — две мусульманки в бурках. Видны только глаза и кисти рук женщин, и этого достаточно, чтобы заметить, что солнце пустыни жгло и сушило их плоть много поколений. У одной на коленях — девочка, тоже смуглая, но одета в шортики и маечку с Микки Маусом, на голове — жизнерадостные хвостики. С наступлением темноты зажигаются все фары.

Разделительная полоса клином врезается в несущийся ей навстречу поток машин. На полосе — груда тряпья и хлама. Высвеченная на секунду, она оказывается спящими нищими, со-

гнутые конечности которых легко принять за отполированные ножки и подлокотники сваленной в кучу поломанной мебели. В нескольких шагах от них, присев на корточки, испражняется другой нищий. Разделительная полоса становится шире. Теперь на ней умещается заборчик, на котором сушится под дождем вконец истрепанная одежда: джинсы, от них осталось немного ткани и швы, распухшее пальто, свитер сплошь в дырах и заплатках. Эта ветошь сильно напоминает особо дорогую одежду для талантливых художников и богемы в бутике рядом с Пятой авеню в Нью-Йорке. Возле нищих сбилась стая меланхолически настроенных собак. Разделительная полоса вырывает на двухполосное движение и образует встречный поток. Включенные фары слепят водителей обеих встречных лавин. Вслепую, как летучие мыши, они проделывают опасные повороты и продолжают свой неистовый путь. Все, что движется в плотном потоке, обозначает свое присутствие гудками разнообразной тональности и силы. Автобусы ревут, как слоны, мотоциклы пищат (хотела написать «как крысы», но зачем обижать мотоциклистов — им и без того очень трудно). Вся масса машин гудит одновременно и непрерывно. Гудки не создают симфонии — они сливаются в единый мощный вой нетерпения и тревоги.

Водоворот перекрестка и ответвление на проселочную немощеную дорогу. Здесь все несутся навстречу друг другу в неизбежности лобового столкновения, успевая уклониться от него в последнюю секунду. На этой дороге иные виды транспорта и иная гармония хаоса. Здесь снуют стаи миниатюрных крытых кибиток-колясок, похожие на насекомых крошки-такси и велорикши. Пешеходы переходят — не перебегают — дорогу при не сбавляющем скорости транспорте, лавируя между машинами, как канатоходцы. Быки и коровы лежат на проезжей части, их объезжают, не задевая. Белые быки с крашенными красной и си-

ней краской крупными, прекрасно изогнутыми рогами запряжены в повозки, груженные всем чем угодно, от домашней утвари и клетей с живностью до коробок с электроникой. Поперек дороги стоит черный буйвол. У этого рога в основании кажутся расчесанными на прямой пробор. Издали ночью он смотрится черным провалом в светящейся кутерьме. Освободившееся перед буйволом пространство заполняется обезьянами. Нет, это не обезьяны — это дети ходят на руках, так и подбегают к несущимся машинам, держа пальцами ног площадку для подаяния. Буйвол медленно поднимает хвост и обдает мощной струей брандспойта проносящиеся мотороллеры; влажные лепешки плюхают под колеса. Через несколько секунд от них не остается следа. По обе стороны дороги выстроились лавки, парикмахерские, зубодерные кабинеты, чайные, портняжные, сапожные — тесные коробки, иногда полностью забитые товаром, передняя стенка которых отсутствует, походят на маленькие освещенные сцены. Актеры в коробках вытанцовывают пантомиму, звук отключен за ненадобностью. Его неизбежно поглотит настигающий вал дорожного шума. Фигуры мелькают дробно, как в немых фильмах начала прошлого века: зубодер снимает мерку с цирюльника, а портной разливает чай масалу, густую белесую сладкую жидкость, в маленькие керамические чашечки. Здесь же под ногами груды черепков. Но лавки мгновенно отодвигаются вглубь, и на первом плане — плотная толпа мужчин; они стоят, ничем не заняты, говорят о политике или о чем-то еще. Снова вереница лавок, и в каждой горит свет и толпятся люди, и каждая разувешена рекламой. Буквенная вязь соседствует с портретами любимых киногероев Болливуда. Сполох на миг высвечивает на скорую руку сметанные из цветастых тряпок палатки табора, которому подобает быть цыганским. Яркие глубокие краски этих тряпок: темно-бутылочный, красно-бордовый,

ярко-бирюзовый — юбки такой расцветки носят цыганки на севере Бессарабии. По дороге катит вереница машин, спешащих к реке, они завершают праздник Ганеши весельем. В ковше экскаватора перевозился недавно бетон. Сейчас ковш превращен в танцевальную площадку дискотеки, на которой под перекрывающую все гудки разом оглушительную музыку отплясывает народ. Веселье так бурно, так естественно, что наверняка не обошлось без наркотиков. Танцующие бросают в воздух зеленый и розовый порошки, и они смешиваются с тучами бетонной пыли, оседая на их счастливые головы. Кроме пигмента яркий порошок содержит вещество, уничтожающее разных насекомых, переносчиков хворей. На движущейся рядом повозке установлены динамики по три с каждой стороны. Диджей-мужчина и женский инфантильный голосок поочередно заступают, держа изматывающий ритм. Рядом еще грузовик и еще, и еще. Они гружены различными по размеру и по материалу скульптурами Ганеши, чей срок вышел — их везут бросить в реку. Некоторые скульптуры сделаны мастерски, другие — аляповаты, но все будут утоплены. Те, что из глины, растворятся и осядут на дно, синтетические всплывут толстыми животами кверху или застрянут в трубах сточных вод. За праздничной процессией семенил буколический ослик, груженный хворостом, рядом с ним мотороллер, за рулем толстая пожилая женщина, на заднем сиденье дородная молодая пассажирка сидит боком, обе в сари, за рулем — в белом, значит вдова. К мотороллеру приторочены кули с покупками. Наперерез движению — похоронная процессия, во главе которой шествуют барабанщики, за ними — грузовичок, весь увешанный гирляндами цветов, в кузове покойник, обернутый, как конфета в фантик, в блестящую золотую фольгу, перехваченную бечевкой, и родня. Дорогу переходит благообразный старик в очках, в чесучовой свежееотглаженной рубашке,

нижняя часть тела обмотана старым полотенцем, босой. На обочине кто-то местный собирает беспомощных туристов — перевести их через дорогу. Калека, распластаный по земле, бросается под колеса и, лавируя, как опытный пловец, выныривает на другом берегу. Старое, чудом выжившее дерево на середине дороги, где ему быть не положено, могучий ствол высвечивается на секунды и мгновенно остается позади. Над дорогой арка, сплетенная из бамбука, перевитого веревками. Бамбук крепится к двум телеграфным столбам по обеим сторонам дороги. На арке резвятся макаки. Одна с гиканьем крутит над головой сумку, открывает ее и, попробовав на зуб каждую вещь, вытряхивает содержимое под колеса проезжающих под аркой телег. Обезьяны умеют пользоваться привилегиями священных животных. Въезд в деревню, ухабы, болотистые лужи, арыки, забитые грязью, огромные кучи органического мусора, густо пересыпанного не гниющей пластмассовой нечистью. Обрывки оберточной фольги искрятся драгоценным металлом. Мусорные горки исходят паром. На них копошатся черные свиньи. Крупный черный кабан в облаке розовой шерсти-опушки стоит неподвижно на вершине кучи как памятник самому себе. Жалкие недостроенные бетонные домики, двери открыты настежь или вовсе нет дверей, только проемы, на полу в полутьме сидят женщины в сари изысканнейшей расцветки и перебирают бобы. Насыщенный ультрамарин их одежд в рискованном и точном сочетании с благородным в терракоту оранжевым, спокойным сиреневым и теплым праздничным желтым подобен окраске глубоководных рыб Красного моря. В дверном проеме соседнего дома в глубине комнаты мерцает экран телевизора, на экране показывают мечту, видны сосредоточенные спины полукругом сидящих зрителей. Снова проселочная дорога, более ухоженная, чем при въезде, по обе ее стороны растут пальмы. Фары ополаскивают

светом небольшое строение из черного базальта, после дождя камень кажется умащенным жиром. Каменные высокие ступени, на высоком цоколе расставлены украшенные рельефами колонны. В плане угадывается квадрат или мандала. Внутреннее пространство разомкнуто — стен нет. Древний заброшенный индуистский храм.

Покойников кремируют в предназначенных для этого гхатах на берегу Ганга, то, что осталось, сбрасывают в реку. Здесь же копошатся, ныряют и шарят руками в мутной воде люди: они ищут не сгоревшие, бывшие на покойнике и оброненные украшения. Гхат Харишчандра в Варанаси похож на огромный древесный склад: средней толщины сухие стволы и ветки аккуратно сложены на берегу штабелями и переполняют покачивающиеся на воде лодки. Покойников, обернутых в золотые и серебряные праздничные, сверкающие на солнце ткани, приносят на бамбуковых носилках и взвешивают, чтобы по весу отпустить родственникам дрова для костра. Этим занимаются парии из низших каст, стоящие вне каст, те, которым заказан вход в храмы, дабы не осквернили свято место своим присутствием. Перед сожжением они окунают спеленатый труп в воды Ганга. Горят одновременно несколько костров, и еще несколько тлеют. Тело помещается между двумя штабелями дров. Видны стопы и макушка кремируемого. Самшит и баньян — самые дорогие сорта дерева. Погребальный костер из них доступен только богатым семьям. Никакой скорби, никаких рыданий над усопшими. Никакого горя. Но и оскорбительной коммерческой суеты тоже нет. Перевозка покойника для пересекающих иногда всю страну родственников стоит дорого, и потому старики приезжают сюда заранее и, с целью экономии семейных средств, ждут смерти на месте. Кроме финансовой их предварительное прибытие обусловлено и духовной причиной: кончина на берегу

Ганга считается большой удачей, она кладет конец мучительной цепочке реинкарнаций. В старинном здании рядом с гхатом им отведена специальная крытая терраса. Ни мебели, ни одеял, ни съестного. На недавно вымытом каменном полу лежат несколько тощих смуглых стариков в набедренных повязках; один, складная деревянная сломанная игрушка, брошен в углу. Двое молодых индусов подходят к лежащим и уносят угасшего, легкого, как мятый лист картона. Немного поодаль от стариков неподвижно сидит старая женщина, завернутая в ветошь. Я ловлю на себе ее живой любопытный взгляд.

Застолбил территорию — точнее не скажешь о царе Ашоке из династии Маурьев. Правитель расставил каменные колонны-столпы по всей своей гигантской империи. Некоторые из них стоят по сей день. Навершия колонн образуют анималистические капители. Прекрасно отреставрированная сохранившаяся четырехглавая Львиная капитель из Сарнатха стала эмблемой Индии. Львиные головы сочленены сзади. Они строго идентичны и обращены на четыре стороны света. Лапы опираются на барабан-абаку, и вся верхняя часть капители — на лотос в полном цвету. Лев — символ Будды, лотос — чистоты и Будды. Нежнейший цветок произрастает в смрадной болотной жиже. Капитель сработана из редкой красоты и плотности чунарского песчаника и виртуозно обработана. Полировка, осуществленная агатовым напильником, поразила меня не менее работы скульптора — и та и другая превосходны. Скульптор и полировщик, скорее всего, одно лицо. Тугая форма капители наполняет вибрацией пространство вокруг себя, заставляя его звучать, как звучит поющая тибетская чаша. За армией Александра Македонского пришли в Индию среди прочего античного люда и мастера скульптуры. Их влияние весьма ощутимо в Элефанте и Аджанте. Но греки остаются непревзойденными масте-

рами человеческой, особенно мужской, фигуры. В изображении животных и женщин мастера Востока превосходили их. Пластика округлого женского тела перенесена ими на Будду в позе лотоса и на Шиву, исполняющего ритуальный танец. При дворе Ашоки работали скульпторы из долины Инда, продолжавшие звериную традицию древнего Вавилона. Колонна была разбита в XII веке турками, успев простоять к моменту своего падения более тысячи лет, но изрядно покалеченная капитель сохранилась — валялась, забытая, в куче бесценного исторического щебня. Интенсивный цвет и текстура камня походят скорее на яшму или сердолик, чем на песчаник, а китайский путешественник VII века Сюаньцзан принял материал за нефрит. Обработанная зеркальная ликующая поверхность позволяет читаться линиям контура, новым при каждом новом витке осмотра. Моих любимых атлантов Эрмитажа — но то сердобольский гранит, плотность которого позволяет полировку, — напомнил мне шедевр в Сарнатхе. В обоих случаях «красота — не прихоть полубога, / А хищный глазомер простого столяра». И как на Львиной капители, на эрмитажном портике — абсолютная идентичность сработанных вручную, но нерукотворных фигур, и крестовина в плане. Огромные стопы атлантов располагаются на уровне глаз зрителя так, что выточенными каменными пальцами ног можно любоваться вблизи и даже прикоснуться к ним, тогда как лица гигантов кариатид и согнутые в локтях руки находятся на недосягаемой высоте. Крест в плане и головы-морды, крестообразно развернутые в пространстве, — это еще и четырехликий херувим из Библии, тетраморф: лев, бык, орел и человек. Но в отличие от материально осязаемой капители «образ» существует только в словесном описательном варианте. Запрет на его изображение строг. И действительно, никто не дерзнул изваять его. Затаился образ и ждал... меня. Но то ли ответственности

испугалась, то ли каркас плохо сделала, но принялась моя почти готовая скульптура из плотного воска трещать и разваливаться точно по тем же швам, по которым ее развалили евангелисты, тоже убоявшись, надо полагать, библейского запрета. Марку достался лев, Луке — телец, Иоанну — орел, Матфею — человек-херувим. Все четверо крылаты и увенчаны нимбами. Четырехликих зверей-херувимов из Книги Иезекииля скульптору воплотить не по силам, да никто и не берется — здесь нужна панорамная съемка. Мощное, описанное пророком, видение сотрясают вселенские громы. «Раскаты слышим, но не видим лика» — строка из ведического гимна как нельзя более уместна здесь. Пересказывать библейский отрывок своими словами недопустимо, а цитата слишком громоздка. Читайте первые строфы из Книги Иезекииля (Иез. 1:4–28; 10:14 и 41:19).

Ашока из династии Маурьев почитается буддистами как распространитель учения. Ошибочно считать, что он сделал буддизм государственной религией; нет, царь Пиядаси Любимец богов (таково личное имя Ашоки) воздержался от такого шага, не желая ущемлять другие верования. «Чтобы не было восхваления собственного вероучения и порицания чужого» и «чтобы всюду процветали все верования». Если судить об императоре по его эдиктам, выбитым в камне на колоннах и скалах, и не заглядывать в предысторию, то Ашока видится святым. Любимец богов призывает своих подданных к добру, всепрощению и скромности: «Мало тратить и малым владеть — доброе дело», и выступает защитником животных. Царь упразднил касты и тем самым покорежил иерархический строй общества. Затем упразднил бешеную забаву, охоту, и запретил жертвоприношения богам. Предыстория же такова, что только после умерщвления девяноста девяти сводных и родных братьев, многолетних завоевательных войн, унесших жизни сотен тысяч воинов, не считая погибших

от голода и угнанных в рабство, император увлекся буддизмом и впал во вдохновенный пацифизм. Неужто и впрямь раскаявшийся грешник дороже Господу, чем праведник? Призывая к умеренности, император велит воздержаться от излишнего употребления живых тварей в пищу, дескать, в дворцовой кухне режут для трапезы «двух павлинов и всего одну антилопу, да и эту антилопу не всегда». Сей пример монаршей гастрономической скромности выбит в камне на века. Царь выступил с воззванием против ритуалов, церемоний и пиров и вовсе отменил празднества, многодневные языческие, недобрые яркие и кровавые празднества. Этого народ не стерпел. Колонны, символы царской власти, подверглись разрушению еще при жизни правителя, тем более после его смерти с падением империи попадали и многие державные столпы. Проповедь умеренности, сострадания и кротости сгубила могущественную династию Маурьев.

Израильская поэтесса Ципи Левин Бирон живет в Бомбее и пишет на иврите об Индии. Вот мой подстрочник ее стихотворения «За шесть дней был создан Хиндустан». «В первый день был создан махараджа, и воссиял свет над миром./ Во второй день были созданы брамины, что отделили верхние воды от нижних вод./ И присвоили себе созвездия, и натянули своды небес. / В третий день были созданы воины, что заселили землю животворящую и солончаки./ В день четвертый были созданы купцы, что зашумели на ста двадцати семи языках./ Продолбили серебряные жилы, пустили золотые руды по воде / И узаконили на весах фальшивые камни./ В тот же день привезли рабов в шейных колодках из Сахары / Изобретать города и башни, и крепости./ В пятый день были созданы слуги и хранители порога, живущие в конурах,/ И давай будить Бога,/ Ведь под ними уборщики, головы их зажаты меж колен,/ И под ними ползающие в кучах соломы,/ И под ними роющие канавы по обочинам

дороги,/И под ними впрягающие себя в груженные телеги,/И все они воспели Господа мощным голосом,/Ведь под ними роющиеся в отбросах,/И под ними клянчащие на перекрестках,/И эти благословили и славили,/Ведь под ними изувеченные немые без голоса не в силах просить милостыню./И еще под ними днища и днища./Я их не вижу, не вижу, не знаю о них ничего./И в день шестой были созданы боги животных./Ганеша — слон, запряженный для полевых работ и потопленный в море./И ее величество корова, отрыгивающая жвачку в божественном равнодушии/(благослови, Боже, корову и помести ее в индуистской части Мумбая)./И Хануман-обезьяна, одержимый дрожью покоя, как мои мысли,/Не обузданные йогой,/И павлины, что спустились в мир, струя гордый свой хвост по земле,/Как шлейф сари по спинам женщин./В тот же день были созданы пустогорбые верблюды Раджастана,/Труженики кривой и прямой дороги, созданные, чтобы выжить в пустыне./Конь и всадник созданы вместе, /Как дилемма Индии: быть носильщиком или ношей,/И хлипкая преграда между ними,/И была сотворена ненависть змеи кобры к заклинателю,/И съежилась сонная в лукошке,/Пока танец не обуздает ее./И большой попугай вылутился из тьмы первозданного яйца/И давай выкрикивать намеки и предсказания./На седьмой день главное еще не было сделано,/Жаркий пар поднялся из почвы Хиндустана, расслабил руки и запутался в опахалах./Все осталось клубнем хаоса и мыслей./Ресурсы испарились на взятки./Махараджа мой воспарил в позе лотоса, отведал с маслину от чатни¹,/Наморщил нос и изрек:/ПЛОХО».

Библейская динамичная, распластанная во времени неделя (на седьмой день Всевышний забастовал, суббота и забастов-

¹ *Чатни* — острая индийская приправа из овощей и фруктов.

ка — одного корня) сопрягается здесь с линейной статичной ведической схемой сотворения мира от головы до пят — так сплетены две богатейшие культурные кодовые системы. В первый день был создан махараджа, заметьте, раньше, чем воссиял свет над миром. Далее день за днем автор творит жестокий и цветной мир Хиндустана. Ну а я пишу подстрочник на русском и так добавляю еще один культурный слой к двум уже имеющимся. Акценты сами собой смещаются, идиомы теряют свое первоначальное значение и превращаются в поэтические образы. Выстроенный и выстраданный мир поэт рушит с убийственным юмором. Ни улыбочки, ни смешка в стихе нет, все серьезно, тем оглушительней хохот катастрофы. Всевышний как художник, гордый своим творением, шесть раз с удовлетворением отмечает, «что хорошо». Ай да Пушкин! Махараджа, наморщив нос, один раз — «ПЛОХО». Так что там происходит с идиомами — устойчивыми выражениями из еврейских священных книг? Некоторые из них так прочно вошли в иврит, что поэтесса их вроде и не замечает. «Верхние воды» и «нижние воды» — каббалистическое понятие, целый мир. Верхние мужские и нижние женские, разлученные, плачут. Это и есть круговорот воды в природе не без эротической коннотации и вечного оплодотворения. «Головы их зажаты меж колен» — в Талмуде поза крайнего неудобства и скорби. «Жаркий пар поднялся из почвы Хиндустана», а вот как в Книге Бытия: «И пар поднялся с земли и увлажнил лицо земли». «Отведал с маслину» куда как лучше, чем отведал немного или отведал самую малость. Образ? Ан нет. На языке талмудистов — минимальный объем съестного, над которым можно произнести благословение. В стихотворении россыпь реалий из индуистской мифологии, растолкую некоторые из них. Сначала порядок каст: брамины-священнослужители, за ними воины, потом торговцы и последние — слуги. Индуизм

игнорирует время их сотворения. В стихе создание каст нанизано на библейские четыре дня творения. Каждой касте — по дню. Так когда же были созданы низы общества? Никогда! Дня на них оказалось жалко. Создание богов-животных выпадает на шестой день. «Ганеша — слон, запряженный для полевых работ». Слоны, ценные животные, использовались на строительстве, к примеру Таж-Махала, и в бою. Слон на полевых работах — это жалкая нелепость. «Хануман-обезьяна, одержимый дрожью беспокойства». Бог Хануман был укушен скорпионом, и с тех пор он всегда ерзает и сучит лапами. «Махараджа мой воспарил в позе лотоса». Поза лотоса — это поза Будды. Как в начале, так и в конце стихотворения махараджа, несомненно, и есть Творец.

Каменная высокая лестница так крута, что я не взбираюсь по ней и уж точно не восхожу — я по ней ползу, руками хватаясь за верхние ступени и скользя босыми ногами. В обуви в храм не заходят. Перил нет. Индуистская культовая архитектура обходилась без них. Наверху мне предстоит обогнуть храм по узкому внутреннему коридору, касаясь телом стен, затканых культовой скульптурой, и очутиться в тесном сакральном внутреннем пространстве, в центре которого установлен каменный Шива Лингам. Влажно, душно, пол грязный, в выбоинах вода. Зал полон пожилыми безбородыми полуобнаженными мужчинами, нижняя часть тела которых обмотана не то полотенцем, не то просто тряпкой. Смуглые гладкие плечи, животы, затылки. У некоторых через левое плечо переброшен шнурок — знак принадлежности к касте браминов. Бормотанье. Женщины сидят рядом со скульптурой и поливают ее белесой вязкой жидкостью, похожей на тесто для блинов, молоком и йогуртом из нейлоновых пакетов. Жидкость стекает с Лингама и по открытому желобу выте-

кает из помещения. Скульптура представляет из себя каменный, чуть зауженный и скругленный сверху столб в половину роста человека — это фаллос бога Шивы. В нижней его части на высоте тридцати сантиметров от пола — плита овального абриса с желобом в центре — «йони», вагина Парвати. Конструкция из столба (вертикаль), насаженного на плиту (горизонталь), означает божественный сексуальный акт. Грошовыми уменьшенными копиями Шива Лингама заставлены все сувенирные лавки вблизи храма. Скульптура удивительно напоминает рабочую модель диковинного космического корабля на старте.

ДИНАСТИЯ ШТИГЛИЦЕВ

«Сечь, переименованная селом Покровским, подарена бывшему тогда генерал-прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому при 200,000 десятин земли. Впоследствии времени сии 200,000 десятин заселены 3,000 душами и наследниками князя Вяземского проданы жиду Штиглицу, соделавшемуся коллежским ассесором, нажившим необъятную сумму денег от содержания им на откупу соляных озер в Тавриде. Таким образом Штиглиц соделался первым в краю помещиком. Такова Россия для бродяг: кто бы смел подумать в прежние времена сказать запорожцам, что их милая Сечь будет со временем принадлежать жиду!...»

Пассаж из доклада «Примечание Александра Пишчевича на Новороссийский край», датированного 1806 годом, появился на экране моего компьютера, когда я собирала материал для повести о запорожских казаках и краденых в украинских местечках еврейских девушках. По деловой хватке я тотчас распознала одного из «наших» Штиглицев. Купить Сечь, согласитесь, не слабо!

Купчая, однако, в Сенате легализована не была. Этому воспрепятствовал поэт Гавриил Романович Державин, бывший в 1802 году министром юстиции. Согласно действующим законам Российской империи, евреям не дозволялось владеть христианами. Державин: «...дабы евреи деревнями и помещичьими крестьянами ни под каким названием и наименованием отнюдь не владели и не распоряжались». Лапсердак еврейства был тесен немецкому предпринимателю Николаусу Штиглицу и трещал по всем швам, но он не спешил менять его на светское

христианское платье, и только через одиннадцать лет после покупки у вдовы князя Вяземского огромного имения в Екатеринославской губернии, когда богатство уже было сколочено и связи в верхах выстроены и, казалось бы, отход от иудейства потерял свое стратегическое значение, Штиглиц в 1812 году принял крещение в лютеранскую веру.

Как же сложилась ситуация, при которой еврей мог купить земли Сечи? Запорожские казаки, будучи испокон веку людьми царя, изменили короне и поддержали восстание Пугачева. В наказание за измену Екатерина II лишила их вольностей, согнала с земли, Сечь была обложена и переименована в село Покровское, а казаки «пошли под турка». Казачество, поставленное буфером между югом России и крымскими татарами, обвинили и в том, что оно попустительствовало татарам и та доходила до самой Белокаменной. В 1775 году Потемкин пригласил колонистов, евреев в том числе, на освободившиеся земли, в 1777-м предложил поселенцам занимать брошенные казаками дома и освободил их от уплаты налогов сроком до семи лет. Приобретая земли милой сердцу казаков Сечи, Штиглиц, по всей вероятности, не задумывался об исторической мести за еврейские погромы. Это был поступок олигарха в период накопления первоначального капитала — ни мести, ни морали, ни жалости. Правила игры — они и есть законы морали, их, и только их, надлежит соблюдать. Абсурд — обидеть пешку, сбросив ее с доски, или пощадить коня из любви к чистопородным скакунам, или сбересть королеву противника из, скажем, почтения к монархии. Уже свои первые ходы в России гроссмейстер делает на нескольких досках одновременно, и это станет фамильным почерком всех последующих Штиглицев. Тем более любопытно, что Державин в частном письме советует некоему своему неудачливому знакомцу обратиться за помощью к Николаю (так

его стали именовать в России) Штиглицу, человеку честному и отзывчивому.

Земли Сечи — имение Штиглица — затопили воды Каховского водохранилища при пуске в действие Каховской ГЭС в 1956 году. Все ушло на дно.

Николаус был одним из шести сыновей еврея Лазариуса Штиглица, служившего при дворе князя Вальдекского. Записи о рождении детей Лазариуса сохранились в синагогальных книгах немецкого городка Арользена земли Гессен. После смерти мужа в 1798 году вдова Федерика-Луиза продала семейный дом, разделила вырученную сумму между сыновьями и переехала жить к брату. Николаус и двое других братьев отправились в Россию, где они надеялись найти применение своим способностям. В Арользене в Вальдекском замке есть музей семьи Штиглицев. Но не он, а внушительной архитектуры дворец в Соляном переулке в Санкт-Петербурге, построенный в 1876—1881 годах крупным российским меценатом бароном Александром Штиглицем «для обучения техническому рисованию лиц обоего пола», и Музей прикладного искусства при нем прославили имя «Штиглиц». Училище, задуманное как учебное заведение по подготовке художников для текстильных мануфактур барона, уже на стадии архитектурных чертежей превзошло первоначальный скромный замысел и разрослось в империю, а музей, для которого меценат собрал пятнадцать тысяч западноевропейских произведений прикладного искусства, стал одной из самых богатых коллекций в Европе.

Соляной городок, Соляной переулок, соляные озера в Тавриде, соль как основа семейного финансового процветания. На соли создавался фундамент славного училища. На соли и на идеях германского еврейского просвещения Хаскала. Соляные копи в Крыму — адовы воронки, зрелище неземной красоты.

Маслянистая амальгама свинцовой поверхности озер, выбитые в соли ходы, ступени, террасы и траншеи, лоснящиеся соленым потом обнаженные тела рабов (кого же, если не рабов?), тележки, груженные слепающим на солнце драгоценным сырьем. В 1799 году Николаус Штиглиц вместе с компаньоном, херсонским купцом Абрамом Перетцем, получили на откуп добычу соли в Тавриде, и в 1801 году царь Павел I утвердил их монопольное право снабжать крымской солью юго-западные губернии. Очевидно, Штиглиц применил неведомые тогда в России новые удачные методы организации труда и сбыта продукта, которые принесли неслыханные барыши. Когда в 1803 году Державин и генерал-прокурор А. А. Беклешов добились признания Сенатом частной монополии на соль «промыслом вредным для державы» и прииски были отчуждены в пользу государства, оба компаньона были уже баснословно богаты. Настолько, что Николаус вскоре ссудил и перевел за границу на личные нужды взошедшего на престол Александра I тринадцать миллионов рублей и по желанию царя в 1809-м тайно финансировал партизанскую войну против Наполеона в Испании и Италии.

С Абрамом Перетцем Николаус встречался в берлинских кругах, исповедовавших идеи Хаскалы, привлекавшие молодежь. Хаскала настаивала на получении евреями наряду с традиционным религиозным светского образования, на свободном владении языком страны проживания, на проявлении ими лояльности к власти и преданности отечеству, на достойном труде. Перетц был женат на дочери раввина Иешуа Цейтлина, управляющего имением Потемкина. Благодаря его высокому покровительству Абраму достался на откуп соляной промысел, и он пригласил в компаньоны своего берлинского друга.

Упомянуть вскользь крупного раввина своего времени Цейтлина и не рассказать о нем — нельзя. Полиглот и харизматиче-

ская личность, знаток Талмуда, ученый-гебраист и сторонник еврейского просвещения, друг вдохновителя Хаскалы философа и теолога Мозеса (Моисея) Мендельсона, он был советником, финансистом и правой рукой князя Таврического. Приближенным светлейшего князя случалось наблюдать необычное зрелище: раввин Иешуа Цейтлин при бороде и пейзажах, в лапсердаке и ермолке и генерал-фельдмаршал Потемкин совершают неспешную конную прогулку, мерно покачиваясь в седлах и обсуждая отрывок из Талмуда. Во время этих прогулок Цейтлин даже убедил своего патрона создать еврейское государство в Палестине, но все, увы, кончилось ничем.

Когда младший брат Николауса Штиглица Людвиг, приписанный к гамбургскому купечеству, открыл свое дело и прогорел, Николаус пригласил его в Санкт-Петербург. Думаю, было удачей, что прогорел, — преуспей он в Германии, наверняка там бы и остался. Людвиг приехал в Россию в двадцать пять лет, зрелом по тем временам возрасте. Только что он потерял все свои деньги, изъяснялся на ломаном русском (в Геттингенском университете русский язык не изучали). И каким вы его себе представляете? Евреем в нечищенных ботинках под морозящим петербургским дождем, боязливо шарахавшимся от полицейских — как бы обратно домой за черту оседлости не отправили? Полноте! Ничего подобного! Людвиг прибыл в Петербург как представитель немецкого торгового дома Питера Клейна, своего дяди. Старший брат и дядя ссудили ему сумму, необходимую для основания филиала фирмы в Петербурге, и — снова неудача. Только с третьей попытки дело заладилась. Людвиг Штиглица можно считать олигархом второго поколения, ему не пришлось возделывать целину соляных промыслов и семейного бизнеса, а главное — ему достались связи в верхах, которыми он весьма грамотно воспользовался.

Компаньон Николауса херсонский купец Абрам Перетц вошел в петербургский фольклор крылатой фразой — «где соль, там и Перетц». Сын любарского раввина, он готовился к богословской карьере. Вероятно, он не был прирожденным коммерсантом и в 1812 году, подрядившись вместе с компаньонами на огромные поставки провианта для воюющей русской армии, обязательства свои выполнил, но обанкротился. В полицейских архивах города Николаева хранится дело от 1816 года о распродаже имущества Абрама Перетца. Нищета его представляется нам весьма относительной: он владел домом в столице и одно время сдавал его либералу и реформатору графу Михаилу Михайловичу Сперанскому. Перетц был другом и советником Сперанского и разработал основной план его финансовой реформы 1810 года. Немецкий был вторым (точнее, четвертым) родным языком Абрама, и это позволило ему познакомиться с идеями своего современника, немца барона Генриха Штейна, крупного реформатора и сторонника отмены крепостного права, и предложить Сперанскому перенести его идеи на русскую почву. Этим сотрудничество друзей не ограничилось. Они подали в Сенат проект реформирования православной церкви и проект по еврейскому вопросу, причем Сперанский настаивал на предоставлении евреям свобод и прав. Оба проекта не прошли.

Старший сын Абрама Перетца Гирш (Григорий) вошел в историю декабристского движения как автор тайного пароля, им стало ивритское слово «хейрут» («свобода»). Излишне сообщать читателю о переходе Перетца в лютеранство — это и так ясно. По сути своей протестантство и его старейшая ветвь лютеранство близки к иудаизму исповеданием Ветхого Завета. Крещение еврея в лютеранство считалось в обществе формальным шагом, обусловленным обстоятельствами.

После провозглашения Александром I манифеста, запрещающего иностранцам состоять в купеческой гильдии, Людвиг Штиглиц в 1807 году принял «вечное российской державы подданство», а в 1812-м тоже крестился в лютеранскую веру и женился на немке-христианке Ангелике Готшалк-Дюссельдорф, будущей матери Александра, который появится на свет в 1814 году. Любима Ивановича (он — Людвиг-Иоганн, по отчеству Лазаревич, но Любим Иванович — благозвучней для русского уха) как предпринимателя отличало панорамное видение политической и коммерческой ситуации, и он был тонким дипломатом. России он служил верой и правдой... и неправдой. Во время континентальной блокады Англии суда торгового дома «Штиглиц и К°» доставляли на остров зерно, традиционный русский экспортный продукт, и царское правительство, разумеется, «ничего об этом не знало». В 1820 году по смерти брата Николауса Людвигу перешло его огромное состояние. В активе Любима Ивановича — строительство железной дороги Москва—Петербург, первая в России судостроительная акцизная компания, судоходство между Петербургом и Любеком, сахарные заводы, Невская мануфактура и бумагопрядильные фабрики, широкая благотворительная деятельность и, что немаловажно, обеспечение России иностранными займами. Людвиг фон Штиглица видно по масштабу предприятий. Орел, говорит латинская максима, мух не ловит. На фамильном баронском гербе Штиглицев изображен орел, мухам здесь не место, но есть пчелы, символ трудолюбия, и маленькая птичка на ветке, щегол. Штиглиц — «щегол» по-немецки. Потомственное баронское достоинство Людвиг получил «за оказанные правительству услуги и усердие к распространению торговли» по случаю коронации Николая I в 1826 году и в 1828-м был причислен к первостатейному петербургскому купечеству.

В завещании Людвиг наказывает своему единственному сыну беречь имя. «Имя, которое носишь, — второй для тебя капитал. Вот плоды неутомимых усилий двух поколений, носивших это имя, превосходного дяди твоего Николая, основателя нашего благосостояния, и собственных моих, которому счастье весьма покровительствовало. Сохрани это имя, дабы оно перешло и к тем, которых однажды после себя оставишь». И Александр очень серьезно отнесется к отцовским словам. Имя будет играть огромную роль в судьбе и поступках третьего и последнего из династии русских Штиглицев и обяжет его принять тяжелое решение, поступившись мечтами юности.

Александр не собирался продолжать дело отца, денег у него было предостаточно, чтобы вольготно жить на проценты. Он готовил себя для другой жизни: в Дерптском университете юноша изучал латынь и греческий, а не банковское дело и экономику, его манили путешествия, и он увлекался искусствами и наукой. Николай I обратился к Александру Штиглицу с письмом, в котором убеждал его взять отцовские дела в свои руки после внезапной кончины старшего барона в 1842 году — и тот согласился. Собственно, царь ничего не знал о деловых качествах Александра, не знал о них и сам наследник многомиллионного состояния. Но во время и после Крымской войны Россия остро нуждалась в иностранных займах, и безупречной репутации банкирский дом Штиглица, сотрудничавший с банками Амстердама, Парижа, Лондона и Варшавы, их обеспечивал. Вексель Штиглица ценился как наличные деньги, а слово ценилось выше векселя. И действительно, имя сработало, и молодой барон заключил долгосрочные кредиты на хороших для державы условиях.

Так начинается триумфальный путь банкира, предпринимателя и мецената Александра фон Штиглица и завершается он созданием знаменитого училища. С 1846-го по 1859 год Штиг-

лиц возглавлял Петербургский биржевой комитет. На эту должность барон был избран биржевым купечеством. А в 1859-м ему пришлось пережить большую обиду — за его спиной правительство заключило договор на долгосрочный заём с представителем банкира Ротшильда, главного конкурента Штиглица. Барон отошел от дел и засобирался в Германию. (Куда же вы, Александр Людвигович? В Соляном городке засыпали канал, Партикулярную судостроительную верфь перенесли на Выборгскую сторону — здесь рядом с Пантелеймоновской церковью пустует превосходная строительная площадка! Вас ждет дело всей вашей жизни. Император Александр II назовет его «подвигом просвещенной благотворительности». Оставайтесь!) В 1860-м Штиглиц стал главой вновь созданного Государственного банка, бросил мысли о переезде и последующие шесть лет успешно контролировал жизнедеятельность всей сердечно-сосудистой системы государства Российского.

Свидетельства современников барона о его личности противоречивы. Одни восхищались присущим Штиглицу ярким чувством социальной справедливости по отношению к ниже стоящим на общественной лестнице. Он утверждал пенсии и раздавал денежные пособия и подарки целой армии рабочих и служащих своих многочисленных предприятий. Другие характеризовали его как хищного и прагматичного биржевика-диктатора, пекшегося прежде всего о собственной выгоде. Впрочем, эти, казалось бы, несовместимые качества скорее дополняют, чем исключают, одно другое.

Барон жертвовал крупные суммы на нужды отечества и построил на средства из своего кармана железнодорожные ветки Петербург—Петергоф, Гатчина—Луга и Балтийский вокзал. Несмотря на это, а может быть, благодаря этому Штиглиц-сын удвоил доставшийся ему от отца огромный капитал.

Долгие годы ответственного труда и неукоснительного исполнения долга он готовился к тому, что по-человечески трогательно назовет «временем для себя». Последние два десятилетия жизни барон посвятил учреждению и строительству училища и в завещании просил потомков сохранить за ним свое имя. Не уважили, не сохранили. Центральное училище технического рисования барона Штиглица было переименовано в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной. В 1924-м великий город утратил имя своего создателя, а те, кто переименовал город, с училищем церемониться не стали. (Александр Людвигович, вы слышите меня? Мы, студенты Мухинки, называли друг друга штигличанами, и я гордо ношу это имя всю жизнь!)

Подкидыша царских кровей, побочную дочь великого князя Михаила Павловича Романова Александр Штиглиц удочерил, дал ей подобающее воспитание и выдал замуж с миллионным приданым, — но имени своего не дал. Спеленутого младенца женского пола барон нашел, прогуливаясь в саду своего дома на Каменном острове. Стояла белая июньская ночь, и поэтому девочке дали фамилию Июнева. Расчет тех, кто подкинул ребенка, был верным: супруги скорбели по недавно умершему младенцу и девочку прирзели. Своих детей у них больше не было.

Почвенники упрекают пришлых Штиглицев в том, что они катапультировали Россию в индустриальный капитализм, опутали и задушили лапотную аграрную страну сетью железных дорог и привели ее к катастрофе 1917 года. Им ставят в вину излишнюю, якобы развращающую народ благотворительность, хотя, казалось бы, что плохого в учреждении на свои средства больницы для бедных, приюта для сирот и богадельни для увечных солдат? И только создание славного училища, этот безупречный поступок, достойный мецената эпохи Возрождения, ни у кого не вызывает нареканий.

Училище стало для барона — используя ивритскую идиому — «птицей его души». Дворец, выстроенный архитекторами А. И. Кракау и Р. А. Гедике (позднее, на стадии строительства музея, к ним присоединился архитектор академик М. Е. Месмахер, ставший первым директором училища), являет собой образец восхитительной эклектики. Обилие круглых скульптур на фронтоне и в нишах и медальонов-барельефов с портретами великих художников прошлого на мозаичном терракотовом фоне, надписей и вставок, пилястр и ризолитов — все это разнообразие форм и стилей не дробит целостности здания, напротив, создает впечатление благородства и умеренности. Фасад дворца — в духе венецианских палаццо XVI века, залы — каждый в своем стиле и со своим убранством, но лучше всего — стеклянный четырехреберный купол-потолок. Он перекрывает самое большое центральное внутреннее пространство дворца, и его ребристая прозрачная поверхность позволяет свету проникать в здание с рассветом, а в белые ночи интерьер залит светом всю ночь. Достижения инженерной мысли и новые сплавы металлов позволили состояться этому шедевру архитектуры XIX века. Купол виден издали с Фонтанки — он возвышается над соседними зданиями и возвещает о появлении дворца прежде, чем тот оказывается в поле зрения.

Центральным кованым орнаментированным дверям (каким там дверям — portalу!), расположенным по центру под фронтоном, не повезло. Ни разу я не видела их отворенными. Публика входит в здание через другие, куда более невзрачные двери. Советская власть страдала комплексом «парадного подъезда», иначе как объяснить, почему почти все добротные двери в Ленинграде были наглухо-накрепко заперты, так что приходилось проникать в дом через черный ход для прислуги?

По инициативе барона при приеме в его учебное заведение не учитывались сословное положение и материальные возмож-

ности абитуриентов, нуждающимся студентам выплачивалась специальная стипендия. Щедрое финансирование позволило пригласить лучших художников своего времени преподавать в училище.

При жизни Александру Людвиговичу нет-нет да и ставили в вину его нерусскость и чужеродность, и, стремясь доказать обратное, он грешил верноподданничеством. На вопрос коллеги, почему он хранит свои капиталы только в русских банках, Штиглиц ответил: «Отец мой и я нажили свое состояние в России, и если она окажется несостоятельной, я готов вместе с ней потерять все свое состояние».

Оставаясь лютеранином, Штиглиц построил в 1875 году православную церковь Святой Троицы Живоначальной в Нарве и получил благословение митрополита Исидора на устройство семейной усыпальницы в крипте. Здесь он и был погребен в 1884 году подле умершей десятью годами раньше жены Каролины Карловны, в девичестве Миллер. Строительство и убранство церкви в Нарве осуществлено бароном с присущим ему в архитектуре и в бизнесе размахом и вкусом. Проект был выполнен архитектором Кракау в псевдовизантийском стиле, картон настенной росписи Федора Антоновича Бруни первоначально предназначался для Исаакиевского собора в столице, но был перекуплен Штиглицем. Кракау был автором семейного дома-дворца Штиглицев в духе Позднего Ренессанса на Английской набережной в Петербурге.

Крипту затопили воды Нарвского водохранилища при пуске построенной в 1956 году Нарвской ГЭС. Уровень воды поднялся, и усыпальница с захоронениями на тридцать лет ушла под воду.

Александру Штиглицу повезло — он не дожился до революции и не увидел, как кромсают и рушат то, что он создавал и пестовал. Ему повезло, он не был свидетелем стачек в 1905-м

на некогда принадлежавших его семье Невской и Екатерингофской мануфактурах. Сам будучи заботливым и радивым хозяином, не допуская озлобления рабочих, он, возможно, отнес бы беспорядки за счет плохих условий труда и оказался бы прав. Но больше всего барону повезло, что он не стал свидетелем отказа большевиков выплачивать долгосрочные займы царского правительства, заключенные (вполне возможно!) при посредстве безупречной репутации банкирского дома «Штиглиц и К°». Не платить долги — вот что было для него совершенно недопустимо!

Барон завещал своему любимому училищу девять миллионов серебром с тем, чтобы оно достойно существовало на проценты с этого вклада. Жалованье преподавателям и стипендии студентам рассчитал на много лет вперед. После революции в 1925 году большая часть экспонатов музея была передана Эрмитажу. (Не все. Я помню два красивейших французских гобелена со сценами охоты. Они висели в Актовом зале, облицованном высокими резными деревянными панелями. Это было во второй половине шестидесятых.) Училище бездействовало много лет из-за нехватки средств и было вновь открыто только в 1945 году под чужим именем.

Мраморную статую основателя училища, работы скульптора Марка (Мордехая) Антокольского, установленную на верхнем пролете центральной парадной лестницы в 1896 году, в 1945-м сняли с пьедестала. Скульптуру вымазали масляной краской и задвинули в угол в подсобке. Да и кому в послеблокадном Ленинграде могло бы прийти в голову заботиться о сохранности статуи барона, да еще и немца! Портретную фигуру Штиглица никак нельзя отнести к лучшим произведениям Антокольского. В ней нет драматизма знаменитого «Мефистофеля» или «Ивана Грозного», но ведь и персонаж — другой. Мы видим

скромного, без признаков величия, усталого человека, неловко сидящего в слишком роскошном для него кресле. Трудно угадать в нем ту мощную созидательную энергию, которой был наделен Александр Штиглиц.

Меценат обладал чутьем крупного игрока — он поставил на правильную лошадку, и она вырвалась вперед на финише. В 2006 году Мухинка была переименована в Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию имени А. Л. Штиглица. В 2011-м мраморный барон вернулся из Новгородского государственного музея-заповедника, где он провел без малого полвека, на свое место. Отсюда он может любоваться студентами, поднимающимися по парадной Итальянской лестнице, что соответствует первоначальному замыслу Антокольского.

НЕМОТУ ЛЕЧИТЬ СТИХАМИ

Памяти Эдуарда Шнейдермана

Нет, счеты мои с жизнью не кончены.
Счета мои еще не оплачены.
Еще стихи мои не dokonчены,
А некоторые даже не начаты.

Это первые строки стихотворения Эдуарда Шнейдермана из подборки, опубликованной в эмигрантском журнале «Время и мы» за 1981 год, место издания: Нью-Йорк — Иерусалим — Париж. Предисловие к публикации написано профессором Ефимом Григорьевичем Эткиндо. «Два десятилетия он (Шнейдерман) пишет — циклы стихотворений, лирические миниатюры, поэмы — и никогда ничего не печатал. Между тем поэт он сильный». И далее: «Творческий масштаб этого пока никому, кроме близких друзей, не известного поэта таков, что его можно поставить в один ряд с мастерами сегодняшнего русского стиха». Слово «масштаб» сказано, и сегодня оно, может быть, важнее всего. Трудно, но необходимо определить масштаб только что ушедшего большого поэта. Куда в величественной арке ленинградской—петербургской поэзии будет встроен камень «Эдуард Шнейдерман»? Замковый зарезервирован за Бродским, к нему плотно пригнаны Кушнер, Соснора, Горбовский, Морев, Рейн, Уфлянд. Нет, не мое дело выстраивать арку и выстраивать поэтов по росту, это Талмуд спешит вмешаться: не до считается, мол, арочного камня — свод рухнет. Талмуд, он, как всегда, сует свой нос куда не следует и режет правду-матку, невзи-

рая на лица. Эдик пользовался другой метафорой — «обойма». В какую обойму войдет его имя и его творчество, так не похожее на творчество других петербургских литераторов и такое петербургское? Еврейская поминальная молитва Кадиш желает того же: «Пусть же будет его душа вплетена в связку жизни».

Тридцать лет в истории России — срок огромный. 1920-е годы отстоят от 1950-х на несколько световых лет, 1910-е от 1940-х и того дальше. В ту далекую эпоху нам с Ефимом Григорьевичем понадобился год конспиративной переписки, чтобы стихи Эдика, пересылаемые мне в Израиль по одному, по два в письмах, затем — бандеролью Эткинду, дошли до парижского отделения редакции журнала и увидели свет. И дело даже не в том, что сегодня операция мгновенной переброски текста решается нажатием клавиши компьютера, просто поэтическая диверсия никого уже не пугает, кроме разве что исламистов. Эти фанатичные люди все еще верят в могущество слова...

Тогда же Эдик переслал Ефиму Григорьевичу стихи трагически погибшего ленинградского поэта Морева (Александра Пономарева) — он бросился или упал в котлован стройки — и они тоже были опубликованы в журнале «Время и мы». (Много лет спустя Эдик наткнулся в Публичке на мои письма Эткинду в Париж, связанные с этими публикациями.)

Но вернусь к предисловию: «Удивительна судьба настоящей литературы в современной России: рукопись может десятилетиями лежать на письменном столе автора, даже и не пытаясь вырваться на свет. И вдруг — случайно, незаконно, нежданно — появиться в дальней стране, потом ползком пробираться назад к автору, домой, к читателям: к соотечественникам и единомышленникам». Шнейдермана не печатали в официальных изданиях, но его присутствие в пространстве и процессе неофициальной ленинградской поэзии значительно: это, конечно,

самиздат и чтения, чтения, чтения в клубах, в общежитиях, в частных квартирах, на кухнях. Чтения происходили в атмосфере энтузиазма и запрещенности, и казалось: именно здесь и сейчас происходит что-то очень важное. В те годы была жажда слова и шел процесс отделения неофициальной поэзии андеграунда от ангажированной литературы и от Союза писателей, и Шнейдерман был одним из катализаторов этого процесса. Чтобы печататься, надо было идти на различный для каждого поэта компромиссный допуск, или, как сказали бы сегодня, проявлять гибкость; на это Эдуард никогда не шел. Читал Эдик прекрасно — богатым оттенками баритоном, резко отбивая ритм и драматизируя нужные строки, понижая голос, без кликушества, без суетности, не распевно — чеканно. Это производило сильное и достойное впечатление. Чтению поэтами своих стихов в те годы придавалось большое значение. Вот как описывает Шнейдерман манеру декламации Виктора Сосноры и Александра Морева: «Соснора (читал) речитативом, будто бабка-сказительница, но очень не монотонно — богато интонируя, удивительно мягко, без надрыва, добродушно опеая каждое слово, обволакивая слушателей звучанием, созвучиями своих мастерски инструментированных стихов, словно ворожа. Морев — у него был сильный, гибкий, богатый оттенками голос: с тройного форте, от которого стены начинали резонировать, он внезапно нырял в пианиссимо, но и тогда каждый звук воспринимался отчетливо и всегда — очень честно, обнаженно честно». По-иному читал Иосиф Бродский — нараспев, растягивая гласные, акцентируя окончания. Он смазывал слова, пока они не превращались в нарастающий и набегающий волнами гул, и, мне думается, не только балтийские волны определили ритм его поэзии, но и волны гула синагогального моления, прерываемого скороговоркой речитатива.

Как-то Люба пригласила Эдика ко мне в комнатушку в коммуналке на Васильевском — я снимала ее, будучи студенткой первого курса Мухинки, — и он читал весь вечер. Мы сидели вокруг настольной лампы, Люба расписала абажур: яркий диск солнца и мистические существа вокруг. Соседи, мельком заглядывая в дверь, принимали ярко-красное пятно на абажуре за какой-то сверхмощный обогреватель и драли с меня втридорога за электричество. На еду не хватало. Моя французская тетя Регина передала как-то с туристами несколько плиток превосходного швейцарского шоколада в глянцевой обертке, и мы с Любой некоторое время завтракали, обедали и ужинали только шоколадом. Шел 1964 год. Нас ждала прекрасная жизнь, и такая мелочь, как безденежье, никак не могла этого омрачить. Ректор Мухинки архитектор Лукин, вдохновляя студентов, любил повторять: «Готовьте себя для жизни с язвой желудка». Прекрасной жизни с язвой желудка. В ту пору началась наша дружба с Эдуардом Шнейдерманом. Мне посчастливилось одной из первых читать его самиздатовские сборники и слышать его новые стихи, которые сразу напрочь врезались в память как манифест, ложились на ритм ходьбы и дыхания.

Все пройдет, и будем все там.
Шепчет мудрый змий совет:
«В этой жизни быть поэтом
Истинным — резона нет.

От роддома до погоста —
Бога нет, кому ж ответ? —
Плюй на истину! Все просто:
Не продашься — ходу нет».

Это — «Памяти Николая Рубцова» из книги с изысканным названием «Слово и слава поэта». Ленинградский период

в жизни Рубцова был отмечен дружбой со Шнейдерманом. Они встречались, чтобы поговорить о стихах, оба одержимые словом. В книге Эдуард продолжает спор начистоту с ушедшим в другой мир другом — как бы не так! Рубцов успел заматереть, прославиться и нелепо завершить свой жизненный путь. «Раззява! — / Лег вздремнуть в пути, — / Прикончен, как царевич Дмитрий».

Шнейдерман с обостренной непереносимостью петербуржцем псевдолоубочного стиля корит Рубцова:

Ты баб любил, лысел и пил.
Потом подался в русофилы.
Ты был мне мил,
Потом постыл
За позу, валенки, кобылу,

За апологию Руси
Остатней, избяной, замшелой.
Тебя втянули в «гой еси»
Московской секты стихodelы.

Ой, что тут началось! Некий В. Бондаренко из газеты «Завтра» обозвал Шнейдермана «мелким литературным проходимцем без роду и племени», а его исследование — «пасквильной книжонкой». Критический анализ стихов сочли «обвинениями, кидаемыми в адрес великого русского поэта». И, не гнушаясь банальности, Эдика из друга превратили в предателя — «Это как Иуда перед Христом»; «Шнейдерман против Рубцова, еврей против русского, чужак против своего». Опоздали, болезные, еврейские имена составили славу русской поэзии XX века. Не думаю, что преподнесенный ему благовонный букет антисемитских клише мог серьезно огорчить Эдика — скорее позабавить. Совсем другое дело — тяжелая обида, нанесенная поэту близкими друзьями-коллегами. Эти обвинили его в плагиате. Дескать,

стихи «Морская Люба» из сборника «Стихоопыты», посвященные жене поэта Любе Добашиной, украдены. Эдик писал отповеди, читал их мне по телефону, советовался и горестно приговаривал: «Тридцать лет вместе — и вот...» (Работая над книгой-альбомом эссе и рисунков к Талмуду, я нашла в трактате Бава Меция удивительный эпизод — бывший гладиатор умирает от... обиды, нанесенной другом. Тем более поэта может убить обида.)

«Купипродамы» — слово-то какое! В нем — Амстердам, и дамы, и дам не вам, и купи, и продам, и купидон, и Адам, и прод., и ам. Цикл «Российские купипродамы за 280 лет. Стихотоллажи» весь состоит из газетных объявлений, и автор божится, что не прибавил от себя ни словечка, все подлинное, он «всего лишь» превратил газетный мусор в стихи. Сто лет назад Марсель Дюшан ввел в обиход термин из торговой рекламы «ready-made», что означает — «из готового». Отныне художникам и литераторам «разрешалось» включать в свои произведения готовые предметы и тексты, будь то выписки из истории болезни, железнодорожные расписания, рецепты экзотических блюд, судебные протоколы, газетные объявления и даже цитаты без кавычек из чужих произведений. Поэт в полном соответствии с методом реди-мейда просмотрел кипы газет, отобрал самые яркие и емкие объявления и сложил стихи из готовых словесных блоков. Гляньте, чем живут петроградцы в октябре 1917 года:

20 октября в Василеостровском театре
социал-демократическая партия большевиков
устраивает спектакль «Женитьба» Гоголя.

Пантомима, мимика,
жесты, позы,
пластика, гимнастика,
красивые манеры.

Уроки танцев.
 Бальные и характерные,
 танго,
 апашей,
 русские, испанские,
 итальянские,
 восточные танцы.
 Новый танец «Беженка»,
 Малороссийский гопак.

Капусту кислую, рубленую и шинкованную,
 огурцы соленые и картофель
 поставляю вагонами
 по дешевой цене <...>

Скорее продавайте бриллианты, жемчуг, золото.
 Зубы покупаю искусственные старые
 и даже ломаные челюсти и также золото,
 ордена, драгоценности, камни, фарфор.

Новый виток сделало творчество поэта в последние годы его жизни. Виток, потому что стих выстраивается им как танец дровиш, где каждый последующий виток повторяет предыдущий, но и отличается от него. Шнейдерман берет строку классика, раскручивает и растанцовывает ее. Получается серьезная шутка-мистификация, якобы пушкинские черновики и варианты. Разудалый ямб влечет строку за строкой:

Выпьем с горя; где же кружка?
 Выпьем с горя да покрепче.
 Выпьем с горя да покруче.
 Выпьем кружку да вторую.
 Выпьем, что ли, кружку спирта.
 Кружку спирта в чистом виде?

Выпьем спирта граммов десять.
 С горя можно граммов двадцать.
 Выпьем водки. Есть потребность.
 Дайте водки и закуски.
 С горя можно два по двести
 И сардельку... Где же деньги?

Строка из «Последнего катаклизма» Тютчева стала заглавной стихотворения Шнейдермана, опубликованного в петербургском томе основанной И. Бродским «Академии русского стиха»:

Когда пробьет последний час природы
 когда пробьет природы час последний
 природы час пробьет когда последний
 последний час пробьет когда пробьет <...>

Пробьет —
 состав разрушится,
 пробьет —
 все зримое разрушится
 и воды
 покроют все в последний час частей
 покроют все в последний час природы

Раз! —
 рушится и рушится состав
 частей.
 И все.
 Последний час.
 И — воды.
 И Божий лик изобразится в них!

Ну а кому тогда он будет нужен?
 Скажи, кому?

Разнообразие лирики и сатиры, верлибра и рифмовки, высокого штиля и косноязычного мычания в стихосложении Шнейдермана невообразимо, он творит что хочет с русским языком, влюблен в него истово и предан ему абсолютно. Я никогда не слышала от него ни одного нерусского слова, даже «шалом» он не произносил, предпочитал привычное «привет». Подозреваю, что границы культуры для него были очерчены русским языком и только им. Изучать другие языки не имело смысла, все они — только клекот, шипение и хрип. Зато русский — это и Шекспир, и Диккенс, и Боккаччо, и Шиллер, и Коран, и Сапфо, и Вийон, и Катулл, и многое-многое другое. Именно русский язык извлек все эти шедевры литературы из тягостного молчаливого небытия и вдохнул в них богатую красками жизнь.

Одно из лучших текстологических исследований Шнейдермана написано как раз о переводчике и поэте Бенедикте Лившице, блестящем знатоке французского, который поплатился жизнью за перевод романа «Боги жаждут» Анатоля Франса. Роман описывает период «черных лет» послереволюционного якобинского террора против простых граждан. Лившиц пал последней жертвой якобинского террора и одной из бесчисленных — сталинского. Это мои домыслы. Шнейдермана интересует другое. Он исследует текстологические злоключения в материалах следствия по делу Бенедикта Лившица и вырабатывает свою обвинительную версию. Обвиняет обвинителей. Работая с текстом, автор отвел от Лившица напраслину — подозрение в том, что тот предал коллег. Работа «Б. Лившиц: арест, следствие, расстрел» была опубликована в январском номере журнала «Звезда» за 1996 год.

Сам Эдуард Шнейдерман взялся за поэтический перевод только однажды. Он перевел с сербохорватского, пользуясь подстрочником, стихи черногорского поэта Милики Павловича.

Павлович, поэт и журналист, получил философское образование в Загребском университете, его стихи переведены на несколько европейских языков. Стихотворение из сборника «Благодаря солнцу и Пелопоннесу» — о древней библиотеке. Вавилонская библиотека (не Борхеса, а Павловича) состоит сплошь из клинописных табличек, «испеченных из ассирийской земли»:

И все-таки сжечь на костре эти книги,
как случится в Германии, им не суметь, —
пламя — Мать нашей Библиотеки —
так хозяин гостям объяснял.

Хозяин, царь и книгочей Ашшурбанипал и, вторя ему, поэт-черногорец (может быть, и наоборот: царь вторит поэту) величают клинописное собрание «Запеченной Библиотекой». Переводчику удалось сбечь обвораживающее словосочетание. Почему не обожженная? Глиняные таблички должны быть обожженными и так сохраниться, но обожженная библиотека, это горевшая библиотека, а речь идет о несгораемой. Шнейдерман достойно выбрался из ловушки и сохранил очарование подлинника. Подборка стихов Милики Павловича была опубликована в журнале «Звезда» (2011, № 12). Эдик успел подготовить машинописный сборник с пометками от руки, который ждет своего издателя.

Кто знает о том, что Эдуард Шнейдерман — составитель семи книг из Большой серии «Библиотеки поэта»? На титульном листе тома «Поэты-имажинисты» (1997) маленькими скромными буквами набрано: «Составление, подготовка текста, биографические заметки и примечания Э. М. Шнейдермана». Сборник прекрасно выстроен. Декларации и манифест имажинистов открывают книгу и сразу предлагают внимательному чи-

тателю разгадку, почему поэты этого направления были оттерты на задворки советской поэзии, почему никого или почти никого из них, кроме Сергея Есенина — да и с него всякий раз счищали пятна имажинизма, — не печатали?

Любопытно, что имажинисты со всей страстью обрушиваются не на власть Советов, а на футуризм и «футурье». Их нетерпимость и язвительность по отношению к близкому культурному явлению-предшественнику по стилю и тону уж очень походят на межфракционные разборки. «У футуризма провалился нос новизны», «Скончался младенец, горластый паренёк <...> десяти лет от роду. Издох футуризм. <...> ...через его труп вперед и вперед, левей и левей кличем мы». Так в чем же дело, ведь левей? Да, имажинисты не против новой власти, но власть не простит им дерзости: «История всего пролетариата, вся история человечества — это только эпизод в сравнении с историей развития образа». Или: «Рассмотрение поэзии с точки зрения идеологии — пролетарской, крестьянской или буржуазной — столь же нелепо, как определять расстояние при помощи фунтов». И: «Сегодняшняя модная мнимая величина — пролетарское искусство». Из своего умудренного далека мы можем подивиться безумству храбрых.

Мое внимание привлекли две максимы, не такие хлесткие, как предыдущие, но сколь современные, столь и древние, и всегда спорные: «Жизнь бывает моральной и аморальной. Искусство не знает ни того ни другого». Взаимоотношения религии (и идеологии), извечно монополизировавшей мораль, и искусства, якобы свободного от морали, издревле занимали умы. Вспомним Платона. Когда же искусство вздумало претендовать на независимость от религии, а значит, и от морали и Ницше возопил «Бог умер!», страсти разгорелись с новой силой. Великое искусство, замечу, ни о какой свободе никогда не радело.

Поэт Эдуард Шнейдерман с большим изяществом обходит вязкий спор о зависимости (или, напротив, независимости, то есть свободы) искусства от морали:

Искусство есть игра.
В искусстве есть игра.
И грани той игры,
И графика ее,
И краски — все в игре.
Когда в искусстве есть
Игра (и чувство), — есть
Искусство. <...>

Искусство — есть, — играй!
Но — яростно играй.
В искусстве есть и грай
Грачей, и ярь, и — край.
Играй, не подменяй
Искусственной игрой
Искусства.

«Так же как тело мертво без духа, мертвенен дух без тела. Потому что тело и дух есть одно. Форма в искусстве есть одновременно и то и другое». Последней фразой имажинист Анатолий Мариенгоф переключается с другим русским мыслителем — Михаилом Бахтиным, оказавшим большое влияние на философскую мысль постмодернизма. Бахтин утверждает, что в искусстве нет внешнего и внутреннего; внешнее, то есть форма, и есть внутреннее содержание. Позволю себе включить нашего поэта в интервременную переключку с двумя последними. Развивая ту же тему, он изобретает емкие неологизмы «формосодержание» и «чувствомысль» и предлагает «извлечь содержа-

ние из формы». Колдуя над формосодержанием, Эдуард достигает вершин виртуозного косноязычия:

Группа супругов усургов псуургов
ргусупов гурусупов сургупов усургов
псуругов сругупов груупсов гурсупов
упругов псугуров рсупугов гусрупов

Случается у Шнейдермана, что стих строится так, будто мучительное заикание коверкает (но и определяет) его ритм и выталкивает слова толчками, дробя их. Так в диптихе «Любовь / Вобюль». Привожу его правую часть под названием «Первая любовь»:

Юль. Во б,
во б лю!
О, влюб.,
влюбо!
Вью боль,
боль вью,
лью в лоб
любовь.
Любо в
бою льв-
ов! — Люб? —
В бою ль?! —
Во, люб!
Во любовь!..

Реинкарнация кирсановского стиха? Школьная игра в слова? Условие игры — «любовь» в каждой строчке, иногда, правда, без мягкого знака. Перестановки коренных букв в разных словах и нахождение в них скрытого общего замысла — одна из излюбленных грамматических игр мудрецов эпохи раввинистической письменности. Она и сегодня в ходу при изучении библейских текстов.

А это «Сад воспоминаний», где отношения формы и содержания выстроены совсем по-другому:

О садик Румянцевский, ветхий...
Деревьев продрогшие ветки
под тяжестью осени виснут,
как плети,
и, холодом стиснут,
ты, солнечным холодом стиснут,
все кружишь у старых фонтанов,
чьи перержавевшие горла
растрескались и отзвучали,
среди безысходной печали,
густеющей в пьяном рассоле
октябрьского воздуха,
сердце
сдавила тоска об ушедшем,
утраченном, неповторимом,
умершем, умершем навеки.

(Хотела и в этом случае, как в остальных, привести не все стихотворение, а фрагмент, но рука не поднялась его расщепить.)

Одно время в садике, что рядом с Академией художеств, сидели члены общества «Память». «Стих испортили», — горевал Эдик.

Шокирующая несхожесть стихов одного и того же мастера очевидна. Уже упомянутый мной постмодернизм предполагает не только работу с цитатой, но и смешение стилей, времен и жанров. Полюбившаяся лингвистам мысль М. М. Бахтина о полифоничности текста легко трансплантируется на творчество целиком, а подход стал хрестоматийным. Французский философ, отец деконструктивизма Жак Деррида, идеи которого были сначала подхвачены архитектурой, а затем утвердились в истории, социологии и литературе, говорит о том, что декон-

структивизм невозможно определить как единый стиль, но — как метод. Единства стиля, вот уж чего в творчестве Шнейдермана не найти! Впрочем, единства метода — тоже.

Но вернусь к книге об имажинистах. В «Манифесте новаторов» от 1922 года имажинисты говорят языком ЧК, будто прониклись риторикой военного коммунизма, и их экзальтированная и категоричная интонация подобает партийной директиве больше, чем языку поэтического манифеста: «Каждая выходящая в Петербурге книга стихов, каждый вечер поэтов должны рассматриваться как сознательное преступление, заслуживающее кары тяжелее, чем вооруженный налет». Разведем руками...

По крохам, а где и пластами собраны в книге биографии Вадима Шершеневича, Анатолия Мариенгофа, Рюрика Ивнева, Николая Эрдмана и других поэтов-имажинистов. Составитель обращает внимание, например, на Шершеневича, утверждавшего, что в Первую мировую не воевал — это не так. В 1915 году он попадает на фронт, и тяжелые впечатления от пережитого там легли в основу его цикла «Священный сор войны». Примечания — восемьдесят страниц убористого текста — представляют собой увлекательное чтение. Книга «Поэты-имажинисты» — энциклопедия имажинизма от Шнейдермана, после выхода в свет которой уже никак не скажешь, что «исследовательская литература о русском имажинизме практически отсутствует».

Книга «Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907)» 1969 года издания из Большой серии «Библиотеки поэта» сработана Эдуардом Шнейдерманом в сотрудничестве с еще несколькими соавторами-составителями. Подаренный мне экземпляр Эдик украсил экспромтом:

Здесь: когтистая сатира,
И сатира из сортира,
И различный юморок, —
Только мой ли в том порок?

Не моя же это лира...
Но прими хоть эту,
Мира,
От одного из авторов.

Начальный определяющий этап работы над сборником заключался в пересмотре кип сатирических и литературно-общественных журналов, альманахов и поэтических сборников тех лет. Составители не оставили без внимания столичные и провинциальные газеты и собрали богатейший урожай стихов именитых и неизвестных сочинителей. В числе известных — К. Бальмонт, Саша Черный, К. Чуковский, Ф. Сологуб. Саша Черный — шнейдермановский автор, и Эдик еще не раз к нему вернется. Просеивание газетного материала уже тогда натолкнуло Шнейдермана на идею поэтического коллажа, сплошь сработанного методом склейки газетных объявлений без комментариев и вмешательства извне. Так три десятилетия спустя им создаются «Купипродамы». О них я не досказала. «Объявления, как правило, полиритмичны, — пишет Эдуард в предисловии к сборнику, — стихотворный размер, заданный в начале, обычно не выдерживается до конца, сменяясь другими, пропадая и вновь появляясь. В объявлениях, если рассматривать их построчно, встречаются самые разные виды размеров: и классические — двух- и трехсложные, и неклассические, тонические — дольник, ударник, тактовик, а также свободный стих. Стиховед найдет в поэтике объявлений массу любопытного. Но важнее то, что в них — в лучших из них — заключена музыка». Абсолютный слух и музыкальное образование оказались не лишними для Шнейдермана-поэта, чтобы озвучить и поднять до уровня поэзии дребедень и злобу дня — все это крошево из людских судеб, пропавших мопсов, трезвых кухарок без мужских знакомств, всей этой бессмысленной — в канун-то революции! —

коммерческой суеты, быстрого возврата мужей и соленых огурцов вагонами! Что и говорить, музыкальное, художественное или философское образование не вредит литераторам. Любимый поэт Эдика Семен Кирсанов считал, что еще и цирк, цирк он ставил даже на первое место. И хотя на циркового акробата Кирсанов никогда не учился, прозвище «Циркач стиха» было для него лучшей из похвал.

Шнейдерман любил слагать стихи о музыке, в которых звучит музыка:

<...> Куда ж ты?! — Вот замерли скрипки,
и только литавры звучат...

Тромбоны вскричат неумно,
и болью оркестра огромной
придавит тебя — не вздохнуть,

и нервы, как струны, натянет,
и образ Фортуны проглянет,
безжалостной и роковой.

Внезапная хищная сила,
как щепку, тебя подхватила,
по черным волнам понесла

сквозь топот, сквозь пляс бесноватый.
Но скрипки родились крылаты, —
Помогут — поднимут — спасут. <...>

И по-другому о музыке:

Я уснул под сюиту Баха,
где солирующая флейта,
флейта-девочка так бесстрашно
за собой весь оркестр вела.

Мир поэзии Шнейдермана озвучен пением бахчисарайского соловья, который невзначай процитировал Глинку, силен в русской классике, граем грачей, тонким птичьим свистом, шуршанием больших мурашей, треском, щелканьем, свистом, этюдами Черни, разыгрываемыми кем-то, пением тучной певички в парике, громом беспризорной литавры, скрипучим смехом форточки, жестянками северного ветра, мажорными аккордами, разговором без умолку, тихим безумием, музыкой пронизанным, — поопасней пороха, звучанием и тут и там солнечно-го тамтама, бубенцами капель, голосом виолончельного тембра и ячейками тишины. В монументальном «Вагнер-моменте» своя звуковая палитра:

сыплется сыплется ржанье коней
огненной стружкой <...>

золото Рейна
солнечно плещет
торжественно движется вагнер-металл
рейнметалл военный
звукоток могучий
о р г а н и з о в а н н о б у ш у ю т з в у к о в о л н ы

Тема Саши Черного проходит через все творчество Шнейдермана, скобами схватывает его в начале и в конце пути. Это тема его дипломной работы на филологическом факультете ЛГУ, одной из книг Большой серии «Библиотеки поэта» (1996) и тема последней написанной им статьи. Книгу «Саша Черный. Стихотворения» составитель выносил и произвел на свет за девять месяцев. Саша Черный — это, конечно, сатира и «Сатирикон». Эдик любил Черного за разговорный язык его стихов, за едкий ум, за отсутствие велеречивости и фальши, за горький сарказм, за то, что Черный, как и сам Шнейдерман, был городским поэтом.

Но с утра до ночи,
за полночь во мраке
узким тротуаром
бродишь сам с собой

в пиджаке немодном,
в уцененных брюках,
в незнакомых с ваксой
дранных башмаках,

тощий и небритый,
грустный и сутулый,
милий Саша Черный,
городской поэт.

Не автопортрет ли рисует здесь Шнейдерман? (Назовем его «Автопортретом в уцененных брюках».) Будь Эдик героем моего рассказа, я бы начала этот рассказ с эпизода-штриха: мы втроем бродим по тель-авивскому рынку Кармель в поисках самых дешевых, а значит, дрянных сигарет — другие Эдик не курит. Топчемся у каждого ларька, переспрашиваем цену, нет, дорого. Это один из его последних приездов в Израиль, он болен легкими, и нищета, привычная спутница нашего поэта, уже отступила в прошлое. Он мог бы купить самые лучшие сигареты, но выйти из образа (литературного!) нищего поэта в уцененных брюках ему не под силу. Ох уж эти легендарные брюки! Питерский писатель Смирнов-Охтин даже рассказ им посвятил. Приходит, значит, Эдик на поэтический вечер выступать, интеллигентно так со всеми раскланивается, а на нем те самые брюки...

Рядом с первым — «Автопортрет в контрастных тонах» из стихотворения «Городской поэт»:

Одним крылом к асфальту прибит,
другим — к облакам бегущим.
Одной ногой загребаешь быт,
другой — цветущие кущи.

А это — «Автопортрет в анималистической манере»:

В этой щуплой собаке вот в этой дворняге бездомной
пробегающей с грустным лицом и закрученным точно
пружина веселым хвостом косолапя и чуточку боком
по улице Воинова (ныне Шпалерной) — я себя узнаю

Экспозиция не будет полной без талантливого скульптурного поясного портрета поэта (шамот, роспись ангобами) работы Любы Добашинной. Портрет точен пластически и психологически. Эдик молод, красив, чуть сутул, он читает стихи, держит лист (не книгу) только ему свойственным жестом. Глубокая, трепетная, сильная вещь. Разговор об интеракции формы и содержания, праздный для скульптора, здесь и вовсе неуместен. Есть произведения, касаться которых скальпелем аналитика небезопасно — как бы не проколоть их ауру.

Близость Шнейдермана к Саше Черному — и в разработке религиозной темы. «Бирюльки», стихотворение Черного, датированное 1910 годом:

Лекционная религия пудами прибывает:
На безверье заработать можно очень хорошо. <...>

На Шаляпина билеты достают одни счастливыцы,
Здесь же можно за полтинник вечность щупать за бока! <...>

А это стихи Эдуарда Шнейдермана спустя без малого сто лет.
«Россия —Испания. Молитва о победе»:

Уповаем на Тя истово
Силу дай своим футболистам!
О Господь всеблагой, вездесущий!
С молитвой к Тебе припадаем.

В преддверии полуфинала
Во славу святой русской церкви
Даруй нашей сборной победу,
Сокруши тщеславных испанцев! <...>

Стихотворение напечатано автором на пишущей машинке на лицевой и оборотной стороне листа — так я получила его в подарок — и не опубликовано. В обоих случаях речь идет о профанации. Ни поиска духовности в религии — так легко объяснимого у поэтов постсоветской эпохи, — ни умиления ею, ни обращения к евангельским сюжетам и образам ни у Саши Черного, ни у Шнейдермана нет. «Интеллигентское стадо трусцой потянулось в церковь» — шнейдермановская строка вполне в духе Саши Черного. Само собой разумеется, нашему поэту в неофитском стаде не место. Если у Черного можно встретить ветхозаветного царя Саломона, который сидит под кипарисом и ест индейку с рисом, то у Шнейдермана иудейских реалий (кроме как в одном стихе, только и затеянном, чтобы отринуть идею Моисея) нет вовсе. Но вдруг такие строки:

и бог летучий
в тебе и в хлебе.

Поэт невзначай прикасается здесь к оголенному нерву иудейской веры. Сентенция могла бы принадлежать великому раввину. Случается, нечаянная строка серьезней выстраданных тяжеловесных умозаключений. И это прекрасно, и это поэзия. Можно покопаться в бессознательном Фрейда и припомнить

изыскания на эту тему французского философа и лингвиста Ролана Барта, а можно ограничиться емким словосочетанием «Интуиция Поэта» — что я и сделаю.

Однажды в пятницу вечером мне удалось затащить Эдика в синагогу. Он неловко листал Книгу задом наперед, ему приветливо улыбнулись и указали страницу, вот здесь сейчас читаем, потом — здесь. Страницы были нумерованы не цифрами, а ивритскими буквами. Читали нестройно. Каждый из присутствующих был погружен в себя и связан с остальными общим текстом. Эдик не понимал текста, и я видела, что это было для него пыткой.

Никакая конфессия его не привлекала, атеизм — и того меньше. Но персональная молитва у Шнейдермана есть, молитва есть стих. В начале было Слово — русское поэтическое слово, и только оно — духовное капище поэта.

Саша Черный не принял революцию и не захотел сотрудничать с большевиками. Он перебрался сначала в Берлин, где в 1920-е годы была сосредоточена русская эмигрантская культурная жизнь, затем — во Францию.

В Берлине вышло несколько его поэтических сборников. Маленькие эти книжки достались мне от тети, прожившей почти всю жизнь во Франции, и я с радостью одолжила их Эдику для работы. Он писал свою последнюю статью о Саше Черном для переиздания Энциклопедического словаря «Литературный Санкт-Петербург. XX век». «Сашу Черного забыли включить! Представляешь?» — негодовал. Эдик чувствовал себя ответственным за возвращение на родину не запрещенного, но затертого и стертого из памяти любимого им поэта.

Еще одна книга, составленная Шнейдерманом, на этот раз из «Новой библиотеки поэта» (2006), — это Семен Кирсанов. «Книга, — писал мне Эдик, — материальное воплощение моей неизменной любви к гениальному Семену Кирсанову». 256 примечаний к стихам читаются как миниатюрные новеллы.

Наконец-то Эдуард смог сказать все о своем кумире — точно, емко, полно и любовно. В примечаниях-новеллах есть любопытные куски о дружбе Кирсанова с Маяковским: «— Кирсанчик! Что с вами? Отчего штаны драные? Отчего грустный? — Да вот, Владим Владимч, ночью на бульваре, одеваюсь в Кино-Печати, в „Новом мире“, ем лук, никто не печатает. — Идите к нам жить. Лилечка уехала, будете спать в ее комнате. Не разводите грязи. — Вот ваши покои. Нате десять бумаги. Нужно написать для Гиза частушки о деревенских книжках. Пишите. — Неплохо: „Книжки есть о саранче и о долгоносике!“ — Ваши частушки проданы. Вот 110 рублей. Идите покупать штаны. — Прекрасные штаны! <...> Идите обедать». (Надо же, что ни поэт, то штаны!)

В примечаниях — многочисленные выдержки из критических статей, где так и мелькает «мелкобуржуазный поэт», «формализм», «потолок формалистического трюкачества», «нет ни слова о социальном назначении поэзии», «нет следа революционности», «характерные черты мелкобуржуазной идеологии». Шнейдерман нигде прямо не пишет о том, что покровительство и высокая оценка молодого поэта Маяковским были для Кирсанова охранной грамотой, но подводит читателя к этой мысли. В те годы обвинение в формализме приносило одни лишь неприятности и могло окончиться трагически. Ныне устаревшее слово «формализм» вовсе вышло из употребления. (Слово «космополит», к примеру, поменяло свою окраску на противоположную. Если в послевоенном Советском Союзе им припечатывали как позорным клеймом, то сегодня многие интеллектуалы с гордостью причисляют себя к космополитам.)

А вот как, по свидетельству М. Матусовского, читал Кирсанов: «...И затем не вышел, а вырвался на сцену молодой Кирсанов. Когда он читал свои стихи, впечатление было такое, что вокруг него сыпались искры, что-то вспыхивало и взрывалось,

и, кажется, даже пахло порохом. <...> Все это было звонко, стремительно, молодо».

«Кроме богатства метафор и жемчуга слов, С. Кирсанов у своего учителя не увидел ничего больше. Революционная сущность поэзии Маяковского проходит мимо его ученика, принявшего лишь одну формальную сторону работы учителя». Этим и дорог Шнейдерману.

Год назад мы втроем отмечали день рождения Эдика в Тель-Авиве в итальянском ресторане-стекляшке. Днем здесь не протолкнуться, а вечером почти никого, кроме нас, не было, и мы наслаждались этим. «Духовной пиццы жажду» — строка из шнейдермановского сборника «Осызание». Мы и заказали пиццу «Бьянка», что значит «Белая», с овечьим сыром и пили за здоровье именинника. Вот только стихов он не читал, а жаль...

Эдуард Шнейдерман похоронен на израильском кладбище Кирият Шауль в новом отсеке, где могилы находятся в стенах. Архитектор этого необычного кладбища очень красиво расположил захоронения на трех этажах в высоту. Для поэта как-то больше подходит покоиться в воздухе, чем в земле. На плите имя поэта на иврите и на русском — и под ним строки:

Жить
жить надо всем
надо всем жить
жить надо

КАРТИНА С ВЫСТАВКИ

В историю как в ошип попадая.

Эдуард Шнейдерман

Судьба с точно рассчитанным коварством подгадала момент: художник был на пике своего бухарестского успеха, когда пришло известие об аннексии Бессарабии Советским Союзом, и от всего, что составило успех, предстояло незамедлительно отказаться. Макс Гамбурд и его жена Евгения, мои будущие родители, оказались в толпе двигавшихся на поездах, машинах, телегах и пешим ходом к мостам и переправам через реку Прут, левый приток Дуная. Перебраться на противоположный берег надо сегодня — завтра здесь пройдет государственная граница между Королевством Румыния и Советским Союзом.

Чем опасней становилась политическая ситуация, тем удачней все складывалось с выставкой. Репродукции произведений Гамбурда центральные газеты «Universul» и «Timpul» поместили на первых полосах, а на обороте листа — военные сводки в браваурных тонах: вермахт победоносно движется в сторону Парижа. Снова на первой полосе удостоенная государственной премии картина Гамбурда «Косари», а на обороте — тревожное сообщение об оккупации Латвии, Эстонии и Литвы Советским Союзом.

Спасайся, художник, и спасай свою любимую! В Европе уже идет война, и путь туда отрезан, в подмандатной Палестине англичане пошли на уступки арабам и сократили до минимума прием евреев. В Бессарабии, которая вот-вот станет советской, — пожилые родители, привязанные к виноградникам

и к земле, и родители жены. Она ни за что не согласится оказаться по разные с ними стороны границы. Но на завтра назначена встреча с коллекционером и общественным деятелем Пантелеймоном Халиппе, он облюбовал себе одну гуашь и придет, чтобы, как он сказал, выразить свое восхищение творчеством художника.

По выходе в свет в 1998 году монографии Моисея (Макса) Гамбурда я получила негодующее письмо от румынского искусствоведа Амелии Павел. Она стыдила меня, обвиняя в фальсификации фактов. По ее словам, еврей не мог выставляться в Бухаресте, да еще в лучшей галерее столицы «Залы Даллес», в 1940 году в период властвования маршала Йона Антонеску. Тогда Румыния была союзницей гитлеровской Германии. Я попросила ее просмотреть подшивки газет, хранящиеся в Академической научной библиотеке, и самой убедиться в правдивости информации, неправдоподобной, согласна, но все же достоверной. Павел была совершенно права, еврей не мог выставляться в заглавной галерее Бухареста, когда антисемитская организация «Железная гвардия», опора Антонеску, провоцировала и осуществляла антиеврейские эксцессы. Национальный музей искусств Румынии не мог приобрести крупный холст Гамбурда для своей коллекции, где он находится по сей день. И не мог художник получить премию Министерства культуры и религии в сумме 5000 лей, большие по тем временам деньги, за свою картину «Косари». Все верно, но даже здесь не существует, Постум, правил...

Знатоки румынских реалий подсказывают, что принятие законов с их последующим несоблюдением было правилом того времени. Вероятнее всего, галерист симпатизировал художнику и, возможно, в душе был антифашистом. Да что и говорить, еврейкой была любовница и влиятельная фаворитка самого ко-

роля Карола II Елена Лупеску. Толпа, правда, требовала ее головы — не вышло. Но страну любовникам пришлось покинуть.

Ни одной из своих работ, показанных тогда в Бухаресте и названных исследователями его творчества лучшими ранними вещами мастера, художник больше никогда не увидит. Сохранятся отдельные их любительские фотографии, черно-белые и нечеткие. Мне повезет, некоторые из них я найду. Об одной такой находке мой рассказ.

26 июня — нота-ультиматум Советского правительства с требованием к Румынии вернуть Бессарабию и в течение двух дней вывести войска и администрацию с ее территории.

27 июня. Профашистское правительство Румынии ждет поддержки от Германии и Италии, проводит бесполезную мобилизацию, теряет драгоценный день и, убедившись в несостоятельности ожидания, поздно вечером на совете с участием короля принимает условия ультиматума. Раздел Европы происходит в полном небрежении к интересам Румынии, ее, что говорится, подставили. Тем более странно, что немцы продолжают качать плоештскую нефть для нужд Третьего рейха. Через год Румыния получит щедрую компенсацию: вместе с гитлеровской румынская армия маршала Антонеску оккупирует Молдавию и Одесскую область и останется бесчинствовать там два года.

Бессарабия — междуречье в форме виноградной грозди, очерченное естественными водными границами, рекой Прут и дельтой Дуная на западе и Днестром — на востоке.

28 июня с рассветом румынские войска начинают эвакуацию и отходят по двадцати мостам за Прут, оставив русским склады с оружием и боеприпасами. Сигуранца уходит вместе с армией, открыв ворота тюрем, в одном лишь Кишиневе — городского острога, тюремного замка, губернской и городской тюрем, исправительного арестантского отделения. Местные еврей-комму-

нисты организуют Временный ревком — защитить еврейское население в часы безвластия. Их первыми затолкают новые хозяева в еще не проветренные камеры. А не своевольничай! Это кто тебя уполномочил?

Московское время 14 часов. «Сегодня будущее, о котором мечтали, становится настоящим. Братья молдаване, русские и украинцы! Пришел великий час вашего освобождения из-под ига румынских бояр, помещиков, капиталистов и сигуранцы. Никогда больше вы не будете гнуть спину и способствовать обогащению чужестранцев-кровопийц. Настал великий час вашего единения с советским народом. Несмотря на то, что военщина и буржуазно-капиталистическая клика Румынии подготовила провокационные действия против СССР и сосредоточила на границе крупные войсковые силы, украденная советская земля, Бессарабия, возвращается к Матери-Отчизне».

Весть о том, что «идут Советы», опережает появление русских в Кишиневе всего на несколько часов. Администрацию не приходится выводить, в страшной спешке она сама штурмует переполненные вокзалы, откуда поезда еще идут на запад в Румынию. Опоздавшие будут отправлены с тех же перронов, но уже на восток в Сибирь, и под конвоем. Ох, да разве только администрация спешит спастись? А другие слои общества как же? Двадцать два года, с 1918-го по 1940-й, — срок достаточный для того, чтобы прижиться и перевить лианами все общественные структуры. «Большинство капиталистов и помещиков, реакционная часть местных чиновников и интеллигенции, часть кулачества, а также главари националистов и прямые изменники Родины предпочли поспешно бежать из Бессарабии».

Состоятельные семьи построили в Кишиневе десятки небольших уютных вилл, вошедших в историю городской архитектуры как «румынские домики», большинство из них

спроектировано обрусевшим немцем Николаем Мерцем, превосходно уловившим удовольствие от жизни колониальной буржуазии, сродни удовольствию французов в Алжире — вольготно наслаждаться положением хозяев. Нет двух одинаковых особнячков и все вместе образуют стиль, в котором уживаются прирученный модерн и прелесть брынковянской архитектуры с ее арочками, внешними лесенками и черепичными крышами. Архитектор сумел дать заказчикам лестное ощущение принадлежности к моднейшим достижениям L'Esprit nouveau, не нарушив их связи с национальными корнями. Особняки строились добротнo, почти все они выдержали сильное землетрясение, превратившее многие здания Кишинева в руины в октябре того же 1940 года.

В частном и государственном румынском владении находились банки, железные дороги, пароходство, деревообрабатывающая, винодельческая, пищевая и табачная промышленность, мануфактуры, больницы, гимназии и т. д. А духовенству куда прикажете деться? Римско-католическая епархия, Армяно-григорианская апостольская православная церковь, одна из древнейших в Европе, Евангельско-лютеранская церковь. Репрессии против уцелевших остатков служителей культа волнами продолжались вплоть до 1951 года. Молдавский пейзаж был на диво расцвечен монастырями и скитами, их ждало разрушение и запустение. Воинствующие атеисты порубят и пожгут непревзойденную народную пластику, поклонные кресты. У колодцев и на перекрестках дорог стояли деревянные распятия. К разрушению синагог и к уничтожению священных еврейских книг и утвари за очень короткий срок приложат руку и новая власть, и землетрясение, и бомбежки, и немецкая чума. Раввины, канторы, меламеды и ученики ешив оказались между молотом и наковальней. Бежать на запад в объятия к нацистам или

ждать страшной участи, уготованной коммунистами? Старобрядцы-липоване, нашедшие приют в Бессарабии на задворках царской империи после реформы Православной церкви в XVII веке, тихо-мирно жили себе в Румынии. Новая власть увидит в них сектантов-мракобесов.

Нахождение Бессарабии в составе Румынского королевства оградило «смесь племен и лиц» — так Пушкин назвал пестрое разномастное население края — от ужасов Гражданской войны, полыхавшей по ту сторону Днестра, от глумления над религией и живодерни коллективизации и голода. Отсрочка кончилась. Пришел момент перелицовки всех лиц на одно лицо.

В полном небрежении к историческому моменту идут обильные краткие ливни с грозами. Или же — сама природа противится вторжению Красной армии, или же — сама природа приветствует приход справедливой власти раскатами громов и сверканием молний! Паводки мешают войскам РККА продвигаться в глубь Бессарабии. Командование операцией просит у Москвы отсрочки на несколько дней и получает отказ. В перерывах между грозами печет солнце. Урожай вишни и черешни такой богатый, что, сколько ни собирай, на ветках остается еще много ягод. Во всех городских дворах приготовлены медные тазы для варки варенья: из белой черешни на белом сухом вине совсем без воды, из мелкой горькой черешни, крупной черной и вишни. После дождя на солнцепеке земля благоухает яростно.

В советскую эпоху этот день отмечался как праздник и одна из центральных улиц Кишинева называлась «Улицей 28 июня». Полное имя — Галбинская, Синадиновская, Regina Maria, 28 июня, Vlaicu Râcălab. Не улица, а испанский гранд. Власть сменилась — жди переименований. Улица расположена в историческом центре города, там на углу бывших Подольской и 28 июня стоит наш семейный особняк на высоком цоколе,

на фасаде которого — мемориальная доска в честь моего отца. К дому возят туристов из Израиля, интересующихся еврейской культурой Восточной Европы. Беседу-семинар ведет историк-израильтянка, родом из Кишинева.

«Мойше Гамбурд, крупный молдавский художник, родился в религиозной еврейской семье. Против желания родителей он едет в Брюссель и поступает в Королевскую Академию искусств на отделение монументальной живописи. Вообще-то семья отправляет его за границу, чтобы он там выучился на инженера, но талант, он ведь полыхает в душе художника, и невозможно этому горению противиться. Окончив Академию в 1929 году и получив серебряную медаль за дипломную работу, Мойше направляет свои стопы не куда-нибудь, а в подмандатную Палестину, но не находит себя в тогдашней художественной среде и возвращается в Румынию». «Это он зря! Возвращаться ему не надо было», — обязательно сожалеет кто-нибудь из туристов. Гид: «Дочь художника Мириам с вами не согласилась бы. Ведь, вернувшись, он женился на ее будущей матери, и так Мириам появилась на свет». — «Да, но если бы он остался, у его дочери не было бы проблем с квартирой и с мастерской, а то она все время переезжает. Это каково скульптору-то переезжать!» — «По возвращении, как я уже говорила, Гамбурд женится на младшей дочери кишиневского адвоката, возле чьего дома мы сейчас стоим. Евгения, студентка Бухарестской Академии искусств, пришла на первую персональную выставку художника, сначала влюбилась в его работы и только потом познакомилась с автором. Будущая теща Моисея, надо сказать, не одобрила выбор дочери: «Бессребреник». «Мама, ты только посмотри, как его хвалят в прессе: „Гамбурд — мастер неприукрашенного жесткого реализма бессарабской действительности“. И еще: „...

художник сумел выявить образ женщины-крестьянки в ее бесконечно дрящемся напряжении, с душой, придавленной слишком мрачным бытом“. — „Я и говорю, голодранец. Никто не купит его работы. Никто не захочет украшать свой дом чужим горем!“ Но отец Евгений поддержал дочь.

Якова Гольденберга, деда Мириам, адвоката, на его счету были крупные выигранные процессы, арестовали сразу после аннексии Бессарабии Советским Союзом, но вскоре отпустили, и он продолжал работать при новой власти и выучил многих молодых юристов». Турист в носках и в сандалиях: «Адвоката не могут арестовать за выигранное дело, даже если он защищает преступника. Это незаконно!» Турист с непрерывающим звонить мобильным телефоном: «Я вот хотел бы спросить, нам всегда говорили, что евреи Бессарабии перебивались с хлеба на воду, а тут такой домище и детей, небось, по заграницам обучали?»

«Не забывайте, мы находимся в верхней зажиточной части города. Чтобы переселиться сюда из нижнего еврейского квартала, иногда требовались усилия нескольких поколений. Да, образованию придавалось большое значение и в Кишиневе было несколько превосходных гимназий. Старшая сестра Евгении красавица Регина окончила с отличием Бухарестскую консерваторию. Любопытно, что белые эмигранты, те, которым повезло бежать из революционной России, очутившись в Румынии без средств к существованию, устраивались гувернерами в состоятельные семьи. Так некоторые местные евреи смогли удовлетворить свои амбиции и дать детям аристократическое воспитание. Портрет жены художника Евгении в черной шляпе, датированный 1938 годом, был показан на выставке портрета „От Путина до Распутина“ в Музее Тель-Авива в 2016 году. Вы посетили эту выставку? Впечатление от портрета, говорите, было таким сильным, что вы решили присоединиться к нашей поездке в Молдо-

ву. Прекрасно! Я хочу зачитать вам отрывок из письма Симона Школьника, тоже адвоката, дяди Евгении, посетившего молодоженов в Бухаресте; добавлю, адвокаты, врачи, архитекторы, инженеры, все эти так называемые либеральные профессии были очень популярны среди евреев. Итак, письмо: „Мастерская Макса Гамбурда обновилась портретом несомненного достоинства, соединение искусства и любви, портретом жены. Макс обнаружил глубокое чувство и показал, что означает вдохновение художника. Я впервые наблюдаю художника во время его творчества. Портрет обаятельный, я бы сказал, лучезарный, и чувствуется, что он написан художником, все „я“ которого заполнено одним образом. Здорово им завладела эта маленькая Женя. Но вы, конечно, хотите узнать о ней побольше. Ярким событием в ее творческой карьере стало создание костюмов для первого фильма одного из крупнейших режиссеров современности Сергея Параджанова „Андреш“ по переложенной на стихи поэтом Емельяном Буковым молдавской сказке».

Студентка-израильтянка: «Ой, вы не представляете! Я была на фестивале Сергея Параджанова в тель-авивской „Синематеке“! Какие фильмы! Потрясающе! Одним словом — красота! Их можно найти на YouTube!»

Турист в футболке с серпом и молотом: «А можно спросить, где находится дипломная работа Гамбурда, ну та, награжденная серебряной медалью, и что это за картина?» — «Художник привез ее в Кишинев из Брюсселя. Это монументальное полотно, размером 250 на 400 см, композиция из обнаженных мужских фигур, в верхней части которой просматриваются силуэты коней. „Тугая скульптурная пластика юношеских тел, четкие и вместе с тем поэтичные силуэты“, — так напишет о ней критика».

Пожилая туристка в рваных джинсах авторитетно: «Эстетика мужского тела — это очень модно в связи с легализацией

гомосексуализма. Мы увидим панно в музее?» — «Увы, нет. Панно исчезло при отступлении немецких и румынских войск из Молдавии в 1944 году. С картиной связана семейная легенда. Она висела в этом доме в спальне над кроватью и спасла Моисея и его жену во время землетрясения 1940 года — мощный подрамник и холст не дали стене обрушиться на спящих». Та же туристка: «Вы знаете, я готовилась к этой поездке, я даже была в мастерской Мириам Гамбурд в Яффе. Она мне рассказывала, что ее отец в одночасье бросил всю выставку в Бухаресте и никогда ни одной из своих ранних работ больше не видел. Я не понимаю, зачем драматизировать события? Надо было сразу поехать в Румынию, это же рядом, и привезти работы. И еще, она мне с восторгом рассказывала о своей студенческой жизни в Ленинграде шестидесятых годов, вот только всегда была голодна. Так неужели нельзя было подойти к банкомату, вытащить немного денег и поесть как следует?» Гид: «Разрешите мне продолжить. Родители Моисея погибли, их расстреляли нацисты в 1941-м. Они отказались оставить без присмотра виноградники, которые возделывали, эвакуироваться и так спастись. Их фотографии не сохранились, только несколько портретных рисунков их сына. „Двойной портрет матери художника“ — шедевр Гамбурда-рисовальщика. А сейчас обратите внимание, пожалуйста, рядом с мемориальной доской из красного гранита по эскизу дочери художника закреплена муниципальная плакетка, на ней указано, что дом Гамбурда является памятником архитектуры. Он выстроен в эклектичном стиле, скорее, в стиле южно-русского ампира. Город требует сохранности фасада, что, мягко говоря, соблюдается весьма условно, и не вмешивается в безобразия, творимые с интерьером. К сожалению, после национализации особняка добротные резные дубовые двери с львиными головами были заменены на дешевые стеклянные, ставни и ши-

рокие подоконники вырваны, как говорится, с мясом, и вместе с дубовыми дверьми исчезли в неизвестном направлении бронзовые ручки, и шпингалеты исчезли тоже. Витражи разбиты, паркетный пол заменен на линолеум и дешевые крашенные доски. Марсельская черепица заменена на асбест...» Кто-то из туристов: «Но ведь асбест запрещен к применению — это вредно для здоровья!» — «...марсельской черепицей покрыты многие старые дома по всему Средиземноморью и в Израиле. Это знак качества тех времен». Турист в спадающих брюках: «Надо же так обкорнать. Но дом все-равно остался барским. Вот что значит порода!» Гид: «Ни землетрясение, ни бомбежки города не нанесли дому такого урона, как эта идеологическая модернизация; похоже, с особняка сбивали спесь. Дом знаменит еще и тем, что здесь у Гамбурдов в послевоенные годы собирались все те, кто создавал новую молдавскую культуру, те, кто сделал свой выбор в пользу Советской Молдавии и покинул Бухарест в 1940 году: архитекторы, художники, артисты, писатели и переводчики, музыканты и даже врачи».

Сразу после завтрака и перед посещением дома Гамбурда туристам показали главную достопримечательность города, памятник молдавскому господарю Штефану Великому и Святому (Ștefan cel Mare și Sfânt) работы бессарабского скульптора Александра Плэмэдялэ. Кряжистая фигура господаря в тяжелом национальном одеянии на фоне старинного парка властно держит огромную площадь перед собой. После многочисленных злоключений памятник снова стоит там, где ему и положено стоять, на своем настоящем пьедестале из местного касоуцког известняка. В этом заслуга архитектора Роберта Курца. Курц и его жена журналистка Фира были близкими друзьями Гамбурдов еще с бухарестской юности, и гид рассказывает о том, что Курц был

племянником знаменитого архитектора Щусева, построившего Мавзолей Ленина в Москве, и вместе со Щусевым после войны разработал генеральный план Кишинева, осуществленный только частично.

Вопрос: «А как он относился к евреям?» — «Но Роберт Евгеньевич был женат на еврейке...» — «Я спрашиваю, как Штефан Великий относился к евреям? А то ведь в Киеве стоит памятник Богдану Хмельницкому...» Возглас: «Этого не может быть!» Гид: «Судите сами, визирем молдавского господаря был Исаак бен Беньямин Шор, а когда Штефан серьезно захворал, крымский хан Менгли-Гирей послал к нему своего лекаря-еврея, и тот вылечил правителя. В благодарность за это господарь разрешил евреям проживать в своем государстве, а врачам-евреям — на льготных условиях». Турист: «Очень хороший памятник».

«А что делал Гамбурд во время войны?» — «Моисей воевал в Красной армии, а в 1943-м его демобилизовали и вызвали в Москву». — «Арест! Я так и знала!» — подает голос студентка. «Нет, привилегия. В столице его с женой поселят в гостинице „Москва“ и через год одними из первых Гамбурды вернутся в освобожденный Кишинев. Евгения напишет в Москве свои лучшие гуаши, виды военной Москвы с птичьего полета, а Моисей Ефимович...» Турист в сандалиях: «А почему Ефимович, ведь его отца звали Хаим? Неблагозвучно!? Хайим — это по-нашему жизнь. Очень красивое имя. Я дал это имя моему старшему сыну, он не жалуется». — «В Москве Гамбурд начал работать над монументальным полотном „Проклятие“ — трагическая эпическая сцена первых дней Великой Отечественной войны. Эту картину мы увидим в Национальном художественном музее Молдовы. Главные залы музея ремонтируются, но специально для нас откроют запасники, где хранится картина». — «Простите, но я никогда не слышал о такой войне». — «А о Второй

мировой вы слышали?» — «О, разумеется!» — «За „Проклятие“ художник получил высокую награду, орден Трудового Красного Знамени, но это не помогло ему избежать гибели, как награды и звания не помогли членам Еврейского Антифашистского комитета. Гамбурд покончил с собой, по одной из версий, в ожидании ареста. Сталин к тому времени уже год как умер, но маховик репрессий еще работал. О Еврейском Антифашистском комитете вы можете узнать в Википедии и на других сайтах. В постоянной экспозиции музея вы познакомитесь с одним из лучших портретов художника. Это портрет скрипача-виртуоза, первой скрипки Молдавского филармонического оркестра Оскара Дайна, он был завсегдаем дома Гамбурдов. Дайн учился в Брюсселе, Париже, Праге и стажировался в Бухаресте у Джордже Йонеску. Недавно в Молдове выпущена почтовая марка в его честь. Жена скрипача работала переводчицей с немецкого в СМЕРШе. Что означает эта аббревиатура — вы найдете в Википедии». — «А он не родственник Моше Даяна? Интересно было бы проверить».

Турист без особых примет: «Я слушаю, думаю и никак не могу понять. Советские евреи в синагогу не ходили, субботу и праздники не соблюдали, кашрут не соблюдали, обрезание младенцам мужского пола не делали. Так откуда же они знали, что они евреи?!»

Израильские туристы посещают Кишинев в основном для того, чтобы увидеть «город резни» Хаима-Нахмана Бялика, — и не найдя следов погрома, бывают очень разочарованы. Здесь никто не помнит о погроме и не знает о том, что слова *Кишинев* и *погром* стали близнецами-братьями, как *Ленин* и *партия*, и не разлей водой парой как Иешуа и Понтий Пилат — помянут одного, тотчас помянут и другого. Туристов повезут в бывший еврейский квартал и покажут им дом номер 13 в Азиатском (че-

рез «я») переулке, описанный и этим увековеченный писателем и гуманистом Короленко, и расскажут о том, что мать молдавского классика Мойше Гамбурда, моя бабушка, во время того самого погрома — погром «по традиции» пришлось на христианскую Пасху в апреле — была на третьем месяце беременности. Отец родился 2 октября 1903 года.

Погрому повезло — он обрел свой рупор и своего летописца. Поэма Бялика заставила содрогнуться мир — всех, кроме погромщиков. Они ее не читали. Ни советская аннексия Бессарабии, ни гитлеровская оккупация края никем не были воспеты, не нашлось для них слова. После знаменитого погрома город пережил другие жестокие потрясения, но они отодвинуты в прошлое ликованием выживших и немотой погибших.

К вечеру исторического дня 28 июня Кишинев захлестнула волна грабежей. Вереницы подвод, запряженных волами, и грузовиков потянулись к переправам через Прут. 29 июня на мостах были установлены кордоны советских пограничных войск для задержания мародеров. Возможно и другое распределение ролей: пограничники и есть мародеры, грабившие тех, кто, рискуя жизнью, спасал свое — заодно прихватив и чужое, что плохо лежало, — добро. Редким счастливым удавалось ступить на румынский берег «...с одним сапогом на ноге, без шубы, без портсигаров, украшенных надписями, без коллекций часов, без блюд, без валюты, без креста и брильянтов, без миллиона». Кто-то прыгал в воду, и тогда слышалась автоматная очередь, кто-то опрокидывал телегу, и в реку обрушивалась гнутая венская мебель, серванты, диваны и зеркала в стиле ар-нуво, огромные шкафы вместе с содержимым вперемешку с бочками солений и вина, лопавшимися от ударов о крышки роялей «Steinwey», и наспех скомканные знаменитые шерстяные безворсовые бессарабские ковры ручной работы. С румынского берега несло:

«Trăiască România Mare! (Да здравствует великая Румыния!)» и «Noi ne vom întoarce! (Мы еще вернемся!)». Вернулись. Вернулись через год. С германо-румынскими войсками вернулась сигуранца. Вместе жестоко отыгрались на местных евреях.

Недобрый час пробил для молдавского дворянства, со времен господаря Дмитрия Кантемира традиционно преданного русским царям. В ходе крымских войн между Россией и Портой и во время Первой мировой войны оно поддерживало русскую армию продовольствием и крупными денежными средствами. В семьях хранились благодарственные царские грамоты. На румынского короля Фердинанда I бояре затаили обиду — в 1918 году он провел закон о национализации их земель. Правда, помещикам пообещали возместить стоимость отчужденных угодий. Дворяне называли этот акт «большевистской выходкой короля» и считали себя не понаслышке знакомыми с методами большевиков. Как же они ошибались! По ту сторону Днестра в советской стране давно успели расправиться с капиталистами и помещиками и с теми, кто с ними расправился. А здесь работы непочатый край. По ту сторону Днестра — вот он, тот берег, видно, как жгут костры и по-над водой стелется дым — уже позади Голодомор и 1937 год с его расстрельными тройками, репрессиями против бывших кулаков, недобитых эсеров и классово-чуждых элементов, а здесь — ну прямо реликтовый заповедник. «Разоренное, обездоленное молдавское население с завистью глядело на тот берег, где в дружной борьбе за мир и счастье работали советские братья». Дворяне проявили преступную наивность, полагая, что комиссары с умилением отнесутся к благодарственным царским грамотам и, разумеется, посчитают их охранными. А где преступление, там и наказание. Советы их «подняли», то есть депортировали. Строптивые были расстреляны, многие погибали в пути, выжившие прижи-

лись в ссылке. Из Казахстана, из Омской области и Красноярского края приходили письма от ссыльно-поселенцев, их дети иногда возвращались в родные края. Во многих сферах деятельности Молдавской Советской Социалистической Республики встречались звучные фамилии местных потомственных дворян, вдохновенно создававших на страх и на совесть новые ценности. Почти все они стали членами партии.

Не только молдавским помещикам следовало опасаться Советов, но и белой эмиграции, не добравшейся в свое время до желанного Парижа или презренного Константинополя и загулявшей в степи молдаванской. Были те, и белый генерал в их числе, кто остался поближе к границе, чтобы не упустить радостный момент, когда несправедная власть на левом берегу Днестра очокуритса сама собой. Царские офицеры, воевавшие в Белой и в Добровольческой армиях, одержимые бесом ностальгии и мантрой Вертинского «и российскую милую землю узнаю я на том берегу», обнимутся с братьями по крови и священные слезы любви окропят их встречу. Генерала расстреляли, обе его дочери погибли по дороге в Сибирь. Те из белых, кто был трезвей рассудком, ушли с румынами и так избежали расправы.

Требования румынского командования о возвращении брошенных в спешке складов с оружием и боеприпасами действия не возымели. Советская сторона зачислила их в военные трофеи. Мы, мол, не обязаны собирать винтовки, которые побросали ваши солдаты. И то правда, молдаване, служившие в румынской армии, в мгновение ока 28 июня превратились в советских граждан — и их не тронь! Они бросали оружие, а иногда прихватывали его с собой вместе с обмундированием, обозами и лошадьми и разбредались по своим родным селам. Командованию даже скрежетать зубами от досады было некогда. Так в руках русских оказались 52 796 винтовок и караби-

нов — устаревших, правда, образцов. В списках трофеев вместе с зенитными пулеметами, мотоциклами с колясками, автобусами, вагонами и паровозами в количестве 141 штуки числились три с половиной вагона вина и среди прочей живности 79 голов поросят.

Эшелон особо ценного груза, набитый до отказа предметами из музейных и частных коллекций, церковной утварью, антиквариатом и слитками золота, не успел проскочить только что застолбленную границу. Бронзовый Штефан Великий оказался удачливой. По решению одного из румынских генералов скульптуру скинули с пьедестала и эвакуировали. Памятник был осуществлен на средства, выделенные румынским правительством, и на отливку фигуры пошла бронза трофейных турецких пушек, что носило символический характер. Но великий господарь — это национальная гордость, при нем Молдавское средневековое государство стало суверенным, и, что немаловажно, памятник спроектирован специально для города. Значит, не эвакуировали, а все-таки стащили, чтобы воздвигнуть его заново в 1942 году в оккупированном Кишиневе. За год гитлеровцы превратили город и окрестности в юденфрай: евреи транспортированы в лагеря в Транснистрии, заперты в гетто или расстреляны. В числе расстрелянных Хаим и Фрида Гамбурды, мои дедушка и бабушка.

На торжественной церемонии освящения памятника присутствует юный король Михай I. Звучат фанфары, атмосфера праздничная. К тому времени предыдущий король, его отец, отказавшийся от солидных кусков империи, но не отказавшийся от своей госпожи «неблагородного происхождения» Елены Лупеску, был отстранен от управления страной маршалом Антонеску и бежал за границу. Отступая из Кишинева в 1944-м, румынские военные снова прихватили Штефана с собой. Бронзовая фигура господаря валялась где-то на задворках, и только

рука с деревянным — бронзовый украли — крестом торчала из-под снега. Памятник вернули домой, но свято место не пустовало. Оно было занято вырезанным из фанеры силуэтом «отца народов».

Междувластие — лучший момент сведения счетов. Рабочие кожевенного завода с удовольствием проучили своего прижизненного хозяина по прозвищу Juruitor (Шкуродер). По его требованию рабочие медленно, слишком медленно, и тщательно размонтировали недавно приобретенное в Италии оборудование, но отказались упаковать его. Так хозяина и сдали вместе с новенькими станками подоспевшим советским военным.

В маленьком придунайском городке русских ждало странное зрелище — во дворе только что покинутого хозяевами двухэтажного дома под навесом от дождя стоял богато убранный для многолюдного пиршества длинный стол: горы голубцов в виноградных листьях, продолговатые блюда со стерлядью и осетрами, копченая свинина и соленья. На яства глядели сотни голодных глаз. Это сатмарские хасиды, бежавшие от режима Антонеску, нашли пристанище в только что опустевшем доме, в летней кухне с еще дымящимися казанами, в подсобных помещениях, в хлеву и на крыше. Никто из них, даже дети, не прикасались к некошерной пище. Советским военнослужащим было запрещено принимать от населения что-либо из съестного, кроме хлеба-соли. И они тоже не притронулись к лакомствам.

Работники банка в Оргееве заперли директора в его кабине и обчистили сейфы. Советские солдаты высвободили начальника и с его помощью перехватили беглецов. Банкир получил благодарность. Бравая крестьянка забралась в только что покинутый помещичий дом на юге Бессарабии, в порыве классовой ненависти перебила и изломала там все, что смогла, и была арестована за порчу народного имущества.

В то время, как румыны в тесноте и в обиде переходили мосты через Прут и Дунай на запад, бессарабцы рвались в противоположном направлении. Началось их массовое дезертирство из румынской армии. На своей территории командиры отыгрались, расстреляв 600 солдат-дезертиров, желавших вернуться домой. Дезертиров отлавливали в лесах, но кто-то, переодевшись в штатское, все же оказывался на противоположном берегу, где его тотчас арестовывал НКВД как... немецкого шпиона. Пять тысяч желавших перейти мост в Унгенах были заперты полицейскими в здании железнодорожного вокзала, где их продержали без еды и питья двое суток, а отперев, стреляли им в спину. «Ты что думаешь, там тебе будет лучше?» — спросил молодого художника Михаила Греку румынский пограничник. «У меня там престарелые родители», — был ответ. Не только сыновьи, но и супружеские чувства гнали Греку на советский берег — только что он женился на своей однокурснице по Бухарестской академии художеств еврейке Эсфири Брик.

Евреи и коммунисты составляли самую многочисленную группу рисковавших угодить из огня в полымя. Марксистскими идеями увлекались дети богатых бессарабских родителей. Они были так остро чувствительны к социальному неравенству, будто им достался весь скопившийся лишний в процессе сколачивания богатства их отцами дефицит совести. Это, конечно, не значило, что они отказывались от благ своего положения, позволявшего им учиться в Сорбоннах и Оксфордах. Бегите, молодые люди, в Америку или оставайтесь в Лондоне, или вступайте в ряды Сопrotивления! Но нет, их неудержимо влекло домой в ставшую советской Молдавию. Их отцов расстреляли как заводчиков, а сыновей — как троцкистов.

Моисей и Евгения застревают на переправе на двое суток. По мостам отступают румынские войска, и никому нет дела до

штатских, желающих покинуть Румынию, а значит, перейти мост против движения солдатской массы. Военные все еще идут и идут, а советские пограничники уже размечают государственную границу на левом пологом берегу реки. После долгих часов ожидания, на мосту устанавливается нечто вроде пропускного пункта и его тотчас сметает поток солдат. Успевшие подняться на мост оказываются прижатыми к перилам. С высоты моста хорошо видно, как румынские пограничники не чинят препятствий — широкий жест рукой, плыви, мол, если тебе очень хочется — тем молодым, сильным и нетерпеливым, кто пускается вплавь. Доплыть им не удастся, на советском берегу их встречают стрельбой. Женщина на мосту бросается с криком к пограничнику, на ломаном русском умоляя его помочь: «Fiul meu (мой сын), там плыть, платил!» — «Гражданочка, расстрельная статья за незаконное пересечение границы. Что, не знала?» — «Она говорит, что ее сын дал взятку, иначе румынский пограничник не пускал его к реке». Советский солдат: «Привыкли к взяткам. Скажи ей, мы взятку не берем».

Толща воздуха содрогается, на несколько секунд выключается звук, чтобы обрушиться грохотом. Что это? Может быть, взорван соседний мост или здание, или поезд? Людей гонит на восток лавина уже идущей войны, а где Исход, за толпой непременно увяжется «эрев рав» — разномастный сброд, так Библия называет примкнувших к сынам израилевым при выходе из Египта. Вот и сейчас воспользоваться случаем спешили авантюристы всех мастей, уголовники и несостоятельные должники, ожидавшие суда, и даже несколько жертв безответной любви.

Моим родителям кажется, не выбраться им отсюда. Мне очень хочется подбодрить их — я-то знаю, что они доберутся домой. До их гибели останется еще 14 лет жизни. Отцу, я уверена, трудно осознать, что его карьера рассечена на две части.

Мысли художника заняты статьей ведущего критика профессора Джорже Опреску, только что опубликованной в центральной газете. Художник не совсем согласен с трактовкой своего творчества. «Надо бы пригласить Опреску в кафе на бульваре Bărbăntu и обсудить с ним значение терминов, которыми тот пользуется, например, „редкий в своем поколении художник монументально-декоративного стиля“. Но почему декоративного? Может быть, критик имеет ввиду влияние мастерской монументальной живописи Бельгийской академии? Да, конечно, ведь он видел мою дипломную работу, а в ней просматривается ар-нуво, но в последних работах — нет. Опреску пишет о моих поисках стиля. Ерунда! Поиски стиля. Но стиль находится сам собой в процессе работы. Ни слова о рисунке и пластике, и о плотности цвета. Критики никогда не видят главного. „Быт возвышен до уровня бытия“. Красиво сказано. Здесь можно уловить философскую и даже религиозную ноту. Критики называют меня певцом бессарабского крестьянства, и это честь. Да, я вырос среди виноградников в деревне».

Очень скоро характер и тон критики произведений Гамбурда изменится, в них усмотрят опасный космополитизм и отсутствие руководящей роли партии, нежелание преодолеть груз прошлого и изначальную причастность к буржуазной культуре. Что касается главного, то окажется, что художник медленно изживает присущую ему цветовую условность и композиционную фрагментарность. От него потребуют серьезной перестройки творческого метода. Горечь и страх накопятся со временем, но сначала отец с энтузиазмом окунется в новую жизнь. Сохранился его членский билет Союза художников Молдавии под номером три, второй номер Моисей галантно уступил жене, первый достался прибывшему из центра направлять местную культурную жизнь в правильное русло Алексею Васильеву.

Из писем Васильева жене, датированных апрелем-июлем 1941 года: «Вечером на улице Ленина гулянье <...>. Все одежды значительно лучше, чем в Москве, замечательные прически и т. д. Чувствуется, что попал в город, который долгое время был в орбите европейской моды <...> и мой костюм, который в Москве был хорошим, здесь считается за более, чем средний <...> Итак, Таня, я за границей. В полном и прямом смысле этого слова, ибо и психология, и нравы, и обычаи кишиневцев в такой степени не похожи на наши, что трудно подчас даже разговаривать со многими, так как не находишь общих слов <...> Если бы ты знала, как они умеют отдыхать, как они танцуют, поют, играют и говорят на многих языках! Они знают всю Европу, однако это не мешает им о многом судить очень поверхностно <...> Во мне все видят представителя центра <...> В тот вечер я услышал много интересного о Пикассо, Корбюзье и др. художниках <...> Учу молдавский язык <...> Почти все выказывают свою радость по поводу приезда наших в Бессарабию, но думаю, что не все искренно». Васильевы и Гамбурды подружились семьями, но в глазах местной интеллигенции эти два художника виделись полярными фигурами. Васильев — советская культура во плоти, Гамбурд — носитель иных ценностей и трагическая личность.

Но я оставила Моисея и Евгению, переходящими по мосту через Прут. Вот и первый в их жизни день при советской власти. По городу не пройти — идет подготовка к параду. По обеим сторонам улиц, на домах и воротах развешивают лозунги, на скорую руку написанные белым по кумачу. Огромный канонический портрет Сталина, тщательно прописанный сухой кистью (портрет прибыл самолетом из Москвы), с тыльной стороны плотники прилаживают к нему шесты для переноски.

Всюду грузовики с откидными бортами, полные корзины с цветами. Цветы раздадут детям, и они вручат букеты солдатам-освободителям. Танки, очень много танков, им не хватает места на проезжей части улиц и они утыкаются носами в стены домов. На одном из танков сколачивают, нет, не эшафот — трибуну. Парад будет принимать командующий операцией маршал Жуков. Духовой оркестр, набранный из местных музыкантов, разучивает советские марши. Лица музыкантов, блеск литавр и труб и звуки музыки выражают верноподданнический восторг высокого накала, в искренности которого не усомнишься. Евгения узнает в оркестре известного джазиста, на концерте которого была в Бордо. Капельмейстер на полусогнутых ногах то пятится назад, то наступает на оркестр — весь подобострастие.

Патрули повсюду: «Кто такие? Зачем прибыли? Куда идете?» — «Мы художники, мы возвращаемся домой». Евгения достаёт из сумочки газету с репродукциями работ Макса Гамбурда на первой полосе и репортажем о параде вермахта на Елисейских Полях и экскурсии Гитлера по покоренному Парижу — на обороте. В репортаже о том, что, вот досада, Гитлеру не удалось подняться на Эйфелеву башню, лифты не работают. Но фюрер говорит, что тому, кто завоевал Париж, не надо покорять башню — она и так принадлежит ему. Солдат вертит газету в руках и возвращает ее. Мама прихрамывает, туфли-эспандрилы на веревочной подошве размокли и облеплены грязью, в руках сумка с документами. Муж поддерживает ее за локоть. Моисей — на нем нарядный галстук, повязанный на несостоявшуюся встречу с коллекционером, подбородок оброс щетиной, одежда промокшая и помятая, но переброшенный через руку плащ на клетчатой подкладке из тонкой шерсти падает уж больно не советскими складками, и это настораживает патрульных. За усталостью и неприбранностью молодой пары безошибочно угадывается

облик европейских интеллигентов эпохи, которую румыны называют Interbelic — период между двумя мировыми войнами. «Стоять! Документы, деньги, драгоценности». — «Ничего, кроме обручальных колец. Мой муж получил государственную премию, но...» — «Это какого еще государства?» — «У нас были с собой деньги, леи, разумеется, но все пришлось отдать вчера за краюху хлеба и ломоть брынзы». Патрульный напарнику: «Дамочка говорит по-русски как будто впрямь из Питера». Мама: «Ну что вы, господин городской, я отродясь не бывала в Петербурге. Нас с сестрой воспитала бонна, простите, гувернантка из белых...» — «Я не господин, господ мы сбросили в Черное море». Моисей жене: «Тасі, dăguciță, тасі. (Молчи, дорогая, молчи)». — «Не говорить по-румынски! Что ты сказал жене?» — «Попросил ее потерпеть совсем немного. Мы три дня в дороге, спали на земле, но вот уже дома». — «Этот дворец, что ли, ваш дом? Ничего, скоро будет нашим».

Ставни высоких окон на фасаде особняка плотно закрыты. Гамбурды протискиваются между танками, поднимаются на знакомое крыльцо и долго стучат в дубовые тяжелые двери. Моя бабушка сама открывает им. Страшная новость — деда арестовали сегодня утром. «Вы живы, дети мои! Какое счастье, какое счастье, Боже мой, Яшу арестовали, какое несчастье!» — «Мама, почему ты одна в доме, а где...?» — «Я успела вчера рассчитать всю прислугу. Большевики не любят эксплуататоров. К тому же леи, говорят, уже ничего не стоят. Рубль пришел разорить нас». Своему зятю, моему отцу: «Какая удача, что ты, Моня, заработал, наконец, своим искусством. Хоть голодать нам не придется». — «N-am arucat să primesc banii... (Я не успел получить деньги...)» Евгения: «Mama tu singură spui că leii nu mai au valoare! De ce îți pui pălăria? Să nu ieși în stradă, e periculos (Мама ты сама говоришь, что леи уже ничего не стоят! Почему ты надеваешь шляпу?»

Ты не выйдешь на улицу, это опасно!»». Бабушка: «Прекратите громко говорить по-румынски! Так. Я ухожу за мужем».

В детстве я много раз слышала о том, как бабушка спасла деда. Ни одного слова в своем рассказе она никогда не меняла. «Когда зашли Советы, Яшу, как юриста, сразу же арестовали. Я надела шляпку от мадам Попеску, вы, конечно, помните ее магазин на Александровской, и пошла к комиссару. Что же вы делаете, господин комиссар, сказала я ему, мой муж — известный адвокат. Был царь — он работал на царя, были румыны — он работал на румын, зашли вы — он будет работать на вас. И Яшу сразу же отпустили». Неумеренно благополучный бабушкин рассказ поражал меня, пионерку, своей политической безграмотностью, но в магическую силу шляп я уверовала на всю жизнь. И что за выражение такое «зашли Советы»? Бабушка не унималась: «Как зашли, так и выйдут».

В доме прохладно, в просторных комнатах мягкая полутьма. Многостворчатые ставни выходившего в сад венецианского арочного окна открыты только наполовину, и в окно ломаются ветки вишневого дерева... Нет, фруктовые деревья, вишневое и абрикосовое, отец посадил только через семь лет, когда я родилась, значит, тогда вишневых веток еще не могло быть, но я-то их помню, потому вычеркивать не стану. Книжные шкафы, один заполнен фолиантами старых мастеров, импрессионистов, кубистов — альбомы отец привез из Брюсселя, второй — юридической литературой на нескольких языках. Мраморный белый камин, на притолоке по сторонам — два огромных свежих букета. Над камином — тот самый портрет Евгении в черной шляпе. Моисей хотел показать его на своей выставке в Бухаресте, но бабушка не отпустила портрет из дома, тем и спасла. Изразцовая печь на отлете. Дом отапливался дровами и углем, и зимой через день приходил истопник. Бабушка упорно при

самых скудных средствах заново обростала прислугой. В центре комнаты, именуемой столовой, а значит, в центре мироздания, стоял массивный раздвижной стол. В детстве, помню, на столешнице раскраивались молдавские танцевальные костюмы, натягивались подрамники, а перед праздниками раскатывалось тесто и кололись грецкие орехи. За столом собирались те, кого со временем назовут местными классиками. Они были окрылены сознанием своей особой миссии — именно им выпал жребий создать новую молдавскую культуру. Их иммунитет не подвергался прививке на советскость, которую перенесли коллеги по ту сторону Днестра. Они были наивны во многом и лишены скепсиса и цинизма. Этих прекрасных талантливых людей объединяла огромная любовь к Молдавии. В доме были нередки и гости из Москвы, Киева и Ленинграда. Отец рисовал и писал друзей. И если крестьянские образы Гамбурда типизированы, то портреты друзей — ярко индивидуальны, и даже маленькие рисунки на листках из блокнота монументальны и обладают ошеломляющим эффектом присутствия.

Я любила ходить пешком под стол и слушать многоязыкий гомон, четко отличая русский от остальных необязательных. Ребенок — он звереныш и чувствует, что ему нужно для выживания. И как родители гордились моим раскатистым «р-р-р» и шипящими согласными! Бабушка была прагматична: «Власть говорит по-русски, значит, и ребенок должен говорить по-русски». Как все большие философы, бабушка грешила некоторой нелогичностью суждений.

В столовую выходило пять двустворчатых дверей, одна из них стеклянная витражная. Высокие двери встроены в забранные деревом проемы, из-за толщины стен походившие на ниши. Была ли самая большая и светлая комната отдана молодой паре под мастерскую? Думаю, что нет. Так было в годы моего детства.

Мольберты, этюдники, пианино — все на месте, только большой дипломный холст Гамбурда, привезенный из Брюсселя, тот самый, что вскоре не даст стене рухнуть во время землетрясения 1940 года и спасет моих родителей, перевешен в спальню. Это покорило художника. Очевидно, его тесть и теща посчитали, что панно из обнаженных мужских фигур не место в адвокатской приемной, где оно висело прежде.

Старшая мамаина сестра Регина иногда приезжала к родителям из Монпелье, где она жила с мужем. Последний ее визит выпал на август 1939 года. Моисей и Евгения приехали из Бухареста, чтобы провести с ней этот месяц, и Моисей взялся писать портрет свояченицы. Он торопился с портретом. Вот-вот начнется война. Когда работа была закончена, художник снял едва просохший холст с подрамника, свернул его в рулон и подарил Регине. Сестры были молоды, счастливы и, конечно, не могли предположить, что им никогда больше не суждено увидеться.

Через полвека после описанных событий, уже в бытность мою в Израиле, мне стало известно, что семья из Бухареста привезла с собой небольшую картину Макса (так его продолжают именовать в Румынии) Гамбурда. Они эту работу не любят, держат за шкафом лицом к стенке, и я могла бы, может быть, вернуть ее себе. Я созвонилась с владельцами картины и поехала в Кирият Бялик, что недалеко от Хайфы, выручать картину. Хозяйка одной рукой протерла пыль с холста грязной тряпкой, другой придвинула ко мне стул и облокотила картину на спинку стула. Передо мной был оставленный в «Залах Даллес» портрет крестьянки. И рама была та же, что на маленькой черно-белой фотографии, по которой я знала портрет. Отец считал картину пропавшей и, вероятно, погибшей. «Вам она что, не нравится?

Вот и нам тоже. Она у нас дома где только ни валялась. Вы все смотрите и смотрите...» Я протянула руку к портрету. «Нет, нет, мы хотим ее продать. Здесь в правом углу подпись и дата: 1938 год. Нам сказали, что это имеет большое значение и увеличивает цену. Мы хотим три тысячи долларов, это не много, если учесть...» Я так и осталась сидеть на расстоянии протянутой руки от картины. В комнате происходило какое-то движение, пришла дочь хозяйки с коляской, распеленала ребенка, отодвинула ногой мешавший ей стул с картиной, достала бутылочки, послышались причмокивания. Мое присутствие становилось неприличным. Раскланяться и уйти не хватало сил. «Но почему именно три тысячи, с чего вы это взяли?» — «Мы с мужем гуляли по старой Яффе, знаете, там где галереи, и зашли в одну, там нам очень понравился пейзаж израильского живописца. Галерист сказал, что это просто гроши». — «Имя, имя художника!» — «Вот, мы записали — Митч Беккер». Мне повезло! Митч оказался моим коллегой и приятелем, более того, он давно хотел, чтобы я сняла слепок с его лица и торса, я же не была в восторге от его просьбы. С чего это я, скульптор, стану делать работу формовщика? Уже на следующий день Митч пришел ко мне в мастерскую, и через день слепок был готов. Митч принял мои условия и расплатился своим пейзажем. Пейзаж был успешно обменен мной на «Крестьянку» Гамбурда, одну из лучших ранних работ мастера, считавшуюся потерянной.

Когда я предложила научному директору Третьяковки и автору панорамной экспозиции «Искусство XX века» Якову Бруку выбрать для музея из хранившихся у меня произведений отца, его ястребиный глаз выхватил «Крестьянку» и еще одну раннюю вещь живописца и два рисунка, сделанных Гамбурдом во время его пребывания в Эрец-Исраэль в начале 1930-х годов.

Репродукция «Крестьянки» опубликована в шестом томе каталога собрания Государственной Третьяковской галереи «Живопись первой половины XX века», рисунки — в третьем томе «Рисунки XX века».

Митч выстроил натюрморт из сделанных мной слепков и написал с него автопортрет на фоне картины Марка Ротко. Работу приобрел израильский коллекционер банкир Дуби Шифф.

Ну а я пишу рассказ, и останься мои родители в Бухаресте, я писала бы его по-румынски, но, вероятнее всего, не писала бы вовсе.

ПСЕВДОЭПИГРАФ

Всякое злословие, не начни его со слов правды, не преуспееет.

Вавилонский Талмуд. Трактат Сота

«Пражское кладбище» — имя нового романа Умберто Эко. Таким же было рабочее название ставших мировым бестселлером «Протоколов сионских мудрецов» (так по Эко). Промежуточное название документа «Протоколы собрания раввинов на пражском кладбище».

Заказчик вымарал вводный эпизод ночной сходки раввинов на погосте и правильно сделал. Главный герой романа, он же автор «Протоколов», агент многих тайных служб капитан-гарibaldiец Симоне Симонини, брюзга, гурман, циник, убийца, провокатор и непревзойденный мастер художественной фальсификации, коему щедро перепало от эковской образованности и недюжинного ума писателя, первый раз за 550 страниц громоздкого текста испытывает грусть — он грустит об утрате красочного оплошно отредактированного заказчиком эпизода. И есть о чем грустить. «Из немногих штрихов соорудил я волшебное место, мрачную, лунную декорацию для всемирного заговора. Зачем позволил, чтобы отобрали мое наилучшее творение? Сколько всего я мог в этом пейзаже разыграть...»

На кладбище Йозефова града в Праге еврейская община хоронила покойников на протяжении нескольких веков. На маленьком участке столпились около ста тысяч могил. Большая из часть замурована на нескольких этажах вглубь. Когда рыть ста-

новилось невозможно из-за запрета тревожить покой мертвых, насыпали для захоронений верхний пласт земли, и некоторые надгробные плиты стоят погребенными по пояс, а то и по плечи. Здесь покоится прах философа и каббалиста рабби Йехуды Либы бен Бецалеля, Махарала, создателя Голема. Из-за нехватки места пражские надгробные плиты в несколько раз тоньше подобных, раскиданных по заброшенным еврейским погостам Бессарабии и Западной Украины. Вырубленные в камне надписи на иврите в обрамлении витиеватых арабесок нет-нет да и подмигнут острым словцом. Стелы кренятся в разные стороны в великолепии дикого беспорядка. Разноголосица образует стройный хор, где хозяйничают свои ритмы. Симонини: «Тысячи стоячих досок без портретов, то есть без мало-мальски очеловечивающих черт. Евреи ненавидят человеческие лица, <...> сумбурность этой каменной грибницы, этого безжизненного кустарника, накрепкого всеми ветрами, ледящего душу пейзажа, напоминающего разинутый рот беззубой ведьмы». Зимой картину завершают черные вороньи гнезда высоко на ветках оголенных деревьев.

Могила подступает близко к Клаусовой и Пинхасовой синагогам, рискуя осквернить их. В отличие от привилегированных христианских захоронений под плитами в полу соборов, еврейские не соседствуют с синагогой. Мертвые отделены от живых. Живые не меньше мертвых страдали от скученности. Община, следуя жестким законам выживания на отведенной ей территории, разрешала жениться только старшему сыну после смерти отца.

Энергетика места густа как насыщенный раствор, нескольких капель которого оказалось достаточно, чтобы окрасить еврейской мистикой всю Прагу.

Сцена-пролог на Пражском кладбище, о потере которой сокрушается главный герой романа, выглядит так: ночь, двенад-

цать раввинов, представители двенадцати колен Израилевых, сходятся здесь для обсуждения тайного плана захвата власти над миром. Зловещий антураж, мрак, старики, их носы походят на клювы южных птиц, их скошенные сутулые силуэты — на надгробия (как же иначе!). Из своей могилы встает и присоединяется к ним тринадцатый — призрак великого Махарала. Этот развесистый китч много живописней и куда убедительней правды. Разочаровывающая правда состоит в том, что раввины не могут сойтись на кладбище не только ночью, но и днем. Один из них обязательно окажется коэном, потомком храмовых жрецов, восходящих к первосвященнику Аарону, брату Моисея, и законы ритуальной чистоты не позволят ему находиться на кладбище. Число 13 — чертова дюжина, сатанинское число для христиан, евреи относятся к нему неоднозначно (13 принципов веры от Рамбама; в возрасте 13 лет мальчик достигает совершеннолетия; гематрия слова «мавет» — смерть равняется 13-ти). Из двенадцати колен израилевых десять не вернулось из вавилонского плена и сгинуло среди народов Древнего мира, что по сей день будоражит национальное воображение.

Уж не двенадцать ли апостолов, с Христом — тринадцать, связанных с коленами израиелевыми, имел в виду сочинитель? Слишком сложно и слишком романтично.

Царская Охранка — она и есть заказчик «Протоколов» — убрала вводную сцену, вероятно, проконсультировавшись со своим сотрудником выкрестом Якобом Брафманом, знатоком еврейских реалий. Брафман (ему досталась в романе третьестепенная эпизодическая роль) горел традиционным разоблачительным пафосом крещеного еврея — вывести своих соплеменников на чистую воду. Он добросовестно перевел на русский более 1000 дневниковых записей минской общины и опубликовал часть из них в своей «Книге кагала». Его труд оценен по достоинству антисе-

митами и историками-этнографами за бесценные сведения о жизни и быте ашкеназской общины черты оседлости. До «Протоколов сионских мудрецов» «Книге кагала» далеко — «просвещенное» человечество не усмотрело в ней никакой угрозы.

Другому разоблачителю из числа знаменитых выкрестов повезло больше. Антисемитским рвением движима деятельность Карла Маркса. Маркс утверждал, что иудаизм, он и есть международный капитализм, и это когда у нищей массы восточноевропейских евреев нечем было убрать субботний стол. Ненависть к еврейскому капиталу делает его гениально прозорливым к капиталу вообще. Оба деда и дядя Маркса были раввинами. Сохранившиеся синагогальные документы общины Трира ведут род Маркса по отцу от великого комментатора Талмуда Раши, а по матери — от Махарала. В раввинских семьях к таким вещам относятся серьезно, и Марксу пришлось выплеснуть много яда на возделанную семейную традицию, чтобы психологически оправдать свое отступничество. «Манифест Коммунистической партии» и «Протоколы сионских мудрецов» — тексты одного ряда: и тот, и другой носят пророческий характер, и тот и другой собрали неисчислимые человеческие жертвы.

«Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару». Стоит заменить «буржуазию» на «евреев» и лыко из «Манифеста...» вольготно ляжет в строку «Протоколов...». И еще цитата: «Что для пролетариата-труженика, согнутого в дугу над тяжелым трудом, придавленного своей участью, получение говорунами права болтать, журналистами права писать всякую чепуху наряду с делом, раз пролетариат не имеет иной выгоды от конституции, кроме тех жалких крох, которые мы им бросаем с нашего стола за подачу ими голосов в пользу наших предписаний и ставленников наших, наших агентов?...» Похоже на «Манифест...»?

Нет — «Протоколы...». Есть и разница между этими документами — «Манифест...» делает ставку на пролетариат, а «Протоколы...» требуют установления единоличного правления царя иудейской крови.

Но роман Умберто Эко не только о фальшивке века. Тайному иудейскому заговору отведено меньше места чем, скажем, теме Джузеппе Гарибальди, но критика и общественное мнение судачат исключительно о сионском заговоре у Эко. Предисловие переводчика Елены Костюкович к русскому изданию и вовсе подходит на краткий курс ликбеза по еврейскому вопросу. Да и название романа отсылает к теме заговора.

За какие заслуги монархист Гарибальди попал в коммунистические святцы? Не за то ли, что открыл ворота тюрем и вербовал в свое войско головорезов и «каторжную отрыжку»? Или за то, что сделал красную рубашку униформой гарибальдийцев? Армия Гарибальди сражалась против Бурбонов за объединение Италии и добилась успеха, но кампания закончилась передачей юга Италии королю Виктору-Эмануилу. Умберто Эко в одном из своих интервью сетует о сегодняшней разрозненности Италии, о ненависти, нет, не севера и юга, это всем известно, но о ненависти жителей Пизы и близлежащей Лукки. «Города в Италии, — говорит Эко, и сегодня ведут себя так, как будто они города-республики, хоть это давно уже не так». Писателя это очень волнует.

Критику — нет.

В тексте с тошнотворной периодичностью происходят переодевания-перевоплощения Симонини в аббата Делла Пиколла, альтер эго главного героя, сопровождающиеся приступами амнезии. Читать скучно. Задело католиков, иезуитов и масонов.

Критику — нет.

В романе разработана нешуточная и растянутая во времени авантюра с душевнобольной девушкой по имени Диана из кли-

ники доктора Шарко. Диана, якобы, палладистка, вернувшаяся в лоно католицизма, и от ее имени устраивается религиозно-политическая провокация. История завершается черной мессой и педофильской оргией в заброшенной церкви в Пасси. Затем... «открытием безобразного происхождения девушки» — она оказывается еврейкой. «Открытие» стоит Диане жизни и ее труп заталкивается в канализационную трубу под домом.

Критика молчит. Что тут скажешь?

Кулинарные рецепты, раскиданные в тексте, не вызывают особого желания незамедлительно их реализовать и вкусить от этих яств. Возможно, из-за недоступной экзотичности ингредиентов, их составляющих. В самом деле, если я куплю в зоомагазине живую черепаху, то не для того же, чтобы рубить «дурашке» голову. Вонь парижских клоак тоже аппетита не прибавляет. Текст романа изрядно смердит трупными миазмами, неисправной канализацией, прогорклым кухонным чадом, блевотиной и соками продажной любви. Париж Эко под стать Парижу Зюскинда. Вот где черпалось вдохновение для создания лучших в мире духов! В одном из своих выступлений на французском телевидении Умберто Эко настаивает на том, что кулинарные рецепты, дескать, должны вызвать у читателя отвращение к обжоре Симонини. Писатель лукавит — поваренная книга в большой моде и вкупе с темой еврейского заговора обеспечивает живой коммерческий интерес к новому роману.

Лукавит он не только с рецептами, но и с моралью. Совсем не обязательно предлагать читателю заучивать наизусть хлесткие антисемитские клише, чтобы предоставить ему самому догадаться о их несостоятельности, тем более, что эти клише представляют собой крутой сплав правды и клеветы. Действительно ли замысел писателя состоит в том, чтобы превратить протоколы сионских мудрецов в приколы сионских мудрецов, и так опровергнуть антисемитский миф, или под видом пародии Эко

этот миф пропагандирует? Анализ постмодернистского текста, а Умберто Эко — один из столпов постмодернизма в литературе, не предполагает однозначного ответа на этот вопрос.

Эко использует верный литературный прием, отводящий от него любые обвинения: повествование ведется от лица профессионального негодяя. Это его, негодяя, мнения высказаны в книге. Такой ход позволяет писать абсолютно неполиткорректную вещь — ату ее, политкорректность! В самом деле обрыдла! Диалоги в книге — это разговоры Симоне Симонини с различными по калибру прощелыгами, и здесь автор за словом в карман не полезет. Дед главного героя потчевал внука такими эскападами: «Евреи, мало того, что спесивы как испанцы, неотесанны, как хорваты, алчны, как левантийцы, неблагодарны, как мальтийцы, наглы, как цыгане, немыты, как англичане, сальны, как калмыки, надуты, как пруссаки, и злоязыки как уроженцы Асти, но они еще и прелюбострастники по причине безудержного приапилизма, причененного обрезанием, в чем великое несоответствие мужду их плюгавыми фигурами и громадностью пещерного тела внутри срамного их недокалеченного выроста».

Кроме пренебрежения политкорректностью писатель позволяет себе и другие «возмутительные» и неконвенциональные ходы. Он пишет толстенный роман и не включает в него ни одного мало-мальски романтического сюжетца, не считая романа гурмана Симонини с собственным желудком; главного героя выводит антипатичным типом и делает ставку на якобы исчерпавшую себя тему «Протоколов сионских мудрецов».

Что касается «Протоколов», то им, похоже, «исчерпание» не грозит и они актуальны сегодня так же, как сто лет назад. Прямо Вечный жид, а не Протоколы! Бернский суд, записи заседания которого составили семь томов, давно закончен. Я опоздала, не то бы обязательно потребовала проведения лексического

анализа. Раввины, они же — сионские старцы (зикней цийон), пользуются другой лексикой, и строй их речи, и образы — другие. В речь раввинов всегда вплетены цитаты из еврейских священных книг, которыми они подкрепляют свои доводы, иногда довольно запутанные и темные для постороннего понимания. Их беседа в узком кругу допускает почти что кощунства (диврей кфира), но положительные примеры из римской истории — никогда! Отождествление «своих» с авгурами, членами почетной римской жреческой коллегии, в устах еврейских мудрецов — нонсенс! Сравнение самих себя со сторуким индийским богом Вишну — чушь! «Наш удел со времен Аарона, — говорит один из участников заговора — золотой телец. Когда мы станем единственными хозяевами золота всей земли, истинная сила соберется в единый кулак». «Грех золотого тельца» в еврейской лексике это тяжкий атавистический грех идолопоклонства и только (телец был отлит из золота и сыны израилены поклонились ему, забыв истинного Бога), страсть к золоту, иное выражение — «тават беца». Христиане пользуются устойчивым словосочетанием «золотой телец» в значении — поклонение золоту.

Охранное отделение, вне сомнений, могло бы пригласить кого-то из крещенных евреев стилизовать текст под речь раввинов. Решение не делать этого оказалось судьбоносным и привело к тяжелым последствиям для евреев и огромному успеху книжонки. Итак, «Протоколы...» рассчитаны на тех, кто их читает, а не на тех, кто их не писал. Подлог получился топорным, но коллективному бессознательному, этому склизкому поддонному животному был брошен тот корм, которого оно алкало. Необходимость в скучнейшей достоверности отпала как хвост и фальшивка заиграла яркими цветами провиденческой мистификации.

«...Нам нужно, чтобы с первого момента ее (конституции) провозглашения, когда народы будут ошеломлены совершив-

шимся переворотом, будут еще находиться в терроре и недоумении, они осознали, что мы так сильны, так неуязвимы, так исполнены мощи, что мы с ними ни в коем случае не будем считаться, и не только не обратим внимания на их мнения и желания, но готовы и способны с непререкаемой властью подавить выражение и проявление их в каждый момент и на каждом месте, что мы все сразу взяли, что нам было нужно, и что мы ни в каком случае не станем делиться с ними нашей властью...»

Неуж-то Сталин заглядывал в «Протоколы»?!

«Когда мы будем в периоде нового режима, переходного к нашему воцарению, нам нельзя будет допускать разоблачения прессы общественной бесчестности: надо, чтобы думали, что новый режим так всех удовлетворил, что даже преступность иссякла...»

Наверняка заглядывал.

«...Если и найдутся желающие писать против нас, то не найдется охотников печатать их произведения. Прежде чем принять для печати какое-либо произведение, издатель или типографчик должен будет прийти к властям просить разрешения на это. Таким образом, нам заранее будут известны готовящиеся против нас козни, и мы их разобьем, забежав вперед с объяснениями на трактуемую тему. Литература и журналистика — две важнейшие воспитательные силы; вот почему наше правительство делается собственником большинства журналов. Этим будет нейтрализовано вредное влияние частной прессы, и приобретает громадное влияние на умы...»

Здесь уже не Сталин заглядывал в Протоколы, а сионские мудрецы подсмотрели тайные директивы вождя.

Фальшивка-оборотень переродилась в культурный феномен и требует к себе нового аналитического подхода. Изучают же крупные рекламные фирмы успешные методы пропаганды идеолога Третьего рейха Геббельса.

Текст получился провидческим не только по содержанию, но и по форме. Протоколы сработаны методом компиляции и плагиата из Устава ордена Баварских иллиuminатов, Евангелия от Сатаны, политического памфлета «Диалоги в аду между Макиавелли и Монтескье» адвоката и журналиста Мориса Жоли и идей романтика Ежена Сю (подробнее читайте у Эко). В ход пошли литературный коллаж, реди мейд (из готового), цитаты без кавычек, перелицовки, копирование шедевров и фальсификация документов — разрешенные и желательные методы постмодернизма. Современные творческие приемы подразумевают использование всего что плохо и хорошо лежит. Юридические претензии могут иметь место, если взял чужое, моральные — нет.

Но если не сионские мудрецы, то кто же писал «Протоколы...», кто компилировал, сшивал и фальсифицировал? Немного терпения и я отвечу на вопрос.

Понтифик Иоанн Павел Второй в 1994 году попросил прощения у евреев за наветы и за псевдо тексты в том числе. Псевдоэпиграф — ложная подпись (по-гречески) — литературный текст или документ, создание которого приписывается какому-то знаменитому историческому лицу или, как в нашем случае, группе лиц. Экклезиаст, этот великий псевдо эпиграф, написан от имени сына Давида, царя в Иерусалиме, то есть Соломона, хотя относится к значительно более поздней эпохе.

«Протоколы...» — злобный и умный псевдо эпиграф-паксвиль, его можно поместить в рубрику «Псевдо и квази иудаизм». Иудаизм представляет собой сложную, тяжелую для понимания и требовательную систему, закрытую для непосвященных. Рядом с ним гуляет миф. Бедняга Симонини в детстве боялся, что его заставят есть опресноки в соусе из крови христианских младенцев. Да что Симонини? Русский религиозный мыслитель В. В. Розанов сочетал в своих высказываниях

о евреях и иудаизме поразительные озарения с не менее поразительным невежеством. Он был убежден, к примеру, что евреи действительно замешивают тесто для выпечки мацы на свежей христианской крови. Густав Майринк расцвел свой знаменитый роман «Голем» (речь идет о том самом Големе, создание которого приписывается пражскому раввину Махаралу) элементами из Каббалы, о чем крупный исследователь Каббалы Гершом Шолем отозвался как о шарлатанстве. Обширная территория псевдо иудаизма заселена страшными кознями, кровавыми обрядами, шабашами, проклятиями и бесовщиной. Не только Эко, но и Бешевич Зингер и другие талантливые еврейские писатели подбросили от своих щедрот в пузырящуюся зелье. Их книги прекрасно расходятся, а псевдо каббала собирает огромные аудитории — люди охочи до еврейских козней и таинств.

Умберто Эко, похоже, никого не хочет заставить поверить в существовании жидо-масонского заговора передела мира, но то, что историю творят агенты тайных служб, столь изощренные, что расшатывают опоры режима, которому служат, основательнее революционеров — эту идею роман преподносит очень убедительно. «Как может укрепиться полицейский информатор? Конечно, разоблачив заговор! Ну, значит, надлежало организовать заговор. Чтобы потом его с блеском разоблачить». С разоблачением тайного еврейского заговора возникли трудности и тянутся они больше века.

Но сегодня-то дело закрыто. Точка. «Протоколы...» — подлог. А им хоть бы хны! Популярность книжонки только растет, она переведена на 80 языков (полного перевода на иврит нет!) и переиздается миллионными тиражами. На нее спрос в исламских странах, в России и в Японии. Почему же никто из потомков раввинов, тех самых, которые плели на Пражском кладбище свой всемирный заговор, ни внуки рабби Дана из Константино-

поля, ни внучатые племянники рабби Ашера из Лондона, ни наследники рабби Иуды из Амстердама не требуют от издательств соблюдения авторских прав своих дедов и прадедов и немедленной выплаты огромных просроченных гонораров. Бедолаге Жоли тоже ничего не перепало от славы «Протоколов...». Его памфлет сочли направленным против Наполеона Третьего, тираж пошел под нож, сам журналист угодил в тюрьму и в возрасте сорока лет застрелился.

Так кто же является автором «Протоколов...»? Как может быть, что после стольких судебных заседаний, расследований и дознаний не известно имя создателя фальшивки века? Охранка — заказчик, но кто этот заказ выполнил? Ответ есть: «Протоколы Сионских мудрецов» написал непревзойденный мастер фальсификации, блестящий талантливый компилятор, авантюрист и профессиональный негодяй Симоне Симонини, единственный вымышленный персонаж нового романа Умберто Эко «Пражское кладбище».

Концовку статьи я хочу позаимствовать у профессора тель-авивского университета Дины Порат, которая завершает свою обстоятельную лекцию о истории знаменитой фальшивки анекдотом. Два еврея в нью-йоркском метро сидят друг против друга, один читает газету на идише, другой — газету американских нео-нацистов. «Мойше, — обращается тот, кто читает идишистскую газету к своему визави, — ты что это читаешь!?» «В твоей газете, — отвечает Мойше, — как всегда пишут о том, что еврейские организации ссорятся между собой, что процент смешанных браков растет и что евреи не соблюдают субботу! Зато в моей — о том, что вся пресса в еврейских руках, что банками и денежной системой правят только евреи и что евреи скоро вообще захватят власть над миром».

НАТЮРМОРТ С СЕРЕБРЯНЫМ КУБКОМ

Я и садовник, я же и цветок...

Осип Манделштам

«Сказал: силушку твою — Торе! Сказал: красоту твою — женам!» (Бава Меция 84а).

Такой словесной дуэлью отмечена встреча «двух великих мира сего»¹ (Иерусалимский Талмуд (далее И. Т., Брахот 61а)) — рабби Йоханана и Шимона бен Лакиша (впоследствии Рейш Лакиш). Первая реплика принадлежит рабби Йоханану. Возгласом, в котором, как в заклинании, присутствует интуитивное упоминание Торы — отвести беду, — встречает купающийся в Иордане обнаженный раввин прыгнувшего в воду с противоположного берега гладиатора и разбойника бен Лакиша. Лакиш принял голого красавца за женщину, и немудрено. «Тот, кто хочет увидеть красоту рабби Йоханана, пусть принесет серебряный кубок из мастерской чеканищика, наполнит его зернами красного граната, поверх горлышка украсит его венчиком красных роз и поместит меж солнцем и тенью. Сияние этого зрелища подобно сиянию красоты рабби Йоханана» (Бава Меция 84а).

Гемара, как мы видим, не скупится на восторги в описании очарования рабби Йоханана, но в перечне красивейших персонажей еврейской мифологии он не значится, потому что его

¹ Так Иерусалимский Талмуд называет рабби Йоханана и Рейш Лакиша. В III веке еврейское государство не существовало, а значит, не было и иерархии власти. «Великим» мог быть только ... мудрец. Даже богатство не обеспечивало величия.

лицо было лишено «мантии», приличествующей мужчине: мраморнолицый красавец был безбородым. Очевидно, по этой причине бен Лакиш и принял его за женщину.

Рабби Йоханан делает первый ход и выигрывает партию, поставив мат на третьей фразе. Он обращает разбойника к Торе и женит его. «Если станешь самим собой [вернешься к Торе], дам тебе мою сестру, что красивее меня» (там же), — говорит он вооруженному и разгоряченному эротическим видением детине. И тот соглашается.

Избежим соблазна въехать на удобную автостраду стереотипа и представить бен Лакиша раскаявшимся грешником. Скорее всего, его устроила пакетная сделка. Миниатюрная сценка заканчивается былинной строкой: «Учил его рабби Йоханан Торе и Мишне и сделал его большим человеком» (там же).

Если встреча героев описана в одном варианте, то концовок сюжета — несколько. Первая: ссора и смерть, сначала Рейш Лакиша, следом за ним — рабби Йоханана. Бывший разбойник умирает... от обиды! После смерти товарища рабби Йоханан впадает в глубокую депрессию, и его кончина от тоски и досады следует за смертью Лакиша. По другой версии — почтенный глава иешивы в Тверии, редактор и составитель Иерусалимского Талмуда и персонаж Талмуда Вавилонского (в Вавилонском Талмуде имя рабби Йоханана встречается около трех тысяч раз!) доживает до глубокой старости и так физически немощен, что просит своих учеников: «Поднимите мне веки!» (Бава Кама 117а) (интересно, был ли Гоголь знаком с этим отрывком, когда писал своего «Вия»?), и те поднимают их специальной серебряной щеточкой. Третий вариант — оба раввина проживают долгую жизнь. Р. Адин Штейн-зальц указывает годы их совместной деятельности: 250–290 гг. — и относит их ко второму поколению амораев. (Даты определяются путем исторических сопоставлений и ана-

лиза лексического строя текстов, что не гарантирует точного результата.) Марк-Ален Вакнин относит обоих раввинов к первому поколению амораев и датирует жизнь раб-би Йоханана бен Наппаха 199–279 годами. Но когда бы ни случилась кончина великого талмудиста, «тяжел был этот день для Израиля, как был бы тяжел день, когда солнце восходит в полдень»¹ (Моэд Катан 25б).

«Его поколение говорило (Песнь Песней, 8:7): «если даже отдаст человек все свое состояние за любовь», чтобы показать, такой, мол, любовью любил рабби Йоханан Тору — (там же): «да засмеют его!»» (Ваикра Рабба 30,1).

Серединную часть этой истории можно сложить по-разному. Биографические рассказы Хазал — тема постоянных разногласий между исследователями Гемары. Они то считаются вымышленными, то подлинными. Впрочем, с литературной точки зрения это не имеет никакого значения. Из массивных пород талмудической словесности намывается увесистая горсть золотого песка высокой литературной пробы. Не стоит пытаться составить одну-единственную достоверную биографию того или иного героя Гемары. Такая попытка почти всегда обречена на провал. Гемара предлагает нам не один истинный, а несколько, хоть и сомнительной достоверности, но бесспорной занимательности вариантов жизни своих персонажей. Собственно, никакого плавного повествования вообще нет, есть раздробленные и разбросанные где ни попадя по полотну супертекста — и при этом с полным пренебрежением к хронологии — кусочки яркой смальты воображаемой мозаики. Сравнение с пазлом в этом случае будет еще более верно. Именно пазл, части которого не

¹ Фразеологическая конструкция «Тяжел был тот день для Израиля, как день...» используется в Талмуде для обозначения особо трагических событий. Сравните: «Тяжел был тот день для Израиля, как день, когда сделали золотого тельца» (Шаб-бат 17а).

совсем плотно притерты друг к другу. Чем не прообраз ставшего уже хрестоматийным приема построения современного романа: «Голем» Густава Мейринка, «Хазарский словарь» Милорада Павича, «Сатанинские песни» Салмана Рушди, «Имя розы» Умберто Эко и многие другие¹.

Куда же угодил Шимон бен Лакиш, воткнув свой *ромах* (копье) в каменисто-илистое дно Иордана? Иешива в Тверии, созданная и возглавляемая рабби Йохананом, была одной из двух крупнейших школ иудаизма в III веке, вторая находилась в Вавилоне. Со времени создания этой иешивы в Тверию переместился центр еврейской духовной жизни. Рабби Йоханан занимал главенствующее место среди мудрецов своего поколения. Под его руководством велась гигантская работа по упорядочению и завершению Иерусалимского Талмуда².

Разбойник-найденыш всерьез берется за дело. «*Тот, кто наблюдал Рейш Лакиша в доме учения, видел, как он будто вырывает с корнем горы и дробит их одну о другую*»³ (Санхедрин 24а). Так физическая мощь героя сублимировалась в духовную и творческую.

¹ Многие характерные признаки постмодернизма, в соответствии с классификацией такого крупного его адепта, как американский теоретик литературы И. Хассан, как нельзя более соответствуют текстам Талмуда и Мидрашей. Среди них: вольное обращение с хронологией, «*неопределенность, включающая в себя все виды неясностей, двусмысленностей, разрывов повествования, перестановок*». См. Современный философский словарь. Лондон—Париж—М., «Панпринт», 1998, с. 673. Добавлю термин «*ragataxis*» — способ построения текста, в котором отсутствует логическая последовательность, а впечатление целого создается из сочетания разрозненных фрагментов.

² См. А. Штейнзальц. *Мадрих ле-Талмуд* (Путеводитель по Талмуду). Иерусалим, «Кетер», 1984 (на иврите).

³ В подобной форме сказано о Самсоне: «*Цреа и Эштауэль — две великие горы были, вырвал их с корнем Самсон и раздробил одну о другую*» (Сота 9б).

За короткий срок бен Лакиш получает вожденную многими учеными мужами аттестацию — титул «рабби». С этого момента его слова становятся авторитетными, а ему самому обеспечено место в пантеоне великих раввинов Талмуда. Удостоенный титула должен был обладать солидным объемом знаний и уметь гибко ими пользоваться.

В ходе разборок в *бейт-мидраше*¹ решения не выносятся и на вопросы практически нет ответов. Ответ всячески муссируется и разворачивается иногда в иной, чем был задан вопрос, плоскости, так что перестает быть ответом, но становится провокацией нового вопроса. В этом — одна из особенностей талмудической диалектики. Раввинистический спор называется «*пильпуль*» (*пильпель* — «перец» на иврите); то есть, если хотите, разрабатывать тему — означает не что иное, как «*толочь перец*».

Дискуссии фиксируются так, как будто участники говорят прямо в микрофон, а выбивающийся из сил ассистент едва успевает менять пленку. Емкость и лаконичность записей напоминают телеграфный стиль или стенограмму. Писец-аноним стенографирует с тем, чтобы затем расшифровать и пополнить запись, но объем работы слишком велик и не всегда удается привести в порядок записанное, и тогда никому, кроме писавшего, не понятные куски бронзовеют на лету и так и врезаются в будущее — головоломкой для последующих поколений. Догадка эта — отнюдь не аксиома. И если она и верна, то отчасти. Куда отнести «живые» реплики спорящих, которые записывались десятилетия спустя после того, как были произнесены, и со слов другого лица?²

¹ *Бейт-мидраш* (букв. «дом учения») — место, где изучаются религиозные тексты, а также молельный дом.

² Общеизвестно, что Сократ не записал ни одной из своих мыслей, и это сделал его ученик Платон после смерти учителя. Великий цфатский каббалист Ицхак Лурия (1534–1572), основатель «Лурианской каббалы»,

В религиозных кругах бытует мнение, что текст затемнялся умышленно, чтобы быть понятным только посвященным — хранителям ключей от него. Работа над кодификацией Гемары происходила в идентичном с написанием Евангелий хронотопе (излюбленный термин М. Бахтина для определения единства места и времени), и травма евреев из-за присвоения нарождающимся христианством великого наследия иудаизма, Торы, болезненна¹. Отсюда желание, осуществленное, припрятать Талмуд только для себя.

Что-то из уже записанного теряется в процессе дальнейших копирований или распределения по трактатам, сызнова отыскивается, тасуется, как колода карт, и застывает в конце концов, как блестяще сказал М. — А. Вакнин, «в великолепии дикого беспорядка»². Случайности приобретают статус закономерностей и не подлежат уже никакой доработке — только комментированию. По мере отодвигания в прошлое текст сакрализуется.

Так, только безумец может захотеть сегодня поправить какой-то «случайный» мазок на полотне Ван-Гога или «причесать» растрепанный абзац Достоевского, хотя бы и было известно, что Достоевский, осаждаемый кредиторами, был вынужден завершить роман «Игрок» за 26 дней. Писатель диктовал стенографистке по многу часов в день, и у него вряд ли оставалось время отшлифовать написанное. Именно эта манера письма и есть сегодня почитаемый и тщательно изучаемый стиль писателя.

не оставил никакого литературного наследия и не описал своих мистических опытов. Его ученик Хаим Витал записал его учение. Евангелия были написаны спустя несколько десятилетий после изложенных в них событий.

¹ Апостол Павел провозгласил, что уверовавшие в Христа наследуют место Израиля. См. Э.-Э. Урбах. *Хазал*. Иерусалим, «Магнес», 1998, с. 473 (на иврите).

² М.-А. Ouaknin. *Aggadoth du Talmud de Babylone*. Introduction. Ed. Verdier. 1982, p. 15.

Тем удивительней, что несмотря на наслоения, нестыковки и бесчисленные копирования, яркие голоса, звучавшие в первых веках нашей эры, окрашенные обидой, зазнайством, слезами, угрозами, упрямством, высокомерием, любовью, прорываются через густой частокोल времени и слышны так четко, что заставляют обернуться — не рядом ли с твоим ухом они сию минуту прозвучали?

Вот фрагмент изложения знаменитой ссоры, имевшей весьма трагические последствия для обоих раввинов, чьи мнения по вопросу кошерности металлических инструментов и оружия разошлись: «Однажды спорили в доме учения: меч и нож, и сабля, и ромах, и ручной серп, и серп для жатвы, с какого момента могут считаться оскверненными [то есть, стать непригодными для употребления]? <...> Сказал ему [раб-би Йоханан Рейш Лакишу]: разбойник — он и есть разбойник, кому же еще в ножах разбираться! Сказал ему [Рейш Лакиш]: что такого хорошего ты для меня сделал? Там звали меня «рабби» и здесь зовут меня «рабби»¹. Сказал ему: да я тебя под крылья Шехины привел» (Бава Меция 84а).

Можно считать удачей то, что не только диспуты, но и жизненные перипетии крупных раввинов заносились в текст Гемары. «Даже будничная беседа мудрецов требует отдельного изучения» (Авода Зара 19б). Именно обилие будничных деталей позволяет собрать объемные портреты наших героев.

---

¹ Исследователи Талмуда Бялик, Равницкий и Иона Френкель объясняют: Шимон бен Лакиш до возвращения к Торе был не просто разбойником, а главой разбойничьей шайки. Титул «рабби» использовался в те времена не только как «учитель», но и как «вождь», «глава». См.: Х.-Н. Бялик и И.-Х. Равницкий. *Сефер ха-Аггада*. Тель-Авив, «Двир», 1952, с. 219 (на иврите); И. Френкель. *Июним бе-оламо ха-рухани шель сипур ха-аггада* (Беседы о духовном мире аггадического рассказа). Тель-Авив, «Ха-кибуц ха-меухад», 1981, с. 75 (на иврите).

Младенчество мраморнолицего красавца и одного из самых острых умов эпохи Хазал было печально. Он появился на свет круглым сиротой. «*Отец его умер в тот день, когда забеременела мать, а мать умерла при родах*» (Киддушин 31б). Будучи еще совсем юным, он получает титул за титулом, и его величают мудрецом уже в ранней молодости. Сведений о жене рабби Йоханана я не нашла, а вот о детях упоминается в вызывающем едва ли не ужас отрывке. В *бейт-мидраше* происходит дискуссия о страданиях и болезнях вообще и о прокаже в частности, страшной болезни, которую еврейская традиция всегда считала знаком Божьей немилости. Прокаженного, будь то хоть сам царь, изолировали и предавали общественному ostracismu. Уз и я х у, десятый царь Иудеи (769–733 гг. до н. э.), заболев проказой из-за проявленного им пренебрежения по отношению к храмовым обычаям, был лишен власти, изолирован и умер в лепрозории. За злословие проказой была наказана пророчица Мириам, проказой страдал Иов. Участники дискуссии высказывают сомнение в том, что болезни и тяжелые испытания, которые Всевышний посылает человеку, — знаки нелюбви: может быть, напротив, Бог испытывает тех, кого любит¹. На первый взгляд может показаться, что перед нами пример понятийной эквилибристики и силлогизма, но на деле все сложнее. Темы страдания так или иначе касались крупные авторитеты иудаизма, сходясь в том, что страдания могут быть вызваны любовью Всевышнего.

Далее следует совершенно дикий для раввина жест. Рабби Йоханан достает человеческую кость, которую носит с собой,

¹ «Разве только добро приемлем мы от Бога, а зло не приемлем?» (Иов, 2:10). «И вот, счастлив человек, сносящий удары Господни, наказанием Божьим не гнушайся» (там же, 5:17).

и показывает ее присутствующим: «*Это кость моего десятого сына*»¹ (Брахот 5б). Вот уж действительно «(Песнь Песней, 8:6): «*Страшна, как смерть, любовь — та, которой Господь любит вас*» (Шир ха-Ширим Рабба 8,4). Избранничество страшно. Современный французский философ Жан Франсуа Лиотар идет дальше: «*Не близки ли мы тут к тому, чтобы впасть в диалектику или софистику типа: если Холокост, то в точности избранность?*»². «*Избавьте меня и от страданий, и от платы за них*» (Брахот 5б) — отвечает ему рабби Йоханан из глубины веков со всей своей убедительной непоследовательностью. Десять детей рабби умерли, но вот мы читаем о том, как наш раввин неудачно сватает дочь за своего ученика (значит, кто-то из детей выжил?), и слышен голос оскорбленного отца отвергнутой невесты: «*Моя Тора кошерна тебе, а мои дочери — нет?*» (Киддушин 71б).

Очаровательна миниатюра о том, как рабби Йоханан «позирует» у входа в микву, чтобы возвращавшиеся после ритуального омовения женщины могли его лицезреть и потом зачать детей со своими законными мужьями, предаваясь грезам о его красоте: «*Чтобы были у них сыновья красивые, как я, и изучающие Тору, как я*» (Бава Меция 84а). Возможно, что таким оригинальным способом, потеряв собственных детей, он надеялся запечатлеть себя в чужом потомстве. Шокирует непристойность и изначально фарсовый ход затеи: уважаемый человек в позе памятника самому себе торчит в общественном месте. «*Я остался от красот разрушенного Иерусалима*» (Бава Меция 24а). Возможен и несколько иной перевод: «*Я остался одним из красивейших [мужей] Иерусалима*».

¹ Иудаизм запрещает тревожить захоронения и уж тем более расчленять скелет и брать с собой какую-нибудь кость.

² См. Jean-François Lyotard. *Heidegger et les «juifs»*. Ed. Galilée. Paris, 1988, p. 44.

Вот еще картинка. Рабби восседает в своей иешиве на высокой стопке подушек. Каждый раз, когда в ходе диспута он не может ответить на сложный вопрос, то в гневе и раздражении велит выдернуть из-под себя подушку — понижает себя в статусе, пока в конце концов не оказывается сидящим на полу.

Судьба не уберегла нашего героя от позора нищеты. Будучи изначально человеком состоятельным, рабби Йоханан был вынужден один за другим продать свои земельные наделы, виноградник и недвижимость и ничего не припас к старости. Нищета заставляет его даже податься на заработки. Не исключено, что ученики, и Рейш Лакиш в их числе, находились на содержании своего мэтра. Ведь Лакиш приходит учить Тору голым в буквальном смысле слова, даже свою одежду он оставляет на берегу Иордана.

«Это не человек [рабби Йоханан], но ангел. Иные говорили: самый что ни на есть человек во плоти» (Шаббат 112б).

Рабби вспыльчив сверх меры, одним взглядом способен превратить противника в грудку костей, жесток с сестрой, слезлив, как женщина, нарциссист. Он подвержен приступам обжорства, в чем сам и признается, тщеславен и требует, чтобы, цитируя его, непременно указывали имя (заботится о соблюдении авторских прав), неровен и заносчив с коллегами, но исцеляет больных и с рабом всегда делится едой: *«Разве не тот, кто создал меня во чреве, создал и его?»* (Иов, 31:15).

Кусочки и крошка мозаичной смальты, из которых складывается портрет рабби Йоханана, многочисленны. Я снова и снова просеиваю их, чтобы выбрать наиболее яркие. Фрагмент в духе Рабле: желая уличить вавилонского коллегу в некомпетентности, очевидно, мнимой, рабби Йоханан снаряжает и отправляет ему караван из двенадцати верблюдов, груженных мясом, с тем, чтобы мудрец определил годность продукта в пищу¹.

¹ Интересно, что составители Тосафот осуществляют здесь дегипер-

О нескольких версиях кончины великого раввина я говорила выше. Хочу обратить внимание читателя на ту, что проливает свет на метод проработки галахических проблем в *бейт-мидраше*.

Стеная о смерти Рейш Лакиша, рабби сокрушается об утрате сильного оппонента. *«Это ты, что ли, как бен Лакиш?»* (Бава Меция 84а) — упрекает он соратника, который, желая утешить учителя, поддакивает ему. — *«Бен Лакиш задавал мне двадцать четыре каверзных вопроса, и я должен был изворачиваться и искать на них двадцать четыре ответа. И так сама собой разъяснялась Галаха»* (там же).

Язык Гемары щедр на метафоры, но даже он, кажется, берег краски специально для описания красоты рабби Йоханана. Подобные «натюрморты» найдешь разве что в Песни Песней. О внешности Рейш Лакиша почти ничего не сказано, кроме: *«Мое брюхо служит мне валиком (подушкой)»* (Гиттин 47а). Значит, он был человеком грузным и неприхотливым, как солдат, который в походе обходится малым, и собственная рука служит ему подушкой. Трактат «Шаббат» содержит намек на благородное происхождение «enfant terrible» из семьи законоучителей, тогда как рабби Йоханан бен Наппах простого происхождения, из рода кузнецов (*наппах* — «кузнец» на иврите). К периоду до его встречи с мэтром относится весьма красочный эпизод — *«Рейш Лакиш продался гладиаторам»* (Гиттин 47а). Со второй строчки (миниатюры так емки, что уже со второй строчки глубоко погружаешься в происходящее) ясно, что это не просто гладиаторы, но — людоеды, да еще и людоеды-гурманы. Перед тем, как убить жертву, они исполняют ее предсмертные желания —

болизацию эпизода. Они заменяют слово *гмалим* («верблюды» — на иврите) на *гвиллим* («свитки» — на иврите). Согласно их версии, р. Йоханан послал своему вавилонскому коллеге двенадцать свитков, куда были внесены вопросы относительно кошерности мяса. См. Тосафот, Хулин 96а.

тогда кровь слаще. Когда приходит черед нашего героя быть съеденным, он хитростью и силой умерщвляет всех, а сам садится пировать. Рядом с ним откуда ни возьмись появляется взрослая дочь (неужели тоже была продана на съедение?!) и трогательно заботится об отце. Жизненный опыт гладиатора — «*Я оказываюсь убитым, если не убиваю первым*» (И. Т., Трумот 47а) — Рейш Лакиш переносит со временем в область галахического спора в *бейт-мидраше*. Его реплики неожиданны и остры, а фантазия оригинальна: «*Велика сила раскаяния — злонамеренность она превращает в заслугу*» (Йома 86а).

До сих пор я ни разу не коснулась очевидной гомосексуальной, вернее, гомоэротической окраски истории двух раввинов, не желая умножать модные рассуждения на эту тему, например: «*Что за сделка была заключена в потоках вод Иордана, в момент и в потоке вождения, между двумя обнаженными мужчинами?*»¹. Не случись, однако, с Рейш Лакишем эротической ошибки, не воткни возбужденный разбойник своего *ромаха*, использовав его как шест, и не прыгни в реку, чтобы изнасиловать воображаемую женщину, — эта сцена не была бы включена в мою книгу. (Об изнасиловании в тексте Гемары ничего не сказано, и это тоже новейшая идея. Ну зачем так грубо, может быть, просто хотел познакомиться...)

Ромах, которым был вооружен Бен Лакиш, упоминается только в наиболее полном, «Гамбургском манускрипте» трактата «Бава Меция», и если бы *ромаха* не было вовсе, его стоило бы выдумать². Предмет этот, да еще и воткнутый, дружно признан

¹ См. А. Косман. *Масехет гварим* (Мужской трактат). Тель-Авив, «Кетер», 2002, с. 38–39 (на иврите).

² Так наз. «Гамбургский манускрипт» — одна из восьми сохранившихся рукописей Талмуда, в которой упоминается *ромах*, тогда как в других рукописях *ромаха* нет. См. Д. Боярин. *Ха-басар ше-бе-руах* (Плоть духа). Тель-Авив, «Ам овед», 2001, с. 216 (на иврите).

исследователями Талмуда фаллическим символом. «...*Ромах*, именно этот воткнутый *ромах*, ярко символизирует в нашем рассказе фаллос. Его и вообразил Рейш Лакиш воткнутым в рабби Йоханана» (см. прим. 15).

И теперь я хочу привести полностью цитату из трактата «Йома», которой я начала эссе «Ангелы в натуральную величину» в этой книге, и раскрыть имя ее автора.

«*Сказал Рейш Лакиш: в тот час, когда чужие зашли в Святимилице, увидели они херувимов в любовном соитии, выволокли их на улицу и говорили: ... эти Израиль, это их-то благословения сильны, это их-то проклятия сильны — а сами занимаются такими делами?! И тут же надругались над ними, как сказано (Плач, 1:8): «Пала святыня на глазах почитавших ее, потому что все видели ее срамную наготу»» (Йома 54б).*

Еще один заключительный штрих, и тогда я закончу свой сказ о красавце, и, как бы сказали сегодня, интеллектуале рабби Йоханане и его соратнике, бывшем головорезе, а ныне мудреце Востока Рейш Лакише на поэтической ноте. Рабби Йоханан посетил заболевшего коллегу рабби Элиэзера и нашел его лежащим в темноте. «*Обнажил рабби Йоханан длань и осветилось все вокруг*» (Брахот 5а). То было сияние красоты. Это зрелище заставило больного разрыдаться: «*Я плачу о красоте, которую поглотит прах. <...> Красота достойна слез, — сказал рабби Йоханан. И плакали оба*» (там же).

ЛУК И СТРЕЛЫ

Герой, кто он? Тот, кто укрощает свой нрав.

Авот 4:1

Самая занимательная часть солидной, но несколько громоздкой книги Томаса Манна «Иосиф и его братья» повествует о несостоявшемся романе между женой египетского вельможи Потифара и управляющим его именем Иосифом. Одна из лучших глав этой части — «Прием дам».

Влюбленная до одури и беззащитная в своей одержимости женщина приглашает подруг, дам высшего света, на девичник. Гостям подают фрукты и острейшим образом заточенные ножички. Они принимаются чистить плоды — и в это время в зал входит кравчий Иосиф, чтобы прислуживать за столом и разливать вино. Взгляды пирующих дам устремляются на красавца-юношу, и бедняжки все как одна по неосторожности себя ранят. Жена Потифара специально задумала и разыграла эту сценку, чтобы наглядно продемонстрировать приятельницам, что лишь одно появление Иосифа способно привести в шок и причинить увечье. Как же должно быть изранено ее сердце, если изо дня в день она видит его в своем доме, а молодой раб отвергает ее любовь!

Этого эпизода в Книге Бытие нет, и я считала его блестящим вымыслом писателя, пока не нашла в мидраше «Танхума»:

«Однажды собрались египтянки и пришли, чтобы увидеть красоту Иосифа. Что же сделала жена Потифара? Сорвала

этроги¹, и раздала их каждой и каждой, и дала ножички каждой и каждой, и кликнула Иосифа и поставила его перед ними. И потому, что любовались они красотой Иосифа, порезали себе руки. Сказала им: что же это вы, тотчас порезались. Я тем более [изранена]. Ведь я всякий час вижу его и во много раз чаще, чем раз в час! И изо дня в день я пыталась склонить его к себе речами, но нет, он обуздал себя» (Танхума Веяшев 5).

У Томаса Манна эпизод занимает семнадцать страниц убористого текста. Писатель указывает источники, которыми пользовался — Коран, Фирдоуси, А. Джамии — и... не ссылается на Талмуд и Мидраши, большая часть которых несколькими веками старше арабских и персидских книг. Материалами из еврейских священных книг Манн пользовался очень широко и не всегда ставил кавычки. Что ж, он писал роман, а не научный труд. Любопытно, что реформистское крыло иудаизма признает за произведением Манна как раз научное значение и чуть ли не пользуется им как справочником.

Библейская история Иосифа и его братьев — «дайджест» — провоцировала и провоцирует желание многих авторов живописать происходившее подробнее и добавить детали². От подобного соблазна не ушли и составители мидрашей «Берешит Рабба», «Танхума», «Бамидбар Рабба», «Ялкупт Шимьони» и тракта-

¹ Этрог (плод цитрусового дерева) считался у народов древнего Ближнего Востока эротическим символом. Мидраш сравнивает этрог с народом Израиля. (Левит, 23:40): «Плод цитрусового дерева» — это Израиль, потому что есть у него вкус и есть у него запах, так и Израиль, есть у него люди и есть у него Тора, и есть у него добрые дела» (Ваикра Рабба 30,12).

² Гете восхищался безыскусностью и свежестью библейского рассказа, но находил его чересчур кратким и писал об искушении изложить его подробнее, дорисовав все детали. См. доклад Томаса Манна «Иосиф и его братья», 1942. В кн.: Томас Манн. *Иосиф и его братья*. Москва, «Художественная литература», 1968, с. 899.

тов Вавилонского Талмуда «Йома» и «Сота». Так создается огромный канонизированный апокриф-палимпсест¹, где один текст накладывается на другой, ранний, а скрепами служат цитаты — места полной идентичности глубинного и верхнего текстуральных слоев. Палимпсест как таковой предполагает многослойность, и в нем просматриваются несколько этажей насквозь. Мидраш по-хозяйски вольготно обращается с эпизодами и деталями, но никогда не меняет основных сюжетных векторов и тем более концовок. Это изменило бы ход истории. Менять нарратив нельзя, но можно натянуть тетиву рассказа до предела, так, что она вот-вот лопнет. Проследим за тем, как это делается.

Вот диалог — обмен любезностями между непокорным слугой и всемогущей и наглой хозяйкой, которая от сладких речей переходит к другим методам воздействия. Разговор кажется подслушанным: «Жизнью клянусь, обездолю я тебя во всем; и говорил ей (Псалмы, 146: 6–7): «Он свершит правый суд для обездоленных», сведу на нет я твой заработок; и говорил ей (там же): «Он дает хлеб голодным», свяжу тебя; и говорил ей (там же): «Господь освобождает повязанных», я тебя в дугу согну; и говорил ей (там же, 146:8): «Господь выпрямляет согбленных», повыкалываю я твои глазищи; и говорил ей (там же): «Господь исцеляет слепых». Да сколько же можно! Рабби Хуна от имени рабби Ахи сказал: железным хомутом приказала сковать ему шею, чтобы поднял глаза и смотрел на нее, но так и не взглянул на нее, ведь написано (там же, 105:18): «Истязали железными путами его ноги, душу оковали железом»» (Берешит Рабба 87,10) Последняя фраза относится к моменту продажи Иосифа в рабство. Тогда, возможно, его душа ожесточилась.

¹ Палимпсест — старинный манускрипт, который написан поверх другого, раннего, частично или полностью сохранившегося или стертого.

Заметим, дама из высшего египетского света — в изложении раввинов — изъясняется, как базарная баба, что почему-то выглядит весьма правдоподобно, ибо между двумя этими категориями женщин разница невелика. Иосиф же держится на высоте — наотмашь парирует цитатами из Псалмов. Между тем, библейский Иосиф псалмов знать не мог, их авторство приписывается царю Давиду, который правил Иудеей и Израилем много позже (XI–X вв. до н. э.). Современные исследователи Танаха считают, что Псалмы и Книга Экклезиаст написаны под сильным эллинистическим влиянием и относят их к еще более позднему периоду. Хазал, как известно, вольно обращались с хронологией — «Нет в Торе прошлого и нет будущего» (Песахим 66) — и помещали персонажей, действовавших в Танахе, в свой временной пласт, и наделяли их новоприобретенными «современными» знаниями. Так, «Праотец Авраам соблюдал всю Тору» (Йома 28б), которая дана была евреям лишь при Синайском откровении.

Это явление в какой-то мере аналогично методу христианских художников Средневековья, Ренессанса и последующих эпох, которые одевали библейских героев в европейское платье, типичное для своих стран, и помещали их в современный им архитектурный антураж. Андреа ди Бартоло, сиенский художник, творивший на рубеже XIV–XV веков, придал Иерусалиму все черты итальянского средневекового города («Иоаким покидает город», Христианский музей, Эстергом). Библейские персонажи братьев Ван Эйков одеты, как Филипп, герцог Брабантский, или Луи (Людовик), герцог Савойский, а евангельская Мадонна — как супруга Арнольфини («Семейный портрет супругов Арнольфини», Национальная галерея, Лондон). Зал Иерусалимского Храма у Рембрандта — не что иное как интерьер готического кафедрального собора, а на офорте Рембрандта

«Явление Христа народу» (Британский музей, Лондон) фасад Храма и вовсе украшен полуобнаженной статуей Правосудия с завязанными глазами и весами в руке — полнейший абсурд с исторической точки зрения. А с художественной — но разве художественные достоинства произведений великого голландца вызывают сомнение? Потифар и его жена одеты в восточные костюмы эпохи великих географических открытий и колониальных завоеваний (Рембрандт, «Жена Потифара обвиняет Иосифа», Берлинский музей). Иные библейские сцены украшают собой рыцари в латах, дамы в кринолинах и фламандские крестьяне в характерных головных уборах.

Но вернемся к Иосифу.

Итак, он отказал своей госпоже в близости, но возвращается в дом, где, кроме нее, якобы захворавшей, ни души нет. «*Рабби Иехуда сказал: день праздника поклонения Нилу был и все пошли смотреть, а он не пошел, но* (Бытие, 39:11): *«вернулся в дом выполнить свои обязанности»* — привести в порядок счета хозяина. *А рабби Нехемия сказал: день театра был и все пошли смотреть, а он не пошел, но* (там же): *«вернулся в дом выполнить свои обязанности»* — привести в порядок счета хозяина. *Рабби Шмуэль бар Нахман сказал: «выполнить обязанности», ясно какие обязанности...* (там же): *«и нет мужчины [в доме]», не оказался он мужчиной. Сказал рабби Шмуэль: напрягся лук его, но вернулся в прежнее состояние, как написано* (там же, 49:24): *«но вернулся лук его к своей мощи [в прежнее состояние]»*» (Берешит Рабба 87, 7).

Двусмысленность последней фразы очевидна, и раввины обыгрывают ее. Куда понятней синодальный перевод, как нельзя более соответствующий духу отрывка, где восхваляется (Бытие, 49:22): «*Иосиф — отрасль плодоносного дерева, <...> и стреляли, и враждовали на него стрельцы, но тверд остался лук его, и крепки мышцы рук его от рук мощного Бога Иаковлева*». В ивритском

оригинале не все так однозначно. Выражение «вернулся к своей мощи» — идиоматическое, и означает оно «вернуться в прежнее состояние». Этот-то смысл раввины вытаскивают на поверхность. «*И сказал рабби Шмуэль: напрягся [уж было взведенный для сражения] лук его, но «вернулся в прежнее состояние»*» (Берешит Рабба 87:7). Идиома не предполагает прочтения каждого составляющего ее слова по отдельности, но в нашем случае слово «мощь» (*итан* — на иврите) уж больно интенсивно окрашивает все словосочетание «вернулся к своей мощи», которое можно употребить, когда говоришь, к примеру, о войне, оправившемся от ранения, — он вернулся к прежней своей мощи, но так нельзя сказать о нищем, которому на время улыбнулась судьба, но затем он все же вернулся к своему убожеству.

Иосиф заходит в опочивальню хозяйки во всеоружии (по Томасу Манну), или с взведенным для сражения луком — так на языке раввинов, но продолжает морализировать и стыдить женщину за непорядочность ее намерений. Его восставшая плоть наглядно опровергает эти речи. Что произошло далее, не разглядеть — ключья фраз разметались в переполохе. «*Рабби Хуна от имени рабби Матны сказал: образ его отца привиделся ему и он остудил его кровь. <...> Рабби Менахма от имени рабби Ами: образ его матери привиделся ему и остудил его кровь*» (Берешит Рабба 87, 7). «*Сказал ему [отец]: Иосиф! В будущем [имена] твоих братьев будут написаны на камнях эфода и твое — между ними*¹. *Разве хочешь ты, чтобы стерлось имя твое меж их имен и стали звать тебя пастухом шлюх! Ибо написано* (Притчи, 29:3):

¹ Первосвященник в Храме носил на груди поверх эфода (обрядового предмета в одежде первосвященника) сакральное прямоугольное украшение, где в четыре ряда располагалось двенадцать камней, по числу колен Израилевых. Каждое колено считалось потомками одного из сыновей Иакова и носило имя этого сына.

«Пасущий шлюх потеряет богатство»» (Сота 36б). Мидраш рисует Иосифа семнадцатилетним подростком, и родительская угроза возымела действие: «Тотчас напрягся лук его <...> (Бытие, 49:24): «...и крепки мышцы рук его», — вцепился руками в землю [в лук?] — и [стрелой] выхлестнулось семя меж его ногтей» (там же). Томас Манн считает его двадцатичетырехлетним юношей.

Вот так на эпический танахический накладывается талмудический или мидрашистский текст, куда более приземленный, особенность которого состоит в том, что он рядом с танахическим рассказом помещает раввинов, этот рассказ обсуждающих, и таким образом превращает их в литературных персонажей. Имена полемизирующих указаны и реплики авторизованы. Некто анонимный заносит на пергамент всю дискуссию. Кто он — автор или только писец?

«Иосиф оставил одежду свою в руках ее, побежал и выбежал вон» (Бытие, 39:13) — так он избежал совершения прелюбодеяния и заслужил эпитет «Целомудренный». Царь Давид не прошел испытания — лукавый попутал. Сатана в образе птички, эдакий крылатый-хвостатый Купидон, сатана-сват затевает совсем пустяковую шалость — пускает стрелу в ширму («улей» — в трактате Санхедрин), за которой обнаженная Бат-Шева (Вирсавия) моет голову, — и Давид сражен.

«Сказал рабби Йехуда со слов Рава: ни за что на свете не должен человек сам подвергать себя испытанию. Вот ведь Давид, царь Израиля, подверг себя испытанию и провалился. Сказал он перед лицом [Всевышнего]: Властелин мира, почему говорят в молитве «Господь Авраама, Господь Исаака и Господь Иакова», но не говорят «Господь Давида»? Сказал: их испытал, но тебя — нет. Сказал: Властелин, проверь и испытай меня, ведь сказано (Псалмы, 26:2): «Искуси меня, Господи, и испытай меня; выжги почки мои и сердце мое». Сказал: Я испытаю тебя, и сделаю

Я еще одну вещь — праотцам не объявлял, а тебе объявлю — на предмет похоти испытаю тебя. И вот (Царств II, 11:2): «...был вечер и поднялся Давид с ложа своего». Сказал рабби Йехуда: превратил свое дневное ложе в ночное [спал, мол, с женщинами в тот день, чтобы не испытывать вожделения]¹. Как будто не к нему относится Галаха: член у человека мал — голодного насыщает, у сытого только разжигает похоть. Сказано (там же): «и прогуливался он по крыше царского дворца и увидел, женщина купается на крыше и весьма женщина хороша собой». Бат-Шева (Вирсавия) то была и мыла она голову за ширмой. Явился Сатана, прикинулся птичкой, послал стрелу в ширму, распахнулась ширма и увидел ее [Бат-Шеву Давид]. Тотчас (там же, 3: 4): «послал узнать о женщине и сказали ему: это же Бат-Шева, дочь Элиама, жена Урии хеттеянина. И послал слуг, и привели ее, и спал он с ней»» (Са н хе-дрин 107а).

В обоих случаях греховность прелюбодеяния связана с тем, что и жена Потифара, и жена Урии хеттеянина — женщины замужние, то есть они — чужая собственность², и в обоих случаях подчеркивается тщеславие героев. Давид должен провалить испытание, иначе не появится на свет Соломон³. Схема подобных

¹ «Давид, его сила в чреслах». Традиция приписывала царю Давиду неординарные сексуальные способности и неутомимость в любви.

² Прелюбодеяние считалось одним из трех тяжелейших грехов — идолопоклонство, кровопролитие и сексуальные преступления (прелюбодеяние — одно из них). Галаха объединяет их формулой: «Умри — но не преступи». За сожителство с чужой женой мужчине выносился смертный приговор через удушение, но за ним признавалось «место в грядущем мире». Отягчающим вину обстоятельством было посрамление мужа любовницы — в этом случае преступник лишался своей части и за смертной чертой. А. Штейнзальц. *Мадрих ле-Талмуд* (Путеводитель по Талмуду). Иерусалим, «Кетер», 1984, с. 143 (на иврите).

³ Первый ребенок Давида и Бат-Шевы умер семи дней отроду, второй, Йеидья (Соломон) «был любим Господом» (Царств I, 25).

игр почти идентична и ведет свое начало от книги Иова. Обычно в роли исполнителя выступает Сатана, он предварительно спрашивает у Всевышнего разрешения испытать праведника. Бог выражает сомнение в успехе предприятия, но все же дает добро. Такой сюжет вполне можно назвать излюбленным сюжетом в еврейских священных книгах.

...В поисках сцен, подходящих для рисунка, я снова и снова вчитываюсь в древние строчки и обнаруживаю много интересного, чего и не искала вовсе — аналогии, ассоциативные узлы, парадоксальные ходы, — и не перестаю удивляться плотности вербальной субстанции, где все со всем сплетено, расчленено и выстроено заново. Так я совершаю уже совершенные до меня открытия и пишу свой «палимпсест», один из многих подобных и разных, образующих полупрозрачную толщу. В ней, как в озерной глубине, тонут опрокинутые недостроенными верхушками вниз Вавилонские башни в безнадежном усилии коснуться дна.

ТВОРЧЕСТВО — ПРОДЕЛКИ ЙЕЦЕРА

Один из самых трудных и ускользающих от точного перевода на другие языки — излюбленный еврейский термин эпохи Хазал — «*йецер ха-ра*» (дурное побуждение). Сатана, бес, дьявол, грех, злодей, нечестивец или, точнее, дух бесовства, пагубная страсть, злой умысел, потребность в грехе, дурной порыв, дьявольское наваждение, злой гений — вот неполный список возможных его толкований¹. Даниэль Боярин, крупный исследователь темы эротики в Талмуде, автор книги «Плоть духа», пишет: «*Йецер ха-ра объясняется обычно как страсть ко злу, и это одно из самых интригующих понятий в культуре Хазал, одно из чреватых ошибочным прочтением понятий*»². Пожалуй,

¹ «Семь имен у злого йецера. Святой, благословен Он, называл его «злой», как сказано (Бытие, 8:21): «Ибо побуждение сердца человеческого злое с юности». Моисей называл его «необрезанным», как сказано (Второзаконие, 10:16): «Обрежьте жестокость ваших сердец». Давид называл его «нечистым», как сказано (Псалмы, 51:12): «Чистым создал мое сердце Всевышний» — отсюда следует, что может быть и нечистое [сердце]. Соломон называл его «ненавидящий», как сказано (Притчи, 25:21–22): «Если голоден ненавидящий тебя, накорми его хлебом, если жаждет он — напои его водой, ведь горящие угли посылаешь ты на его голову, и Господь заплатит тебе [за доброту]. Не читай «заплатит», но «воздаст». Исая называл его «преткновением», как сказано (Исайя, 57:14): «Мостите, мостите, освобождайте дорогу, уберите преткновение с дороги Моего народа». Иезекиил называл его «камень», как сказано (Иезекиил, 36:26): «И изъять я каменное сердце из ваших тел, и дал вам сердце из плоти». Иоил называл его «северный», как сказано (Иоил, 2:20): «И северный [мор] удалю я от вас»» (Сукка 52а).

² Даниэль Боярин. *Ха-басар ше-бе-руах* (Плоть духа). Тель-Авив, «Ам Овед», 2001, с. 68 (на иврите).

ближе всех к *йецер ха-ра* его сводный испанский брат «дуэнде». Федерико Гарсия Лорка ввел его в обиход, и в этой связи приводит слова Гёте об игре Паганини: «Таинственная сила, которую все чувствуют, но ни один философ не может объяснить»¹. Одни переводчики переводят «дуэнде» как «бес», другие оставляют без перевода и превращают его в имя собственное. последуем и мы их примеру и назовем *йецер ха-ра* просто Йецером². В этом есть некоторое пренебрежение к «доброму *йецеру*» («*йецер хаттов*»). Но последний разительно уступает первому. Компьютер «зашкаливает», и он выбрасывает четырехзначное число злых *йецеров*, кишущих в тексте Вавилонского Талмуда, и всего лишь шесть стыдливых *йецеров* добрых. Добрый уступает злему не только в численности, но и в прыти:

«Когда человек распяляет себя и идет на греховное дело, все члены слушаются его <...>, но когда он идет на богоугодное дело, начинают маяться все его члены, потому что *йецер ха-ра*, что в кишках его, царь он над двумястами сорока восемью членами человека, а добрый *йецер* не кто иной, как связанный узник в тюремной камере» (Авот де-рабби Натан 16).

«Всюду, где черные звуки, там Дуэнде»³. В теневых сторонах страсти обитает Йецер, без него страсть — не страсть. Без Дуэнде

¹ См. Федерико Гарсия Лорка. *Об искусстве. Теория и игра беса*. Москва, «Искусство», 1971, с. 75–90.

² Д. Боярин отмечает, что в диалектических текстах Хазал о злом *йецере* наблюдается тенденция называть его просто Йецером, то есть стереть разницу между добрым и злым побуждением, особенно в сфере сексуальных отношений, тогда как в текстах дуалистических *йецер ха-ра* и *йецер хаттов* представляют противоположные начала. См. Д. Боярин. Цит. соч., с. 73 (на иврите).

³ См. Ф. Г. Лорка. *Самая печальная радость... Эссе «Дуэнде. Тема с вариациями»*. Москва, «Прогресс», 1987.

невозможен творческий акт¹, только его пошлая имитация, по выражению Лорки. Без Йецера невозможен акт любовный. Без него вообще невозможно продолжение жизни.

Вот замечательная аллегорическая притча о том, как евреи старались избавиться от Йецера². Молитвой и трехдневно-трехнощным постом еврейские мудрецы по возвращении из вавилонского изгнания выпросили у Всевышнего разрешение расправиться с Йецером, в *йецере* идолопоклонства и запрещенных сексуальных отношений они видели источник всех бед, постигших их. И Всевышний отдал его в их руки в образе ревущего молодого огненного льва. «*Это он, он — злой йецер, тот, кто разрушил Храм и сжег Святилище, и убил всех праведников, и изгнал Израиль из своей страны, — по сей день он вытанцовывает среди нас*»³ (Йома 69б). Грандиозное предприятие по уничтожению Йецера как будто бы удается — его поймали и связали на три дня. «Искали свежее только что снесенное яйцо по всей земле Израиля — и не нашли» (там же). «Сказал им [пророк]: если убьете его, настанет конец света» (там же). «Уж не покровительствуют ли ему, не приведи Господи, небеса?» (там же) — недоуме-

¹ Творчество (*йецира* — на иврите) и злое побуждение (*йецер ха-ра*) — на иврите).

² Мидраш Танхума живописует подобный момент, когда с ревом взмывает вверх из плавильного котла золотой телец (см. Тан-хума ха-Кадум). В агапистическом акте поклонения тельцу в пустыне еврейская традиция видит тяжелый грех перед Всевышним.

³ «Сказал ему: Ханина, брат мой, разве ты не знаешь, что народ этот [римляне], небеса дали ему царство, разрушил Храм, сжег Святилище, убил всех праведников, уничтожил лучших, и до сих пор он существует» (Авода Зара 18а). На этом примере можно проследить характерный талмудический прием. Синтаксическая конструкция, «сжившаяся» с Йецером, применяется здесь по отношению к Риму. Прямо Рим не назван «злым йецером», но читателя, знакомого с талмудическими текстами, фраза подводит к уравнению: Рим есть *йецер ха-ра*.

вают мудрецы. Убить Йецера-льва нельзя, но можно умалить его мощь. «Выкололи ему глаза и отпустили» (та м же). Акт ослепления аналогичен здесь акту оскопления.

Не знаю, была ли известна Ницше эта притча, но цитата, приводимая ниже, звучит как комментарий к ней: «*Все нравственные чудовища древности согласны между собой в одном: «Il faut tuer les passions»» («Нужно убить страсти»)*. *Старания искоренить страсти и желание в силу их глупости предохранить себя от неприятных последствий этой глупости кажутся нам в настоящее время такой же глупостью, но только в более резкой форме <...>. Но вырывать страсти с корнем значит вырывать с корнем самую жизнь, поэтому такая деятельность и враждебна жизни»*¹.

Как явствует из другой притчи, Йецер не терпит по отношению к себе радикальных мер, он любит деликатное обхождение: «*Рабби Шимон бен Элиэзер сказал: Йецер, ребенка и женщину — пусть левая рука их отталкивает, а правая — приближает»* (Сота 47а).

Сфера действия Йецера в культуре Хазал ограничена зрением. «*Сказал Рав: учим мы — не властен йецер ха-ра над тем, чего его глаза не видят»* (Сота 8а). «*Ибо написано (Числа, 15:39): «И не дайте сердцу вашему и глазам вашим соблазнить вас», глаз и сердце — два сводника греха они»* (Бемидбар Рабба 10,2).

В перечне чувств, которыми снабжен человек, зрение классифицировано как одно из самых коварных: «*...второе чувство — это зрение, и оно создаст вождление, третье — слух, и с ним придет мудрость <...>. Пятое — дар речи, и с ним придет познание <...>, седьмое — потребность в размножении и совокупении,*

¹ Ф. Ницше. *Избранное*. Научное издание. Минск, «Белорусский дом печати», 1998, с. 149.

*и с нею придет грех вождления, и, таким образом, последняя она в мироздании, но первая — в молодости, и полна она дури, и юношу приведет, как слепца, к яме и, как скотину, к кормушке»*¹.

В отличие от эллинизма, цивилизации по своей природе созерцательной, потому и развиты так в ней изобразительные искусства, еврейская цивилизация — вся вслушивание в речь Бога и пророков — Его рупоров, если и есть в ней всматривание, то только в написанное слово. (Не перестаю удивляться тому, что французский писатель Ан-туан де Сент-Экзюпери в своем «Маленьком принце» сказал: «*Главного глазами не увидишь»*. Эта фраза вполне могла бы быть произнесена кем-нибудь из мудрецов Талмуда.)

Дуэнде причастен ко всем искусствам. «*Естественно, — пишет Ф. Г. Лорка, — каждое искусство отличается по нраву и облику, но корни их всех соединяются там, откуда льются черные звуки Мануэля Торреса — в последней материи, в своевольной и трепетной сердцевине дерева, звука, ткани и слова»*².

Вотчина Йецера — визуальные (изобразительные) искусства. Видеть, voir, vedere, vision. Йецер вплотную связан со зрением, а зрение в культуре Хазал — с грехом.

Огненного льва ослепляют. Самсон, влюбившись в женщину иного рода-племени, «пошел за глазами» — и потому выкололи филистимляне ему глаза. «*Сказано (Судей, 16:21): «И схватили его филистимляне и выкололи ему глаза»»* (Сота 9б). И вовсе ужасными методами борется «законченный праведник» рабби Матья бен Хереш с Йецером, прикинувшемся красавицей. «*Что сделал тот праведник? Позвал ученика, который ему при-*

¹ А. Кагана (редактор). *Сфарим хицо-ниим. Цаваат Реувен* (Внешние книги. Завещание Реувена). Тель-Авив, «Мекорот», с. 152 (на иврите).

² Ф. Г. Лорка (см. прим. 3).

служивал, сказал ему: иди и принеси мне огня и гвоздь. Принес ему. Раскалил гвоздь в огне и воткнул его себе в глаза. Видел это Сатана, содрогнулся и упал ниц. Тотчас кликнул Святой, благословен Он, Рафаэля [ангела врачевания], сказал ему: иди и вылечи рабби Матью бен Хереша» (Ялкут Шимьони 49). Но последний отказался. И только заверения самого Всевышнего в том, что никогда Йецер не восторжествует над ним, убеждают праведника принять исцеление. Йецер — предатель и негодяй. «Йецер науськивает человека в этом мире, и свидетельствует против него в мире грядущем» (Сукка 52б). И все же «Создал Пресвятой злого йецера, создал к нему пряную приправу — Тору» (Бава Батра 16а). Выходит, сначала был создан Йецер, и только затем — Тора.

Развернем тему в несколько иной плоскости, чтобы затем вернуться к триаде: Йецер — искусство — разврат. Христианская схема в этом вопросе отличается формальной четкостью: плоть тяготеет ко злу, душа — к добру. Гностики и Филон Александрийский отводили Богу роль творца добра. Зло же сотворено космогоническими силами и Сатаной. Хазал видят Бога единственным Творцом всего сущего, как добра, так и зла, и все, что Он сотворил, прекрасно. «Нехемия, сын рабби Шмуэля бар Нахмана, сказал (Бытие, 1:31): «И вот очень хорошо»: «хорошо» — это человек, «хорошо» — это добрый йецер, «очень» — это злой йецер. И что же, злое побуждение очень хорошо? Потому учим: если бы не Йецер, не строил бы человек дом и не женился бы, и не родил бы сыновей, и не занимался бы делом» (Кохелет Рабба 3:11). Как видим, апологетика Йецера вполне уместна — ведь он важная часть Божественного замысла. Хазал не разделяют человека на душу и тело и видят его единым целым, оба йецера обречены в нем ужиться, и ими обоими человек должен служить Всевышнему.

Безупречного праведника Иова мудрецы упрекают в том, что он служил Богу только добрым побуждением¹, они, похоже, даже сочувствуют Сатане, затеявшему недоброе «(Иов, 2: 6–7): «И сказал Господь Сатане: вот он, в твоих руках, но душу его сохрани. И вышел Сатана от лица Иеговы и поразил Иова». Сказал рабби Ицхак: горе Сатаны тяжелей горя Иова, похоже на историю с рабом, которому сказал хозяин: сломай бочку, но сохрани вино» (Бава Батра 16а).

Разговор о двух йецерах не может не затронуть такие базисные философские понятия, как добро и зло. В длинной веренице неразлучных дихотомий добро и зло являют собой пример прочного долговечного супружества и фанатичной верности друг другу. Добро и зло, свет и тьма, знание и невежество, жара и холод, рождение и смерть, созидание и разрушение, война и мир — невозможно не уловить здесь гегелевского постулата о единстве и борьбе противоположностей.

Повествование о противоборстве «сынов света и сынов тьмы» содержится в одном из знаменитых кумранских свитков. Идея противостояния света и тьмы как двух начал единого целого, возможно, была позаимствована именно оттуда и оформилась в учение гностицизма. Гностики развили идею Сократа и Платона «познай самого себя». «Гнозис» — познание человеком собственного внутреннего «я» — позволяет ему познать мир и восстановить гармонию мира. Это дается немногим, и эти немногие — обычно чужаки, изгой — и есть «сыны света».

¹ Гершом Шодем приводит старую и очень глубокую мысль Мишны о том, что «можно любить Бога и злым побуждением». Эта идея нашла свое тупиковое логическое и трагическое завершение в еврейских сектантских движениях XVII–XVIII веков, таких, как саббатрианство и франкизм. См. Г. Шодем. *Основные течения в еврейской мистике*. Иерусалим, «Библиотека-Алия», 1993. В 2-х т. Т. 2, с. 148.

«Познай самого себя» — целая наука. Только в конце познания всех вещей человек познает самого себя: вещи только границы человека»¹. Завершение процесса самопознания, согласно учению, изложенному в каббалистической книге «Зохар», «это та точка, на которой человек, достигнув глубочайшего понимания своего собственного Я, осознает присутствие Бога»². Экзистенциализм подхватил идею о познающем мир и развил ее в концепцию о «постороннем», чьи усилия тщетны, а личность трагична.

У художника нет иного, кроме творческого, пути приобщения к познанию мира и сотворению собственного.

Ницше требовал: «Я хочу, чтобы они [философы] стали по ту сторону добра и зла, были выше иллюзий нравственных суждений»³. Тем самым он выбил у мыслителей из-под ног платформу, уже достаточно расшатанную «категорическим императивом» классического немецкого философа Канта. В конце концов Ницше и вовсе заменил этику эстетикой, то есть покончил с иудео-христианской нравственной традицией, или, пользуясь его терминологией, «нравственными пред-рассудками»⁴.

Этика не всегда дружит с эстетикой. Возможно, одна из причин неприятия иудаизмом изобразительных искусств как раз и кроется в том, что этические критерии оказываются совершенно непригодными для оценки эстетических явлений. Встреча с величайшей пластической культурой древнего мира, египет-

¹ Ф. Ницше (см. прим. 9), с. 146.

² Г. Шолем (см. прим. 12, цит. соч., т. 2, с. 22).

³ Ф. Ницше. (см. прим. 9, цит. соч., с. 164).

⁴ Уже ранние христианские теологи говорили об автономности этики: верующему незачем, как того требует иудаизм, исполнять заповеди, его внутренний компас, скорректированный религиозной ориентацией, должен безошибочно указывать, что есть добро и что — зло. Как, к примеру, законопослушному гражданину незачем учить наизусть уголовный кодекс, чтобы не нарушать его.

ской, оставляет евреев слепыми — ни порицания, ни восторга. Во всей еврейской библиотеке, которая измеряется не количеством томов, а погонными метрами, нет ни слова ни о египетской скульптуре, ни о живописи (то же можно отнести и к искусству Древней Ассирии и, тем более, Рима). А ведь евреи в Египте были не только рабами, но и занимали иногда высокие посты, и были даже приближенными фараона, и, значит, их глаза могли насыщаться избыточным величием египетского искусства, которое и по сей день не оставляет равнодушным ни одного восприимчивого к красоте человека. Евреи «спускались» в Египет, как в преисподнюю. Египет — это нечисть, мерзость и только.

Попробую представить себе еще один возможный вариант отношений между иудаизмом и искусством, например, как отношения госпожи и служанки.

Имя служанки Оманут¹. Яхадут² видит в ней пришлую из чужого рода-племени язычницу. Она расцветает там, где практикуют оргии, человеческие жертвоприношения, идолопоклонство. Госпожа Яхадут никогда не принимала эту девку к себе в услужение. И не потому, что та, ясное дело, перепортила всех сыновей в доме и привьет им на всю жизнь вкус к греху. Яхадут предвидит такой ход событий и не очень им обеспокоена. Она прозорливей — заранее исключает саму возможность создания ситуации, чреватой тем, что вчерашняя рабыня станет вольноотпущенницей и посягнет на ее, госпожи, место. Вот что недопустимо!

Но как же, пока я фантазирую, обстоят дела с обоими *йеце-рами* и, вообще, с добром и злом?³ Может быть, здесь наступила

¹ *Оманут* (иврит) — искусство.

² *Яхадут* (иврит) — иудаизм.

³ Попытки определить «добро» и «зло» в еврейских священных книгах многочисленны, и не представляется возможным привести все множество примеров в рамках этого эссе. Хотелось бы познакомить читателя

ясность, проблема решена, и мы проглядели этот момент? Ничуть не бывало.

Тугой клубок добра и зла, как камень из пращи, запущен с одного берега времени на другой, противоположный. Началом броска будем считать тот момент, когда Адам и Ева в райском саду отведали запретный плод с «древа познания добра и зла», а приземлится клубок, очевидно, с пришествием Мессии. Разделение добра и зла как раз и должно ознаменовать этот приход¹.

У нас еще предостаточно времени, чтобы решать, что такое хорошо и что такое плохо.

с одной из самых поэтичных интерпретаций из каббалистической книги «Зохар»: «Само по себе зло мертво, и его оживляет только луч света, струящийся из святости Божьей, каким бы слабым он ни был». Г. Шолем. Цит. соч., т. 2, с. 50. Формула-перевертыш «Праведник — и плохо ему, злодей — и хорошо ему» вошла в повседневную речь.

¹ Как писал р. Хаим Витал (известный каббалист, 1543–1620), «Когда добро и зло окончательно разделятся, придет Мессия». См.: Хаим Витал. *Эц ха-хаим* (Древо жизни). Тель-Авив, «Китвей рабейну ха-Ари зацаль», 1960 (на иврите).

О ЖЕНЩИНЫ, НИЧТОЖЕСТВО ВАМ ИМЯ!

«Не умножай беседы с женщиной. Велено не умножать разговоры с собственной женой, тем более, с женой товарища. Вот что говорят мудрецы: умножая болтовню с женой, человек причиняет себе вред — вместо изучения Торы ведет он праздные беседы и в конце концов очутится в аду» (Авот 1:5). Вовсе не разговаривать с женщиной трудно, ведь случаются бытовые и другие жизненные ситуации, которые одним молчанием не разрешить, но разговоры рекомендуется свести к минимуму. Зрелище ученого мужа, ведущего с женой теологическую дискуссию, — нонсенс. И уж совсем невозможно представить женщину, даже в роли секретарши, восседающую рядом с мужчинами в доме учения и выводящую из Торы галахические предписания. Ведь *«Торе лучше сгореть, чем попасть в руки к женщинам»* (И. Т., Сота 16а).

Все это относится к еврейским женам. Совсем другое дело иностранки. То там, то здесь в супертексте Талмуда и Мидрашей появляются анонимные римские матроны, которые атакуют раввинов дерзкими вопросами и втягивают последних в спор. Очевидна в таком поведении сторон иерархия победитель-побежденный (Рим-Иудея), и это делает римлянку нахальной, а мудрецов разговорчивыми. Реплики матроны можно свести к одной: «Что, мол, вы мне лапшу на уши вешаете?» *«Да неужто Иосиф, [допытывается такая], семнадцатилетний мальчишка выстоял перед соблазном? [Речь идет об Иосифе Прекрасном, отказавшем жене своего хозяина в близости. Римлянка считает, что быть такого не могло — Тора покрывает Иосифа]. Открыл раввин перед ней Книгу Бытие и стал читать ей о Реу-*

вене и Бильхе. Сказал ей: а ведь он был старше и под присмотром родителей, и ничего Писание о нем не скрыло. А Иосиф был молод и предоставлен самому себе. Его ли покрывать?» (Танхума Веяшев; Берешит Рабба 87). Для запамятовавшего читателя: Реувен, старший сын Иакова, переспал с наложницей своего отца, и за это был лишен первородства.

Иногда поводом для дерзкого вопроса становятся не слова Торы, а огромные животы раввинов. «Когда, бывало, встречались рабби Ишмаэль с рабби Йоси, и рабби Элизер с рабби Шимон, пара быков могла пройти под их животами и не задеть их. Сказала им одна матрона: ваши сыновья не ваши вовсе [дескать, с такими животом невозможно совершить половой акт]. Сказали ей: их [наших жен животы] еще больше наших. Иные говорили, что ответили ей (Судей, 8:18): «По человеку — и мощь его». Иные говорили, что ответили ей: любовь отстраняет плоть. Но зачем было отвечать ей? Ведь написано (Притчи, 26:4): «Не отвечай глупцу, а то сподобишься ему!» Чтобы не было сомнения в сыновьях [что сыновья законнорожденные]» (Бава Меция 84а).

Если положение римлянки выглядит привилегированным, то зачастую уж совсем особое место в еврейских священных книгах отведено проститутке. Блудница (так уж пошло от библейских переводов: слово «зона», с ударением на «а», всегда переводится как «блудница»), она прямо-таки оружие в руках Всевышнего для исправления зла.

«Говорили о нем, о раввине Элизере бен Дордия, что не пропустил ни одной блудницы на свете. Однажды услышал, что есть одна в приморском городе и берет она кошель динариев за услуги. Взял кошель динариев и пошел и пересек семь рек. За своим обычным занятием пукнула она и сказала: как эти ветры не вернутся назад, так и раскаяние Элизера бен Дордия не будет принято. Пошел и сел меж горами и холмами и сказал: горы и холмы, попросите ко

мне сострадания. Сказали ему: прежде, чем мы попросим о тебе, попросим о себе, как сказано (Исайя, 54:10): «Ибо горы сдвинутся и холмы рухнут»» (Авода Зара 17а). Далее несчастный ищет заступничества у небес и земли, у солнца и луны, у звезд и созвездий — все заняты собой, никому нет до него дела...

Рассказ-миниатюра построен так, что «пук» в центре повествования — самая что ни на есть классическая пуэнта, которая, как рычаг, переворачивает действие с ног на голову. Раввин-развратник-казанова не пропускает ни одной проститутки, но этого ему, завязатому гурману, мало и, прослышав о знаменитой блуднице, отправляется в путешествие за море, в тридевятое царство, тридешатое государство, захватив с собой нужную сумму в имперской валюте. Жрица любви живет в приморском городе, а жители приморских городов малорелигиозны и материалистичны. Портовые переулки — рассадник разврата. Начало вполне в духе греческого плутовского романа, ровесника нашей новеллы. И не пукни героиня за своим обычным занятием, все могло бы кончиться иначе. Но не тут-то было. Анус проститутки трубным гласом архангела возвещает клиенту о приближении Страшного Суда, где «раскаяние Элизера бен Дордия не будет принято». Ветры, пущенные ею, сотрясают вселенную. (Исайя, 51:6): «Небеса, как дым, рассеются, и земля, как одежда, обветшает», (там же, 24:23): «и посрамлена луна, и пристыжено солнце», (там же, 34:3): «и исчезнет все воинство небесное».

Фривольный анекдот в мгновение ока превращается в назидательную притчу. Меняется стиль повествования. С этого момента он насыщен апокалипсическими цитатами из Книги пророка Исайи, и злоключение незадачливого «сексуального туриста» разрастается в космическую трагедию.

Самое время порассуждать о низком и высоком в текстах Устной Торы, о характерном для нее занижении эпического

и в связи с этим вспомнить площадной балаган с его непристойными сценками и сальными репликами, вызывавшими утробный гогот почтенной публики. Возможно, совсем рядом с нашим раввином, в едином хронотопе бродит апулеевский заколдованный юноша в образе Золотого осла. Он тянется своими ослиными губами к розовому кусту, розы — противоядие от колдовства, и, отведав их, он сбросит ненавистную шкуру. Его нетерпеливое ржание вместе с анальными громовыми раскатами портовой шляхи оглашают культурное пространство эпохи, которую ивритоязычные исследователи поэтично именуют «кромкой Древнего мира».

Проституткой прикидывается пророк Илья, величайший из библейских пророков, и так спасает рабби Меира, подвергнувшегося преследованиям за изучение Торы и скрывшегося от преследователей в публичном доме. Илью-пророка, нетерпимого к греху, составители Гемары превращают для пользы дела в продажную женщину. *«Пришли и высекли [в камне] образ рабби Меира в людном месте при въезде в Рим и сказали: всяк, кто увидит эту физиономию, пусть приведет его. Однажды заметили его и погнались за ним. Бежал перед ними. Скрылся в публичном доме. <...> Обмакнул палец в кушанье и облизал палец, будто занят едой. Иные говорили: явился Илья, прикинулся шлюхой и заключил его в свои объятия. Сказали преследователи: да ни за что на свете рабби Меир не смог бы так себя повести [человек в объятиях проститутки не может быть рабби Меиром!]. И так спасся»* (Авода Зара 76б).

Видные раввины своего поколения, братья рабби Ханина и рабби Ошайя, перебрались из Вавилонии в Палестину, и пришлось им зарабатывать на жизнь сапожным ремеслом (знакомая ситуация, не правда ли?). *«Сидели они на улице проституток и тачали башмаки для проституток. И те крутились возле них*

и смотрели на них, но братья не поднимали на блудниц глаз. Поэтому клялись люди жизнью святых раввинов Земли Израиля» (Песахим 113а, б). Ибо грех, как его понимали Хазал, гнездится не в продажных женщинах и, подавно, не в башмаках, а в ... глазах. *«Не властен злой иецер над тем, чего его глаза не видят»* (Сота 8а)¹.

(Вот так же сидел на старой центральной автобусной станции в Тель-Авиве религиозный еврей и продавал порнографию. Праведный старик в черном, с бородой и при кипе. Вокруг него были разложены раскрытые журналы, и на их страницах, как сочные экзотические фрукты, — половые органы в различных ракурсах. Продавец на них глаз не поднимал, он, не отрываясь, следил за группкой арабских подростков, те перешептывались, отсчитывали мелочь и жадно косились на вожденный товар.)

Похоже, Талмуд и вправду наделяет блудницу какими-то незаурядными качествами, и тогда Мириам из Мигдалы (она же — Мария Магдалина) очень соблазнительно поставить в один ряд со столь славными женщинами. Но ведь если это так, то почему в текстах Устной Торы *«цена блудницы равна цене собаки»* и проституция считается великим злом? *«Сказал рабби Шмэлай: всюду вместе с проституцией, с ней приходит в мир хаос, и гибнут и хорошие, и плохие. <...> Рабби Йехошуа бен Леви сказал: ко всему Пресвятой, благословен Он, проявляет терпение, кроме проституции»* (Берешит Рабба 87,5).

Кроме блудниц, встречаются в текстах Талмуда и Мидрашей другие женщины, и отношение раввинов к ним способно поднять на дыбы даже самую умеренную феминистку. И по праву. Вся раввинистическая письменность создана мужчинами для

¹ О зрении, грехе и визуальных (изобразительных) искусствах в культуре Хазал см. подробнее здесь в эссе «Творчество — проделки беса».

мужчин. «Женщины — они народ сами по себе» (Шаббат 62а). Еврей начинает день с молитвы: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты не создал меня женщиной». Да, мужчинами для мужчин, но очень много там говорено о женщинах.

«Сказал рав Иди: женщина, она всегда во всеоружии» (Йевамот 196а). «Сказал рав Шешет: тот, кто смотрит на мизинец женщины, все равно что смотрит на ее хищное место!» (Брахот 24б). «Волосы женщины — ее срамное место» (там же). «Каждая пядь женского тела — срамное место» (там же). «Икры женщины — ее срамное место» (там же). «И продолжил Шмуэль на эту тему: голос женщины — ее срамное место [эрва — на иврите]. <...> Как сказано (Песнь Песней, 2:14): «Голос твой — сладок [арэв — на иврите] и вид приятен»» (Брахот 24а). Шмуэль выстраивает здесь фонетическую аналогию. Голос сладок — арэв, значит, он, голос — эрва. Фонетические игры — излюбленное занятие талмудистов и поэтов. «Построен на созвучьях / Мир, и развединен, / Мстит (на согласьях строен)». Это строки Марины Цветаевой. Хазал держали ухо остро: Тора передала им тайное закодированное послание, и по созвучиям они должны его разгадать. Но вернемся к дискуссии. «Рабби Хуна утверждает, что ягодицы женщины не считаются ее срамным местом» (Брахот 24а). Прав рабби Хуна, какой там срам — гордость! С переводом на русский слова эрва как «срам» я, и не я первая, слукавила. Великий и могучий не располагает достойным словом для обозначения женского полового органа. Ивритское эрва, в отличие от русского «срамного места», не носит уничижительного оттенка.

«Говорили наши мудрецы: четырьмя качествами наделены женщины: прозорливы, послушны, ленивы и ревнивы. Рабби Иехуда со слов рабби Нехемии сказал: болтливы и вспыльчивы. Рабби Леви сказал: воровки и шлюхи» (Берешит Рабба 45,5). Даль-

ше больше: «Женщина — бурдюк, полный говна, и горло его полно крови, но все ее жаждут» (Шаббат 152а). Просмотрела несколько переводов последней цитаты — переводчики стараются по мере возможности смягчить ее площадную грубость. Это и бурдюк, полный нечистот, и меха, полные фекалий. В антирелигиозной советской брошюрке «Социальная сущность Талмуда» находим: «Женщина — гуща испражнений, края которой залиты кровью, и к которой, тем не менее, все прикладываются»¹.

«Проклял [Всевышний] женщину — но все ее жаждут» (Йома 75а). В аналогичном отрывке из трактата Брахот по крайней мере соблюдено полное равноправие между полами, даже, если хотите, женщину пропустили вперед: «Сначала был проклят Змей, а в конце была проклята Ева, а в самом конце был проклят Адам» (Брахот 61а). Час от часу не легче.

«Лучше человеку не касаться женщины». Стоп. Последняя сентенция — из Нового Завета, принадлежит она апостолу Павлу (I Послание к Коринфянам, 7:1) и затесалась в наш ряд в силу своей внешней риторической схожести с репликами раввинов. И неудивительно, новорожденное христианство было туго спеленуто еврейской фразеологией. Но по смыслу ничего подобного талмудистами не могло быть сказано — они поносили и осуждали женщину, но безбрачие осуждали много больше. «Сказал рабби Элизер: человек, у которого нет жены — не человек вовсе,

¹ М. Шахнович. *Социальная сущность Талмуда*. Изд-во «Атеист». Москва, 1929. В этой атеистической брошюре разоблачается Талмуд как книга, освящающая социальное и классовое неравенство. Вместе с тем, брошюра знакомит читателя со сложной структурой Мишны и Гемары. В обширной литературе по иудаизму, должна отдать автору должное, никто из популяризаторов Талмуда не делает это лучше. Шахнович прекрасно осведомлен о быте учащихся иешив (или ешиботов, как эти учебные заведения назывались в царской России). Нет сомнения, автор учился на раввина... и не пропадать же знаниям.

ведь сказано (Бытие, 1:27–28): «...мужчиной и женщиной Он сотворил их и назвал их человеком» (Йевамот 63а). «Нельзя мужчине без женщины и женщине без мужчины, и им вместе — без Шехины» (Берешит Рабба 22,2). «Шехина» толкуется как присутствие Бога в мире, Его земная эманация, и переводится словом «Провидение». Позволю себе маленькую вольность и переведу его как «любовь». И им вместе (мужчине и женщине) нельзя без любви.. «Мужчиной и женщиной они были, слитком из двух частей. Смотрят один на другого, и Бог между ними»¹.

Хазал поощряли раннюю женитьбу, считалось, она оберегает от греха и создает для юноши условия для занятия Торой. «Двадцати лет и не женат — все его дни в грехе» (Киддушин 29б). «Сказал рав Хас-да: почему это я краше всех моих друзей? Потому что женился в шестнадцать лет, а женись я в четырнадцать, мог бы сказать Сатане: накося выкуси!» (там же, 30а). В оригинале — «мог бы сказать Сатане: стрелу тебе в глаз!» Предлагаю читателю выбрать понравившийся вариант.

В немаловажном вопросе женитьбы, и здесь не было единого мнения, некоторые авторитеты считали, что ранний брак только помешает изучению Торы. Мол, с «*жерновом на шее*» не очень то поучишь Тору.

Исследователи раввинистической письменности сожалеют о том, что женская рука не оставила в этом огромном словесном массиве ни одной строки. Зато более половины (68 стихов из 117) Песни Песней написаны от лица женщины и, значит, женщиной. Эта дивная смуглая красавица по имени Шуламит [Суламифь] говорит о своей любви безыскусным и ароматным языком вели-

¹ Более полный отрывок из «Книги жизни грядущего мира» (*Сефер хайей ха-олам ха-ба*) великого каббалиста Авраама Абула-фии приведен в эссе «Ангелы в натуральную величину». См. прим. 11 к этому эссе.

кой поэзии и никаким комментаторам-мужчинам, ни евреям, ни, вслед за ними, христианам, как они ни старались, не удалось его демегафоризовать, то есть опошлить¹. Песнь Песней обрела свою законченную, знакомую нам, форму за несколько веков до написания Талмуда. Движение истории вперед не обязательно совпадает с прогрессом, каким мы его понимаем.

В эпоху Хазал женщина, увы, лишена «права голоса». Тем более удивительно признание каббалистами приоритета женского начала над мужским в системе мироздания. И уж совсем неожиданной может показаться сентенция: «Святой, благословен Он, дал женщинам обещание весомей, чем мужчинам [об их доле в будущем мире]» (Брахот 17а). Доля в грядущем мире — вещь серьезная, лишиться ее — страшная участь. «Не таков, как этот мир, мир грядущий: он не знает ни еды, ни питья, ни размножения, ни дел, ни зависти, ни ненависти, ни конкуренции, сидят там праведники, венцы величия на их головах, и насла-

¹ Еврейские комментаторы трактовали любовный тандем Песни Песней как любовь Всевышнего к общине Израиля, вслед за ними христианские авторитеты — как любовь Христа к Церкви. Когда Синедрион пересматривал вопрос о канонизации каждой из книг Танаха, в список канонических вошли 24 книги, остальные стали называться «внешними книгами» (*сфарим хициониим*). В канон не вошли такие серьезные книги, как «Книги Маккавеев», «Книга Юдифи» и некоторые другие, в основном, по политическим соображениям. Традиция приписывает рабби Акиве (50–135) заслугу включения Песни Песней в число канонических книг. Как известно, рабби Акива обладал большим авторитетом и его мнение превалировало над мнением любого мудреца-современника, что помогло ему отстоять любимую книгу. Рабби Акиве принадлежит любопытное требование: он запрещал горланить Песнь Песней на свадебных пирах, видел в этом святотатство и даже страшал ослушников небесными карами. Какое замечательное свидетельство того, что народ распевал Песнь Песней на свадьбах! Подробную интерпретацию каждой строки Песни Песней как выражения любви Господа к избранному Им народу составил Раши. См. *Песня Песен*. Иерусалим, «Филобиблон», 2003 (на русском и иврите).

СОДЕРЖАНИЕ

ждаются сиянием Шехины» (там же). И в этом сказочном мире зарезервировано место за нечистой самкой? «Женщины, чем они заслужили такое?» (там же) — восклицает Рав. «Тем, что отводят сыновей в синагогу, что посылают мужчин в дом учения и ждут их возвращения из дома учения» <...>, и создают им условия для самого главного занятия в жизни — изучения Торы» (там же). Свою свыше обещанную им долю в загробном мире женщины получают, конечно, благодаря мужчинам.

В трактате «Брахот» воздается благодарность Всевышнему, создавшему женское тело отличным от тела животного. «Сказал рабби Абаху»: [благодарим Его], что сделал ей сосцы рядом с сердцем [местом мудрости]. И в чем же смысл этого? Сказал рабби Йехуда: чтобы не смотрел [младенец] на срамное место матери. Рабби Маттана сказал: чтобы не кормился он рядом с отхожим местом» (Брахот 10а). Какая очевидная вещь — женское тело создано так, что младенец во время кормления видит лицо матери, а не ее срамное место.

Великие художники Возрождения, писавшие и ваявшие мадонн с младенцами, воспевшие материнство и одухотворившие физиологический акт кормления грудью, не забудьте пригласить на ваш пир раввинов-амораев, месивших словесную глину в первых веках нашей эры!

Впрочем, они вряд ли примут это приглашение.

Этюд	5
Менялы для прекрасной Лалы	12
Трофейный Будда	38
Фигаро	45
После смерти поэта	56
Диплом со свастикой	61
Реди-мэйд	65
Иосиф прекрасный	73
Бес в ребро	90
Айн пнимит	106
Автопортрет в зеркале	118
Либертэ — либертен	131
Львиная капитель	142
Династия Штиглицев	166
Немоту лечить стихами. Памяти Эдуарда Шнейдермана	180
Картина с выставки	204
Псевдоэпиграф	233
Натюрморт с серебряным кубком	245
Лук и стрелы	258
Творчество — проделки Йецера	267
О женщины, ничтожество вам имя!	277

Мириам Гамбург
ГАРГУЛЬЯ

Компьютерная верстка *В. М. Бердника*
Корректор ????

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Журнал «Звезда».
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20.

Отдел реализации: (812) 273-37-24; mail@zvezdaspb.ru

Подписано к печати 00.00.2020. Формат ??????. Бумага офсетная.

Уч. изд. л. ????. Усл. печ. л. ????. Тираж ??? экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, В. О. Средний пр., 86. тел. (812) 320-52-85